

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

3
2020

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations"
Series

Academic Journal
Quarterly issues

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia. 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993

e-mail: novikova.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 07.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: novikova.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph. D. associate professor, University Paris VIII, (France)

D. Foglesong, Ph.D., professor, Rutgers University, (USA)

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, Ph.D., professor of Communication, eastern Washington University, (USA)

M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University, (USA)

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz–Vienna, Austria

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation

B. Shteltzel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz–Vienna, Austria, vice-president of Austrian Commission, UNESCO, Vienna, Austria

A.D. Voskressenskii, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I.B. Antonova, Cand. of Sci. (Pedagogy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)

A.A. Novikova, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

A.S. Panov, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Executive editors

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH

A.A. Novikova, RSUH (executive secretary)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Кляканов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, США

М. Крэммер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет, США

В.С. Мирзаханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Ругенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, Австрия

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, Ph.D., доцент, Университет Париж VIII, Франция

Д. Фолдесонг, Ph.D., профессор, Университет Ратгерс, США

Т.А. Шахлаева, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена, Австрия

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

А.А. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.С. Панов, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Ответственные за выпуск

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, РГГУ

А.А. Новикова, РГГУ (ответственный секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

Инструменты современных политических институтов

- С.Л. Чепель*
Электоральная подвижность и консолидация «новых демократий»
в странах Центральной и Восточной Европы 10
- В.С. Царик*
Конструирование «гибридной войны» в западном информационном
пространстве: основные стадии и субъекты 20

Международные отношения стран Востока

- К.А. Корнеев, Л.А. Печищева*
Институты международного сотрудничества Японии и Индии:
текущие характеристики и перспективы развития 35
- Н.Б. Помозова*
Об усилении дипломатической стратегии Китая и некоторых
особенностях кадровой политики в отношении руководителей
дипломатических миссий КНР 50
- М.А. Сапронова*
Российско-сирийское постконфликтное сотрудничество
в контексте региональной многовекторности 59

История России XIX–XX вв.

- Ф.И. Уланов*
5-летняя годовщина Отечественной войны 1812 года:
практики коммеморации 76
- М.Е. Горохова*
Роль «белочехов» в создании имиджа Чехословацкого государства
в новом идеологическом пространстве России 89
- Н.В. Мельникова*
Проблема кадрового обеспечения
советского атомного проекта 101

Всеобщая история XIX–XXI вв.

Д.А. Пятыхина (Хивина)

Социальное сиротство в Мексике 112

Н.В. Ростиславлева

Вильгельм и Александр фон Гумбольдт
в исторической памяти нацистской Германии 123

Книжная полка

М.А. Гаецкий

Рецензия на книгу: Барышева Е.В.

*«В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник
в социальном конструировании нового общества.*

Москва: РГГУ, 2020. 192 с. 134

Г.Д. Галдилов

Рецензия на книгу: Медушевский Н.А.

«Размышления о политике памяти».

[б.м.] : Издательские решения, 2019. 146 с. 141

CONTENTS

Instruments of Contemporary Political Institutions

- Sergei L. Chepel*
Electoral volatility and consolidation of “new democracies”
in the countries of Central and Eastern Europe 10
- Vladimir S. Tsarik*
The ‘hybrid war’ constructing in Western media space.
Main stages and actors 20

International Relations of States of the East

- Konstantin A. Korneev, Lyudmila A. Pechishcheva*
Institutions of international cooperation
between Japan and India. Current characteristics
and the development prospects 35
- Natal'ya B. Pomozova*
On strengthening China's diplomatic strategy
and some features of the personnel policy regarding
the heads of the PRC diplomatic missions 50
- Marina A. Sapronova*
Russian-Syrian post-conflict cooperation
in the light of regional multi-vector course 59

History of Russia in XIX–XX Centuries

- Philipp I. Ulanov*
5th anniversary of the Patriotic war of 1812.
Practices of commemoration 76
- Mariya E. Gorokhova*
The role of the “Belochehks (White Czechs)” in creating the image
of the Czechoslovak state in the new ideological space of Russia 89
- Natal'ya N. Mel'nikova*
The staffing issue of the Soviet atomic project 101

World History of XIX–XX Centuries

- Dar'ya A. Pyatygina (Khivinova)*
The social orphanage in Mexico 112
- Natal'ya V. Rostislavleva*
Wilhelm and Alexander von Humboldt
in the historical memory of Nazi Germany 123

Book Shelf

- Maksim A. Gaetskii*
Book review: Barysheva, E.V. (2020),
“*In a cheerful roar, in fire and ringing*”. *A Soviet holiday
in the social construction of a new society*,
RGGU, Moscow, Russia 134
- Grigorii D. Galdilov*
Book review: Medushevskii, N.A. (2019),
Thoughts about the politics of memory,
[s. l.]. Izdatel'skie resheniya, Russia 141

Инструменты современных политических институтов

УДК 324(4-11)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-10-19

Электоральная подвижность и консолидация «новых демократий» в странах Центральной и Восточной Европы

Сергей Л. Чепель

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия, ChepelSL@mpei.ru*

Аннотация. В статье на основе данных электоральной статистики и социологических исследований предпринята попытка анализа динамики электоральной подвижности в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы в начале XXI в. Исследовано воздействие на электоральную мобильность населения экономического и политико-культурного факторов. Отмечается, что влияние экономической ситуации на смену партийных предпочтений избирателей снижалось по мере адаптации населения к условиям рыночной экономики. Более устойчивым фактором, воздействующим на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических странах ЦВЕ, выступает политическая культура общества, отмеченная низкой степенью партийной идентификации граждан. Слабая партийная приверженность толкает избирателей, разочарованных текущей политикой правительства, к быстрой смене партийных предпочтений, что способствует сохранению высокого уровня электоральной подвижности. В этих условиях партии создаются и действуют во многом исходя из текущей политической конъюнктуры, а не устойчивых социально-групповых запросов. В случае же прихода к власти партийные лидеры не считают себя скованными обещаниями, которые они раздавали в ходе предвыборных кампаний, что вызывает новый всплеск социального разочарования. Автор приходит к выводу, что высокий уровень электоральной подвижности избирателей препятствует консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах ЦВЕ, так как существенно ослабляет механизм ответственного партийного правления.

Ключевые слова: электоральная подвижность, партийная идентификация, «новые демократии», посткоммунистические страны, структурные размежевания, консолидация демократии

Для цитирования: Чепель С.Л. Электоральная подвижность и консолидация «новых демократий» в странах Центральной и Восточной Европы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 10–19. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-10-19

© Чепель С.Л., 2020

Electoral volatility and consolidation of “new democracies” in the countries of Central and Eastern Europe

Sergei L. Chepel

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ChepelSL@mpei.ru*

Abstract. The article examines the dynamics of electoral volatility in the post-communist countries of Central and Eastern Europe (CEE) in the early 21st century. Based on the statistical data of elections and the results of sociological researches the article focuses on the influence of economic and politico-cultural factors upon the electoral mobility of population. It is noted that the effect of economic situation on the changing party preferences of voters was lessened as the process of adaption of people to market economy progressed. It is believed that the society political culture in post-communist countries of CEE marked by a low-level party identification of citizens can be considered a more stable factor influencing the dynamics of electoral volatility. Weak party adherence induces voters who are disappointed by current government policy to change party preferences rather quickly what in its turn contributes to maintenance of the high-level electoral volatility. In those circumstances parties are formed and they act purely on the current political situation rather than the existing social and group demands. In case of coming into power party leaders do not consider themselves bound to fulfill the promises which they laded out during the election campaign, and as a result that can be the cause of a new rise in social disappointment. The author concludes that the high level of electoral volatility in the post-communist countries of Central and Eastern Europe considerably weakens the mechanism of responsible party management and so impedes consolidation of new democracies.

Keywords: electoral volatility, party identification, “new democracies”, post-communist countries, structural cleavages, consolidation of democracy

For citation: Chepel, S.L. (2020), “Electoral volatility and consolidation of ‘new democracies’ in the countries of Central and Eastern Europe”, *RSUH/RGGU Bulletin. Political Science. History. International Relations* Series, no. 3, pp. 10-19, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-10-19

Введение

Характерной чертой политического развития бывших социалистических стран в первое десятилетие XXI в. стало замедление процесса демократической консолидации. По данным «Nations in Transit», с 2008 по 2018 г. в 19 из 29 посткоммунистических и постсоветских государств наблюдалось падение качества

демократии¹. Согласно методике, используемой «Nations in Transit», уровень демократического развития страны определяется с помощью шкалы от 1 до 7, где 1 – наивысший показатель, а 7 – самый низкий. В период с 2008 по 2018 г. средний показатель демократического развития снизился в постсоциалистических странах Евразийского региона с 5,84 до 6,10; Балканского региона с 4,03 до 4,24; Центрально-европейского региона с 2,33 до 2,67². Таким образом, общий спад демократизации затронул страны ЦВЕ в наименьшей степени. Тем не менее, учитывая то, что среди постсоциалистических государств именно странам ЦВЕ удалось добиться наибольших успехов в деле демократизации, такой на первый взгляд незначительный шаг назад следует рассматривать как существенную политическую проблему, анализ которой позволяет дать ответ на вопрос о том, насколько вероятно дальнейшее снижение качества посткоммунистических «новых демократий».

Партийная идентификация и консолидация демократии

При демократическом правлении именно электоральное поведение демонстрирует отношение населения к существующей в стране политической системе. Одним из ключевых показателей электорального участия является динамика электоральной подвижности, отражающая интенсивность смены партийных предпочтений избирателей и прочность партийно-групповых связей. История стран Запада свидетельствует о том, что деятельность партий, связанная главным образом с вовлечением граждан в электоральный процесс, способствовала стабилизации демократических режимов за счет направления социальных конфликтов в русло политического диалога. При этом устойчивость института партии обеспечивалась не столько путем его нормативной регламентации, сколько за счет, выражаясь словами К. Джанды.

...материализации партии в общественном сознании, в результате чего она существует независимо от собственных лидеров, регулярно вовлекаясь в значимые модели поведения [Janda 1993, p. 168].

---

¹ Nations in Transit 2018. P. 3 [Электронный ресурс]. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_NationsInTransit_Web_PDF_FINAL_2018_03_16.pdf (дата обращения 11 февраля 2020).

² Ibid. P. 24.

В посткоммунистических странах ЦВЕ законодательное закрепление места и роли партий в политической системе была осуществлена еще в начале демократического перехода. Однако в политико-культурном смысле процесс институционализации партий не завершен в полной мере до настоящего времени, и партийная идентификация граждан посткоммунистических стран ЦВЕ продолжает оставаться невысокой и неустойчивой. По данным Европейского социального исследования, с 2008 по 2018 г. доля опрошенных респондентов, заявивших о том, что какая-то политическая партия им ближе, чем остальные, снизилась в Болгарии с 53 до 39%, в Чехии с 41 до 38% и выросла в Венгрии с 38 до 42%, в Польше с 23 до 33%³.

Проблема электоральной подвижности оказалась в поле зрения исследователей в связи с ослаблением в 70-е гг. XX в. электоральных позиций ведущих партий и ростом популярности партий нового типа.

Взаимоотношения между избирателями и партиями, очевидно, претерпели изменения: в одних странах обнаружена тенденция понижения партийной идентификации, в других – увеличение доли неконвенционального политического поведения [Pedersen 1979].

Используя индексный анализ, М. Педерсен зафиксировал активизацию электоральной подвижности избирателей в 13 изучаемых демократических странах. Как показали последующие исследования, средний показатель индекса электоральной мобильности в «старых демократиях» оставался достаточно умеренным, составив в период 1945–2005 гг. в Западной Европе и США 10,7% [Mainwaring, Gervasoni, Espana-Najera 2016, p. 4–5]. Совершенно иная ситуация складывалась в «новых демократиях». Так, средний показатель индекса электоральной подвижности составил в поставторитарных странах Латинской Америки в период 1983–2005 гг. 26,4%, а в посткоммунистических странах ЦВЕ и постсоветского пространства в период 1990–2005 гг. 43,6% [Mainwaring S., Gervasoni C., Espana-Najera 2016, p. 4–5]. В дальнейшем, как следует из табл., высокий уровень электоральной подвижности оставался выраженным признаком политического процесса в посткоммунистических странах ЦВЕ, хотя в каждой из них динамика мобильности избирателей имела свою специфику.

---

³ European Social Survey 2008; 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения 10 апреля 2020).

Таблица

Электоральная подвижность на парламентских выборах
в период 2001–2018 гг., %

Страна/Период	2000–2005	2005–2010	2010–2014	2014–2018
Болгария	39,3	54,5	25,9	21,3
Венгрия	11,2	34,3	15,7	16,9
Польша	34,9	24,9	12,9	32,3
Румыния	34,8	49,1	38,0	31,0
Словакия	28,0	29,4	21,1	29,8
Чехия	16,7	35,6	37,3	31,3

Подсчитано на основании источников: IFES Election Guide [Электронный ресурс]. URL: www.electionguide.org/ (дата обращения 6 февраля 2020); Election Resources on the Internet [Электронный ресурс]. URL: <http://www.electionresources.org/> (дата обращения 10 февраля 2020).

*Экономическая ситуация
и электоральная подвижность*

В исследованиях электоральной подвижности широкое распространение получило объяснение смены партийных предпочтений избирателей влиянием экономической ситуации, складывающейся в стране. Как подчеркивал один из основоположников теории рационального выбора, Э. Даунс, «каждый гражданин голосует за ту партию, которая, как он верит, обеспечит ему больше выгод, чем любая другая» [Downs 1957, p. 36]. Поэтому падение уровня жизни ведет к отказу в поддержке правящим партиям и поиску избирателями электоральной альтернативы в виде либо оппозиционных политических сил, либо партий, впервые появившихся на электоральном поле. В условиях же благополучного социально-экономического положения большинство избирателей продолжают поддерживать правящие партии. Среди экономических факторов, оказывающих влияние на электоральную подвижность, наиболее значимым следует признать уровень безработицы, рост которого всегда приводит к быстрому разочарованию граждан в деятельности правящих элит. Анализ изменений на рынке труда и динамики смены партийных предпочтений избирателей в посткоммунистических странах ЦВЕ действительно подтверждает наличие достаточно выраженной положительной корреляции между этими двумя процессами. По данным Всемирного банка, в большинстве

рассматриваемых стран в 1990-х гг. наблюдался существенный рост безработицы. Так, в период 1991–2001 гг. в Болгарии уровень безработицы повысился с 12,1 до 19,9%, в Словакии с 11,6 до 19,3, в Польше с 13,0 до 18,3, в Чехии с 2,2 до 7,9, а в Румынии снизился с 8,1 до 6,5 и в Венгрии с 9,7 до 5,6%⁴. В этот же период средний показатель индекса электоральной подвижности составил в Румынии 46,5, в Польше 45,5, в Словакии 43,6, в Болгарии 39,3, в Венгрии 30,1, в Чехии 28,5% [Mainwaring, Gervasoni, España-Najera 2016, p. 4-5]. Как следует из приведенных данных, высокая электоральная подвижность имела место в странах, в наибольшей степени затронутых безработицей, таких как Болгария, Словакия, Польша. В то же время пример Румынии, где самый высокий уровень мобильности электората наблюдался в условиях не роста, а снижения безработицы, говорит о том, что неустойчивую партийную идентификацию избирателей в посткоммунистических обществах нельзя объяснить влиянием только экономических факторов. Так, по данным Всемирного банка, с 2008 по 2013 г. уровень безработицы вырос в Болгарии с 5,6 до 12,9%, в Польше с 7,1 до 10,3, в Венгрии с 7,8 до 10,1, в Словакии с 9,5 до 14,2%⁵. Однако, как следует из табл., в этот период в перечисленных странах электоральная подвижность не увеличилась, а, напротив, заметно снизилась. Думается, что падение влияния экономической ситуации на электоральное поведение связано с преодолением психологического шока, который испытали посткоммунистические общества Центральной и Восточной Европы в ходе форсированной режимной трансформации начала 1990-х гг. и с постепенной адаптацией населения к рыночной системе. Сохранение при этом в среднем высокого уровня электоральной подвижности указывает на то, что неустойчивость партийных предпочтений обусловлена главным образом особенностями политической культуры граждан посткоммунистических государств ЦВЕ.

Структурные размежевания и электоральная подвижность

Общепризнанной теоретической основой изучения влияния культурного контекста на партийную идентификацию граждан выступает концепция исторических структурных размежеваний С. Липсета и С. Роккана, раскрывшая предпосылки политической

---

⁴ Unemployment, World Bank Data 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS> (дата обращения 18 марта 2020).

⁵ Ibid.

самоорганизации социальных групп. Национальная и индустриальная революции, осуществленные в процессе модернизации, породили четыре линии фундаментальных расколов: между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими. По мере расширения избирательного права эти размежевания трансформировались в системы политических партий, специализировавшихся на выражении запросов различных слоев общества. Становление устойчивых партийных систем в странах Запада было обусловлено органичным характером процесса модернизации, который содействовал постепенному распространению гражданской культуры в массовом политическом сознании. Вместе с тем отчетливые и глубокие линии структурных размежеваний укрепляли партийно-групповые связи, снижая тем самым электоральную мобильность избирателей, голосовавших преимущественно исходя из своих классовых, религиозных, этнических ценностей и интересов. С точки зрения такого подхода высокие показатели электоральной подвижности в посткоммунистических странах ЦВЕ можно рассматривать как результат слабого воздействия исторических социально-политических расколов на поведение избирателей. Как известно, страны ЦВЕ вступили в процесс модернизации намного позже государств Западной Европы, и к началу Второй мировой войны задачи национальной и индустриальной революций еще не были полностью решены. Поэтому социально-политические размежевания, о которых писали С. Липсет и С. Роккан, не получили отчетливого выражения, а партийные системы, возникшие во всех странах ЦВЕ в межвоенное время, не приобрели достаточной устойчивости.

Важно напомнить, что периоды парламентской демократии в странах ЦВЕ на этапе между двумя войнами были слишком короткими, чтобы обеспечить прочное укоренение и структурирование политических партий [Gueorguieva 2002, p. 50].

Уничтожение партийного плюрализма в результате установления в странах ЦВЕ после окончания Второй мировой войны тоталитарных режимов положило конец процессу формирования «сверху» партийной идентификации граждан. В то же время навязывание тоталитарной модели общественного устройства привело к резкому сокращению культурно обусловленного спроса «снизу» на разнообразие каналов партийного представительства. Действительно, национализация промышленности ликвидировала источник конфликта между собственниками и рабочими, блокировав тем самым развитие либеральной и социалистической политиче-

ских субкультур. Переход к коллективным формам ведения сельского хозяйства и государственная политика выравнивания доходов городского и сельского населения свели к минимуму причины для конфликта между городом и селом, что оказало сдерживающее воздействие на формирование консервативной политической субкультуры. Жесткий государственный контроль деятельности религиозных учреждений и активная атеистическая пропаганда сыграли решающую роль в ослаблении сохраняющегося конфликта между государством и церковью, ограничив развитие клерикальной политической субкультуры. Наконец, курс господствующих коммунистических партий на создание единых социалистических наций, сплоченных государственной идеологией, во многом подорвал источники конфликта между центром и периферией, снизив влияние этнических политических субкультур. Именно слабое проявление исторических структурных размежеваний привело к тому, что политическая демократизация, начавшаяся в странах ЦВЕ в конце 80-х гг. XX в., не сопровождалась становлением стабильных партийных систем, схожих с западными образцами. Конечно, политические партии, опиравшиеся на клерикальную, этническую, аграрную политические субкультуры, возникали в процессе перехода к демократии. Однако, не сумев заручиться широкой поддержкой избирателей, они были вынуждены использовать электоральную тактику взаимодействия с ведущими игроками, политические стратегии которых строились, исходя из центрального социально-политического раскола. Таковым с начала демократических преобразований является конфликт между сторонниками и противниками быстрых и глубоких рыночных реформ, представляющий собой современное выражение исторического размежевания между собственниками и рабочими. Поэтому в качестве двух основных идеологических полюсов, притягивающих периферийные политические силы, выступают экономический либерализм и социальный патернализм. В социальном измерении этот политико-идеологический дуализм является отражением глубокого раскола посткоммунистических обществ на процветающее меньшинство и бедствующее большинство. Подчеркивая остроту этой социально-политической проблемы в странах ЦВЕ, Ж.-М. Ваэль еще в начале 2000-х гг. писал, что «после десяти лет трансформации граница между выигравшими и многочисленными проигравшими от экономического транзита представляется все более и более неподвижной» [Waele 2002, p. 146]. В условиях, когда большинство избирателей в той или иной степени относятся к когорте проигравших в результате рыночных реформ, политические партии, считающиеся на электоральный успех, вынуждены в ходе избира-

тельных кампаний уделять значительное внимание социальному вопросу. Используя популистскую предвыборную риторику и текущую политическую конъюнктуру, партийные лидеры стремятся к мобилизации максимально широкой электоральной поддержки проигравших с целью повышения своих шансов на прохождение в парламент. Но, действуя в среде нечетко структурированного массового электората, партийные представители не испытывают особой социальной ответственности и поэтому в случае прихода к власти не склонны строго придерживаться тех заявлений, которые они делали для привлечения симпатий избирателей. Неизбежное в этой ситуации разочарование толкает избирателей, не ощущающих со своей стороны сильной приверженности той или иной партии, к поиску альтернатив политического выражения, что только усиливает электоральную подвижность.

Таким образом, динамика электоральной мобильности свидетельствует о сохранении непрочного взаимодействия политических партий и гражданского общества в деле обсуждения, принятия и реализации государственного курса, что представляет угрозу процессу демократической консолидации. Можно предположить, что усиление электоральной подвижности избирателей приведет к дальнейшему снижению качества демократии в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы.

Литература

- Downs 1957 – *Downs A.* An Economic Theory of Democracy. Harper and Row Publishers. New York, 1957 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/38450380/Anthony_Downs_An_Economic_Theory_of_Democracy_Harper_and_Row (дата обращения 10 марта 2020).
- Gueorguieva 2002 – *Gueorguieva P.* Le role des partis politiques en Europe centrale et orientale dans l'entre-deux-guerres // Partis politiques et democratie en Europe centrale et orientale. Bruxelles. Editions de l'Universite de Bruxelles. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/6429/94731ed0c4ba39b8641c8eabce107f04df1a.pdf> (дата обращения 27 февраля 2020).
- Janda 1993 – *Janda K.* Comparative Political Parties: Research and Theory. 1993 [Электронный ресурс]. URL: http://janda.org/comparative%20parties/Janda_on_parties.htm (дата обращения 15 февраля 2020).
- Mainwaring, Gervasoni, Espana-Najera 2016 – *Mainwaring S., Gervasoni C., Espana-Najera A.* Extra- and within-system electoral volatility [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/22310372/Extra-_and_Within-system_Electoral_Volatility (дата обращения 16 апреля 2020).
- Pedersen 1979 – *Pedersen M.* Electoral Volatility in Western Europe: 1948–1977. 1979 [Электронный ресурс]. URL: <http://janda.org/c24/Readings/Pedersen/Pedersen.htm> (дата обращения 15 февраля 2020).

Waele 2002 – *Waele J.-M.* Consolidation democratique, partis et clivages en Europe centrale et orientale // *Partis politiques et democratie en Europe centrale et orientale*. Bruxelles: Editions de l'Universite de Bruxelles, 2200 [Электронный ресурс]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/6429/94731ed0c4ba39b8641c8eabce107f04df1a.pdf> (дата обращения 14 апреля 2020).

References

- Downs, A. (1957), *An Economic Theory of Democracy*. Harper and Row Publishers New York, available at: https://www.academia.edu/38450380/Anthony_Downs_An_Economic_Theory_of_Democracy_Harper_and_Row (Accessed 10 March 2020).
- Gueorguieva P. (2002), *Le role des partis politiques en Europe centrale et orientale dans l'entre-deux-guerres*, *Partis politiques et democratie en Europe centrale et orientale*, Editions de l'Universite de Bruxelles, Bruxelles, available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/6429/94731ed0c4ba39b8641c8eabce107f04df1a.pdf> (Accessed 27 February 2020).
- Janda, K. (1993), *Comparative Political Parties: Research and Theory*, available at: http://janda.org/comparative%20parties/Janda_on_parties.htm (Accessed 15 February 2020).
- Mainwaring S., Gervasoni C. and Espana-Najera, A. (2016), *Extra-and within-system electoral volatility*, available at: https://www.academia.edu/22310372/Extra_and_Within-system_Electoral_Volatility (Accessed 16 April 2020).
- Pedersen, M. (1979), *Electoral Volatility in Western Europe 1948-1977* [Online], available at: <http://janda.org/c24/Readings/Pedersen/Pedersen.htm> (Accessed 15 February 2020).
- Waele, J.-M. (2002), “Consolidation democratique, partis et clivages en Europe centrale et orientale”, *Partis politiques et democratie en Europe centrale et orientale* Editions de l'Universite de Bruxelles, Bruxelles, available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/6429/94731ed0c4ba39b8641c8eabce107f04df1a.pdf> (Accessed 14 April 2020).

Информация об авторе

Сергей Л. Чепель, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; 125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, д. 49; ChepelSL@mpei.ru

Information about the author

Sergei L. Chepel, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125167; ChepelSL@mpei.ru

Конструирование «гибридной войны» в западном информационном пространстве: основные стадии и субъекты

Владимир С. Царик

*Международный юридический институт, Москва, Россия
ussura-moskva@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ процесса конструирования «гибридной войны» как политического дискурса в западном информационном пространстве в ходе его утверждения в 2014 г. Используя дискурсивный анализ и метод отслеживания процесса (*process-tracing*), автор выявляет основных акторов действия, восстанавливает последовательность событий в ходе становления и развития дискурса о «гибридной войне» и анализирует его смысловые трансформации с учетом интересов продвигающих его акторов. Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы: 1) дискурс о «гибридной войне» РФ против Запада был сформулирован весной 2014 г. для обоснования украинского нарратива о «российской агрессии на Украине» и закрепления конфронтационного характера отношений между Западом и Россией; 2) основную роль в запуске и первичном распространении этого дискурса сыграли представители негосударственных аналитических структур стран Балтии, Польши, Украины, Великобритании, а в его формализации на международном уровне – официальные лица и структуры НАТО; 3) в концептуальном отношении дискурс о «гибридной войне», объединяя в единое целое конвенциональные, иррегулярные и информационные средства ведения войны, способствовал «этатизации» нетрадиционных угроз безопасности, «милитаризации» «мягкой силы» и криминализации «обычных» методов межгосударственной конкуренции.

Ключевые слова: «гибридная война», дискурс, Россия, Запад, Украина, НАТО, кризис, информационное пространство

Для цитирования: Царик В.С. Конструирование «гибридной войны» в западном информационном пространстве: основные стадии и субъекты // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 20–34. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-20-34

The “hybrid war” constructing in Western media space. Main stages and actors

Vladimir S. Tsarik

International Law Institute, Moscow, Russia, ussura-moskva@yandex.ru

Abstract. The article analyzes a process of the ‘hybrid war’ constructing as a political discourse in Western media space at the initial stages of its formation and promotion in 2014. Using the discourse analysis and process-tracing methods, the author detects principal actors involved in the process, reconstructs the sequence of events in the course of establishing and elaborating the ‘hybrid war’ discourse and analyzes transformation of meanings of that discourse proceeding from interests of actors involved into its elaboration. The analysis presented in the article led to the following conclusions: 1) discourse about Russia’s ‘hybrid war’ against the West was formulated in the spring of 2014 for substantiation of Ukrainian narrative on ‘Russian aggression in Ukraine’ and consolidation of the confrontational nature of relations between the West and Russia; 2) at the initial stage of discourse elaboration and dissemination the key role in this process was performed by representatives of non-governmental analytical institutions of the Baltic States, Poland, Ukraine and Great Britain, and in its formalization at the international level – the NATO official representatives and institutions; 3) in conceptual respect the ‘hybrid war’ discourse, combining into a single whole the conventional, irregular and information warfare, facilitated ‘*étatisation*’ of non-traditional security threats, “militarizing” the “soft power” and criminalizing the conventional ways of inter-state competition.

Keywords: “hybrid war”, discourse, Russia, the West, Ukraine, NATO, crisis, media space

For citation: Tsarik, V.S. (2020), “The ‘hybrid war’ constructing in Western media space. Main stages and actors”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 20-34, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-20-34

Введение

Становление конфронтационного курса коллективного Запада в отношении России в последние четыре года непосредственным образом связано с продвижением дискурса о так называемой «гибридной войне», которую якобы ведет наша страна со всем «свободным миром». Сегодня данный дискурс является одной из базовых идейных основ, подпитывающих конфронтационную риторику и конфронтационное мышление западных государств и институтов

в отношении России, обеспечивающих легитимизацию курса на всемерное сдерживание и противодействие российской политике в различных сферах общественной жизни и позволяющих стигматизировать Россию как опасного и непредсказуемого врага, несущего экзистенциальную угрозу западному сообществу и другим соседям [Dayspring 2016, p. 26–27]. За сравнительно короткий срок «гибридная война» прошла путь от заурядной аналитической категории до неоспоримой политической константы, устойчивого элемента западного политического пространства и критерия его смысловой структуризации [Limonier, Gérard 2017, p. 162]. Термины «гибридная война» и «гибридная угроза» инкорпорированы в лексикон официальных программных документов ряда ведущих мировых государств как мотивационные обстоятельства, обосновывающие необходимость в принятии ряда специальных мер в сфере безопасности и внешней политики.

При всем обилии публикаций, раскрывающих суть данного феномена как реального факта современной политической жизни, вопрос о причинах и механизмах продвижения «гибридной войны» как политического дискурса со своими задачами и функциями, в мировой и отечественной науке до сих пор не выступал предметом активных исследований. Отдельные российские и западные эксперты указывали на то, что «гибридная война» является скорее политическим ярлыком [Сазонова 2017; Kofman, Rojansky 2015], пропагандистским конструктом [Трапезникова, Батулин 2017, с. 50], нежели полноценной научной категорией, что его появление и внедрение в научный и политический лексикон имеет идеологическую детерминацию [Белозеров, Соловьев 2015, с. 9] и направлено прежде всего на стигматизацию России как актора на международной арене после кризиса вокруг Украины в 2014 г. Однако в причины использования и методы распространения этого ярлыка при наличии целого диапазона альтернативных описательных категорий они не углублялись.

В данной работе представлен анализ процесса конструирования «гибридной войны» как политического дискурса в западном информационном пространстве на начальных стадиях его утверждения и продвижения в 2014 г. Выявлены основные акторы, участвовавшие в этом процессе, и политические задачи, решению которых служил дискурс о «гибридной войне» в сложившемся международном контексте.

Кризис 2014 года и формирование дискурса о «гибридной войне»

Возникший в недрах американской военно-стратегической мысли в 2000-х гг. в контексте изучения нетрадиционных конфликтов и изменения характера войн в современную эпоху [Цыганков 2015; Fridman 2018, р. 30–46], термин «гибридная война» долгое время не находил применения за пределами этой узкоспециализированной тематики. Однако начало украинского кризиса в 2013 г. спровоцировало нарастание в дискурсивных отношениях России и Запада «конфликта интерпретаций» разворачивающихся событий вместо уже традиционной к тому времени легиалистской полемики по международным вопросам. Этот конфликт приобрел не только сугубо пропагандистское, но политическое и правовое значение, так как был напрямую связан с оценкой законности и легитимности нового украинского правительства, пришедшего к власти в результате вооруженного переворота в Киеве.

Новое руководство Украины, а также наиболее антироссийская часть западного истеблишмента в этот период оказались заинтересованы в использовании сложившегося положения для предотвращения компромисса между Западом и Россией путем упрочения конфронтационного характера отношений. В рамках этой деятельности, с одной стороны, создавался нарратив о заведомо преступных агрессивных замыслах России в отношении Украины, с помощью которого любое сопротивление новому руководству Украины и даже словесные протесты против его прозападного политического курса были представлены продуктом только лишь подрывных действий российских агентов, а не реально обоснованным недовольством местных граждан. С одной стороны, он формировал научно-образное теоретическое обоснование продвигаемого упомянутыми силами нарратива о «российской агрессии», который противопоставлялся российскому нарративу о «гражданской войне» и «внутриукраинском конфликте», а с другой – предоставлял аргументы для преодоления тех правовых противоречий, которые возникали вследствие вооруженного переворота в Киеве и дальнейших действий нового украинского руководства.

На начальной стадии ведущую роль в формировании данного дискурса сыграли неправительственные аналитические структуры Прибалтики, Польши, Голландии, Великобритании и Украины. Их усилиями уже в марте 2014 г. были учреждены специальные сайты и сети волонтеров, осуществляющих мониторинг информационного пространства на предмет выявления «антиукраинской пропаганды» и «российских фейков».

Первое обстоятельное упоминание «войн нового поколения» в контексте украинских событий встречается, по нашим данным, в работе латышского аналитика Я. Берзиньша, опубликованной 25 апреля 2014 г. [Bērziņš 2014]. Ссылаясь на выступление начальника Генерального штаба РФ В. Герасимова в феврале 2013 г. [Герасимов 2013], Берзиньш говорит, что современное российское понимание стратегии основано на большой роли информационной и психологической войны, которая позволяет усилить превосходство через морально-психологическое подавление вооруженных сил и гражданского населения противника. Это позволит минимизировать использование собственных вооруженных сил, прибегая к поддержке военных и гражданских атакуемой страны, которые должны выступить против своей собственной страны и правительства. Война становится перманентной, без четко выделенного начала и конца, со стороны России она направлена против западной цивилизации, западных ценностей, культуры, политической системы и идеологии.

На следующий день, 26 апреля 2014 г., Радио Свобода разместило интервью отставного генерала Ф. ван Каппена¹, члена верхней палаты парламента Нидерландов. В нем прямо используется термин «гибридная война», но акцент сделан на применении Россией незаконных вооруженных групп на территории Украины вместо открытого применения армии, а также высказывается опасение, что аналогичные методы Путин может использовать для захвата территории некоторых государств–членов НАТО без открытого ввода войск.

Это интервью только на русском языке было перепечатано более сотни раз в различных СМИ и блогах, и термин тут же вошел в широкий оборот. Так, 29 апреля 2014 г. в украинском сетевом издании обсуждается использование Путиным химического оружия в «гибридной войне против Украины», 30 апреля 2014 г. тезис о ведущейся против Украины гибридной войне подхватывает отставной генерал СБУ А. Скипальский. И уже 13 мая 2014 г. польский публицист Л. Вуйчик², соединив подходы Берзиньша и ван Каппена, изложил в качестве российской методики «гибридной войны» не только использование «прокси-сил» (местных агентов влияния и боевиков, не принадлежащих формально к Вооруженным силам или спецслужбам РФ, но действующих в направлении, продикто-

---

¹ Корниенко С. Пиджак рвется по шву // Радио Свобода. 26.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/25362031.html> (дата обращения 1 июля 2020).

² Вуйчик Л. Украинская гибридная война // ИноСМИ. 15.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/sngbaltia/20140515/220303215.html> (дата обращения 1 июля 2020).

ванном руководством РФ), но и широкий спектр операций из статьи Берзиньша. Вслед за этим, 22 мая 2014 г., выходит явно пропагандистская статья польской исследовательницы И. Даржевской об информационной войне, которую вела РФ против Украины в ходе крымской операции, используемых Россией идеологемах и культивируемых программах [Darczewska 2014].

Концептуальные инновации дискурса о «гибридной войне»

Из данного обзора становится понятно, что дискурс о «гибридной войне» сформировался в ходе осмысления роли неопознанных вооруженных формирований пророссийской направленности в Крыму и на Донбассе, с одной стороны, и значения информационных методов воздействия – с другой. Слияние трех компонентов – конвенционального конфликта, иррегулярных методов сопротивления и информационно-пропагандистского воздействия – в едином понятии с ключевым семантическим и смысловым маркером «война» и заложило основу данного дискурса, обусловив ряд его концептуальных инноваций.

Во-первых, формулирующие его авторы во многом абстрагируются от существующих теоретических наработок по этой теме и основывают свои заключения на примере одних только событий в Крыму и на Донбассе, представляют их чуть ли не первым историческим примером «гибридной войны» и искусственно гиперболизируют их беспрецедентность и уникальность для современного мира. Между действиями России весной 2014 г. и термином «гибридная война» был поставлен смысловой знак равенства, а вопрос, насколько эти действия соответствуют ранее сформулированной теории, вообще не поднимался.

Во-вторых, дискурс о «гибридной войне» позволял произвести «огосударствление», «этатизацию» нетрадиционных угроз, ассоциируемых до этого преимущественно с негосударственными акторами, и спроецировать на них те же способы противодействия, которые применяются в случае противостояния между государствами. Соответственно, и сама «гибридная война» из формы асимметричного конфликта превратилась в форму межгосударственного противостояния, ведущегося без формального оглашения неявными, опосредствованными методами. То, что в работах американских военных стратегов (см., напр., обзор [Fridman 2018]) рассматривалось как гипотетическая возможность, в статьях польских и прибалтийских аналитиков представлялось как политический факт. Тем самым

априори нивелировалась не только субъектность тех структур, которые озвучивали позицию условно «антимайданной» части населения Украины, но и тех, которые могли поддерживать или сочувствовать этой позиции. Их политические цели отбрасывались как не имеющие значения, поскольку их действия якобы подчинены исключительно целям «гибридной войны» РФ против Запада.

В-третьих, благодаря подобному терминологическому слиянию происходила своего рода «милитаризация» «мягкой силы», превращение ее из инструмента межгосударственной конкуренции в инструмент подрыва устойчивости противника, попросту говоря, в оружие [Dayspring 2016, p. 20], а следовательно, в прямую угрозу государственной безопасности, требующую соразмерных мер упреждения и противодействия. Разумеется, понятия информационной угрозы и информационной безопасности давно вошли в политический лексикон, о чем свидетельствует наличие собственной доктрины или стратегии информационной безопасности у многих государств, но введение в публичное пространство понятия «гибридная война» значительно понижало «порог чувствительности» к подобным угрозам и, фактически, означало секьюритизацию информационного пространства.

В-четвертых, в новом политическом контексте термин «гибридная война» обозначал уже не «кинетические действия» (этим термином западные авторы называют «обычные» передвижения войск и боевые столкновения), а попытки разрушить правительственные структуры и институты, ослабить национальное единство, в том числе через применение фейковых новостных сообщений, кибератак и т. д. В такой трактовке «гибридная война» приобретала практически тотальный характер, охватывала все сферы общественной жизни и исходила из задействования в ходе подрывных операций широкого круга средств и акторов, не имеющих прямой правовой связи с государством-противником.

При этом термину «гибридная война» намеренно придавалась эмоционально негативная констатация как феномену, носящему безнравственный, противозаконный, вероломный характер, присутствующему исключительно «недемократичным режимам» и не соотносимому с действиями «нормальных» стран [Арчаков, Пунченко, Ременчик 2017]. Как указывает В.Н. Порывкин,

...по своей сути «гибридная война», как явление международной жизни, в отличие от войны «классической», стало восприниматься, прежде всего, как война «бесчестная», безнравственная, «подлая», «из-за угла», вне исторически и юридически установленных ранее норм и правил ведения войны [Порывкин 2017].

Подобная негативная коннотация не только формировала соответствующее психоэмоциональное восприятие феномена у целевой аудитории, но и делала допустимым применение в отношении противника по «гибридной войне» инструментов, выходящих за рамки общепринятого военно-политического инструментария.

В концептуальном отношении итогом подобной интерпретации категории «гибридной войны» стали множественное расширение оперативно-стратегического поля конфликтных действий, включающее расширение круга реальных или потенциальных участников конфликта (вплоть до ликвидации разделения между комбатантами и некомбатантами), расширение сфер и театров оперативных действий и расширение диапазона допустимых к применению средств поражения противника.

Также уже на ранней стадии в дискурс о «гибридной войне» закладывается ряд манипуляционных приемов, соответствующих решаемым его авторами политическим задачам, на которых будет строиться его дальнейшее развитие и политическое использование. Это касается, прежде всего, конструирования «недостающих» элементов политической мотивации и стратегического потенциала России, доказывающих наличие у российского руководства готовности и способности вести «гибридную войну» против Запада и либерального миропорядка. Для этого используются академические или публицистические работы российских авторов, обладающих официальным статусом или выступающих сугубо в личном качестве, отдельные тезисы которых или специфическая их интерпретация приводятся как обоснование политической воли Москвы к оказанию разрушительного влияния на западное сообщество с помощью «гибридных» методов.

Ключевым подобным элементом стала так называемая «доктрина Герасимова», олицетворяющая наличие у России не только агрессивных планов в отношении Запада, но и готовой стратегии их реализации. Уже в статье Берзиньша доклад Герасимова и излагающая похожие идеи статья других российских стратегов С. Чекинова и С. Богданова [Чекинов, Богданов 2013] преподносятся как изложение планов России против сопредельных стран. И если Берзиньш не утверждает этого прямо, подводя читателя к такому выводу рассуждениями о российском подходе к современным войнам, то в последовавших публикациях стратегия «гибридной войны» в описанном формате прямо называется «доктриной Герасимова» на основе единственного публичного выступления В. Герасимова за год до украинских событий, трактуемого как неоспоримое доказательство того, что Россия вынашивала агрессивные замыслы до начала кризиса. При таком подходе даже прямое указание в упо-

мянутых первоисточниках, что в них рассматриваются стратегии, примененные странами НАТО против третьих стран, не принимаются во внимание³.

Продвижение дискурса о «гибридной войне» на международном уровне: центральная роль НАТО

По мере распространения дискурса о «гибридной войне» в академической среде он подхватывается политическими деятелями и официальными лицами Украины. 20 мая 2014 г. заявление о проведении Россией «гибридной войны» в интервью изданию *Financial Times* после встречи с рабочей группой НАТО сделал и.о. секретаря СНБО Украины А. Парубий⁴. 14 июня 2014 г. об этом заявил глава СБУ В. Наливайченко⁵.

Летом 2014 г. продвижение дискурса о «гибридной войне» вышло на международный уровень. Однако при этом основную роль в его продвижении продолжали играть негосударственные институты и представители экспертного сообщества. Так, 31 мая 2014 г. на заседании Парламентской ассамблеи НАТО с докладом о сути ведущейся Россией «гибридной войны» выступил сотрудник вашингтонского института Катона, экс-советник президента РФ А. Илларионов⁶. Именно в его докладе был задан базовый, эталонный набор тезисов, которые в дальнейшем будут ассоциироваться с понятием «гибридная война». Ключевыми новациями дискурса о «гибридной войне» на этой стадии стали, во-первых, его ретроспек-

---

³ См.: например: *Galeotti M.* The “Gerasimov doctrine” and Russian Non-Linear War // In *Moscow’s shadows*. 06.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://inmoscowsshadows.wordpress.com/2014/07/06/the-gerasimov-doctrine-and-russian-non-linear-war/> (дата обращения 1 июля 2020).

⁴ Parubiy says Russia’s ‘hybrid war’ against Ukraine shows need to reform defense sector, NATO ready to help // *Kyiv Post*. 20.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kyivpost.com/article/content/war-against-ukraine/parubiy-says-russias-hybrid-war-against-ukraine-shows-need-to-reform-defense-sector-nato-ready-to-help-348538.html?cn-reloaded=1> (дата обращения 1 июля 2020).

⁵ Nalyvaichenko: Russia making ‘hybrid war’ against Ukraine // *Kyiv Post*. 14.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kyivpost.com/article/content/war-against-ukraine/nalyvaichenko-russia-making-hybrid-war-against-ukraine-351866.html> (дата обращения 1 июля 2020).

⁶ *Illarionov A.* Speech at NATO Parliamentary Assembly. Committee on Economics and Security. Washington DC, USA. 31.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://aillarionov.livejournal.com/696630.html> (дата обращения 1 июля 2020).

тивная проекция на политику Москвы в постбиполярный и биполярный период, призванная доказать имманентность мышления в духе «гибридной войны» для российского руководства, а во-вторых, построение образа России как извечного стратегического врага, а не ситуативного противника и партнера Запада, чьи намерения неизменно были и остаются враждебными вне зависимости от тех или иных кооперативных инициатив или шагов. Как видно из выступления Илларионова, причинами такой имманентной враждебности России назывались особенности ее геополитического положения, характер политического режима или качества русской идентичности и социокультурных черт русского народа. Трибуна Парламентской ассамблеи НАТО позволяла делать заявления лицам, не имеющим официального статуса, но была достаточно представительной для того, чтобы сделанные на ней заявления получили, как минимум, медийную огласку⁷.

По медийным каналам продолжалось тиражирование идеи «гибридной войны» в геополитическом ее преломлении. 27 июня 2014 г. на Радио Свобода появился подкаст с участием М. Галеотти под названием «Гибридная война и новая «большая игра» России»⁸. В этот же период упоминание «гибридных методов войны» начинает появляться в лексиконе официальных лиц стран Западной Европы. Так, этот термин был употреблен министром иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайером в правительственном отчете о состоянии дел в сфере контроля над вооружениями [Steinmeier 2014].

Поворотным моментом в продвижении дискурса о «гибридной войне» на международном уровне стало размещение на сайте «Вестника НАТО» 1 июля 2014 г. двух видеоматериалов по данной тематике, представленных как собрание высказываний независимых экспертов, однако повторяющие тезисы, уже озвученные ранее «независимыми аналитиками». В одном из них⁹ утверждалось, что уже кризисы в Эстонии 2007 г. и Грузии 2008 г. указывали на

---

⁷ Лазарева А. Андрей Илларионов: Агрессия против Украины неизбежно завершится изменением границ России // Иносми.ру. 06.06.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/sngbaltia/20140606/220837475.html> (дата обращения 1 июля 2020).

⁸ Hybrid Warfare and Russia's New 'Great Game' // Radio Free Europe / Radio Liberty. 27.06.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rferl.org/a/podcast-hybrid-warfare-and-russias-new-great-game-russia-ukraine/25437993.html> (дата обращения 1 июля 2020).

⁹ Россия, Украина и Крым: предсказуемый кризис? // Вестник НАТО. 01.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/docu/review/2014/Russia-Ukraine-Nato-crisis/Russia-Ukraine-Crimea-crisis/RU/index.htm> (дата обращения 1 июля 2020).

агрессивные планы России в отношении Крыма, в другом¹⁰ – что Россия навязывает свою волю, аннексирует территории, переигрывает НАТО, ведет информационную войну с помощью канала Russia Today, комбинировает медленное и быстрое продвижение и не собирается ограничиваться Украиной. Проанализировав содержание видеоматериалов с помощью методов символического конструктивизма и дискурсивного анализа, российская исследовательница А.М. Сосновская показала, что они носили тенденциозный и пропагандистский характер и были направлены на то, чтобы внушить аудитории страх перед «гибридной угрозой» со стороны РФ [Сосновская 2016].

Неделю спустя, 8 июля 2014 г., генеральный секретарь НАТО А. Фог Расмуссен, выступая перед журналистами после встречи с президентом США Б. Обамой, заявил, что Россия ведет против Украины «гибридную войну», сочетая прямые военные действия, скрытые операции и агрессивную программу дезинформации в расчете на то, чтобы ослабить новое украинское правительство и сохранить под своим контролем восточную часть страны¹¹.

Подобные подготовительные действия создали нужную почву накануне саммита НАТО в Уэльсе 3–4 сентября 2014 г. В п. 13 принятой на этом саммите декларации говорилось:

Мы сделаем так, чтобы НАТО была способна эффективно преодолевать конкретные вызовы, возникающие в связи с угрозами гибридной войны, при ведении которой применяется широкий ряд тесно взаимосвязанных открытых и скрытых военных, военизированных и гражданских мер. Принципиально важно, чтобы у Североатлантического союза были инструменты и процедуры, необходимые для эффективного сдерживания угроз гибридной войны и реагирования на них, а также потенциалы для усиления войск (сил) государств. <...> Мы приветствуем создание в Латвии аккредитованного НАТО Центра передового опыта по стратегическим коммуникациям, который является значительным вкладом в усилия НАТО в данной области. Мы поручили вести обзор работы по гибридной войне, наряду с осуществлением Плана действий по обеспечению готовности¹².

---

¹⁰ Гибридная война – гибридная ответная реакция // Вестник НАТО. 01.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/docu/review/2014/Russia-Ukraine-Nato-crisis/Russia-Ukraine-crisis-war/RU/index.htm> (дата обращения 1 июля 2020).

¹¹ Landler M., Gordon M. NATO Chief Warns of Duplicity by Putin on Ukraine // The New York Times. 08.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2014/07/09/world/europe/nato-chief-warns-of-duplicity-by-putin-on-ukraine.html?_r=0 (дата обращения 1 июля 2020).

¹² Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе, 4–5 сентября 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru (дата обращения 1 июля 2020).

Как можно увидеть, в декларации НАТО уже не только констатировался факт наличия «гибридных угроз», но также фиксировались политические обязательства Альянса по борьбе с ним, и устанавливался институциональный механизм, призванный выполнять базовые функции в этой сфере.

С этого момента тема гибридной войны плотно заполняет весь спектр появляющихся на Западе текстов, от публицистики и официальных документов до академических исследований, все чаще приобретая черты откровенной пропаганды. Дальнейшее развитие данного дискурса происходило в двух ключевых направлениях: во-первых, утверждения «гибридной войны» как общей базовой характеристики состояния отношений с Россией в западном информационном пространстве и, во-вторых, разработки конкретных мер и механизмов для противодействия «российской гибридной угрозе» на всех уровнях политической системы Европейского союза.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать такие выводы:

1. Дискурс о «гибридной войне» РФ против Запада был сформулирован весной 2014 г. для подкрепления и теоретического обоснования украинского нарратива о «российской агрессии на Украине», а также консолидации западного сообщества вокруг идеи помощи новому украинскому руководству в отражении этой агрессии и предотвращения выработки какого-либо компромиссного варианта урегулирования кризиса между Западом и Россией.

2. На начальной стадии основную роль в утверждении этого дискурса сыграли представители аналитических структур стран Балтии, Польши, Великобритании, Украины, «запустивших» термин «гибридная война» в публичное пространство, где его довольно быстро переняли политические деятели и официальные лица этих стран.

3. Североатлантический альянс выступил в роли главной движущей силы в процессе формализации и институционализации дискурса о «гибридной войне» летом 2014 г. Инициировав обсуждение этой темы сначала на Парламентской ассамблее НАТО, затем выпустив серию агитационных материалов и, наконец, включив соответствующий пункт в итоговую декларацию саммита в Уэльсе, Альянс не только ввел данный термин в международно-политический оборот, но и наложил на своих членов базовые политические обязательства по совместному противодействию «гибридным угрозам».

4. В концептуальном отношении дискурс о «гибридной войне», объединяя в единое целое конвенциональные, иррегулярные и информационные средства ведения войны, способствовал «этизации» нетрадиционных угроз безопасности и «милитаризации» «мягкой силы» как инструмента, способного вызвать коллапс государственности. Итогом подобной интерпретации категории «гибридной войны» стало множественное расширение оперативного-стратегического поля конфликтных действий, включающее расширение круга реальных или потенциальных участников конфликта, расширение сфер и театров оперативных действий и расширение диапазона допустимых к применению средств поражения противника.

5. При этом данный дискурс основывался на ряде искусственно сконструированных (или откровенно сфабрикованных) представлений о внешней политике России, доказывающих наличие у ее лидеров агрессивных замыслов в отношении Запада задолго до украинского кризиса, прежде всего, пресловутой «доктрине Герасимова».

Литература

- Арчаков, Пунченко, Ременчик 2017 – Арчаков В.Ю., Пунченко В.Н., Ременчик В.Е. Информационный фактор в гибридных войнах // Геополитика и безопасность. 2017. № 2 (38). С. 16–27.
- Белозеров, Соловьев 2015 – Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2015/2015_9/Belozerov.pdf (дата обращения 1 июля 2020).
- Герасимов 2013 – Герасимов В. Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий // Военно-промышленный курьер. 26.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения 1 июля 2020).
- Порывкин 2017 – Порывкин В.Н. Классическая, «гибридная» и «холодная» война как понятия в мировой политике // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-7. С. 85–89.
- Сазонова 2017 – Сазонова К.Л. «Гибридная война»: международно-правовое измерение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 177–187.
- Сосновская 2016 – Сосновская А.М. Идеология и массовые коммуникации: гибридная война на Украине // Научные труды СЗИУ – филиала РАНХиГС. 2016. Т. 7. Вып. 3 (25). С. 134–142.
- Трапезникова, Батурич 2017 – Трапезникова Ю.В., Батурич Л.М. Гибридная война как инструмент достижения мирового господства // ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО. Комплексные проблемы современной политики. 2017. № 1–2. С. 43–57 [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.susu.ru/sociopolit/wp-content/uploads/sites/19/2018/07/%D0%9F%D0%92-PRO-2017-%E2%84%96-1-2.pdf> (дата обращения 1 июля 2020).

- Цыганков 2015 – *Цыганков П.А.* «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 253–258.
- Чекинов, Богданов 2013 – *Чекинов С.Г., Богданов С.А.* О характере и содержании войны нового поколения // Военная мысль. 2013. № 10. С. 13–24.
- Bērziņš 2014 – *Bērziņš J.* Russia's New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy // National Defence Academy of Latvia Center for Security and Strategic Research Policy Paper. April 2014. № 02. 15 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://sldinfo.com/wp-content/uploads/2014/05/New-Generation-Warfare.pdf> (дата обращения 1 июля 2020).
- Darczewska 2014 – *Darczewska J.* The Anatomy of Russian Information Warfare The Crimean Operation. A Case Study // OSW Point of View. 2014. No. 42. 37 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/the_anatomy_of_russian_information_warfare.pdf (дата обращения 1 июля 2020).
- Dayspring 2016 – *Dayspring S.M.* Countering Russian Hybrid Warfare: Acknowledging the Character of Modern Conflict // CTX. 2016. Vol. 6. №. 4. Special Issue 'Countering Hybrid Warfare: the Best Uses of SOF in a Pre-Article V Scenario'. P. 20–30 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ffi.no/no/Publikasjoner/Documents/CTX_Countering%20Hybrid%20Warfare.%20The%20best%20use%20of%20SOF%20in%20a%20pre-article%20V%20Scenario.pdf (дата обращения 1 июля 2020).
- Fridman 2018 – *Fridman O.* Russian “Hybrid Warfare”: Resurgence and Politicization. Oxford: Oxford University Press, 2018. 227 p.
- Kofman, Rojansky 2015 – *Kofman M., Rojansky M.* A Closer look at Russia’s “Hybrid War” // Kennan Cable. April 2015. №. 7. 8 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/7-KENNAN%20CABLE-ROJANSKY%20KOFMAN.pdf> (дата обращения 1 июля 2020).
- Limonier, Gérard 2017 – *Limonier K., Gérard C.* Guerre hybride russe dans le cyberspace // Hérodote. 2017. № 166–167. P. 145–163.
- Steinmeier 2014 – *Steinmeier F.-W.* Grußwort des Bundesministers des Auswärtigen // Jahresabrüstungsbericht 2014. Bilanz und Perspektiven. Berlin, 2014. S. 4–6 [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.org/67904000-Jahresabruestungsbericht-bilanz-und-perspektiven.html> (дата обращения 1 июля 2020).

References

- Archakov, V.Yu., Punchenko, V.N. and Remenchik, V.E. (2017), “Information factor in hybrid wars”, *Geopolitika i bezopasnost*, no. 2 (38), pp. 16-27.
- Belozеров, V.K. and Solov'ev, A.V. (2015), “Hybrid war in Russian political and academic discourse”, *Vlast*, no. 9, pp. 5–11, available at: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2015/2015_9/Belozerov.pdf (Accessed 1 July 2020).
- Bērziņš, J. (2014), “Russia’s New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy”, *National Defence Academy of Latvia Center for Security and Strategic Research Policy Paper*, April, no. 2, 15 p., available at: <https://sldinfo.com/wp-content/uploads/2014/05/New-Generation-Warfare.pdf> (Accessed 1 July 2020).
- Chekinov, S.G. and Bogdanov, S.A. (2013), “On the nature and contents of the new generation warfare”, *Voenmaya mysl*, no. 10, pp. 13-24.
- Darczewska, J. (2014), “The Anatomy of Russian Information Warfare. The Crimean Operation. A Case Study”, *OSW Point of View*, no. 42, 37 p., available at: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/the_anatomy_of_russian_information_warfare.pdf

- www.osw.waw.pl/sites/default/files/the_anatomy_of_russian_information_warfare.pdf (Accessed 1 July 2020).
- Dayspring, S.M. (2016), "Countering Russian Hybrid Warfare: Acknowledging the Character of Modern Conflict, *CTX*, vol. 6, no. 4, Special Issue 'Countering Hybrid Warfare: the Best Uses of SOF in a Pre-Article V Scenario', pp. 20–30, available at: https://www.ffi.no/no/Publikasjoner/Documents/CTX_Countering%20Hybrid%20Warfare.%20The%20best%20use%20of%20SOF%20in%20a%20pre-article%20V%20Scenario.pdf (Accessed 1 July 2020).
- Fridman, O. (2018), *Russian "Hybrid Warfare": Resurgence and Politicization.*: Oxford University Press, Oxford.
- Gerasimov, V. (2013), "The value of science is in foreseeing. New challenges require revision of the forms and ways of waging war", *Voenno-promyshlennyi kur'er*. 26 February, available at: <http://www.vpk-news.ru/articles/14632> (Accessed 1 July 2020).
- Kofman, M. and Rojansky, M. (2015), "A Closer look at Russia's 'Hybrid War'", *Kenan Cable*, April, no. 7, available at: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/7-KENNAN%20CABLE-ROJANSKY%20KOFMAN.pdf> (Accessed July 2020).
- Limonier, K. and Gérard, C. (2017), "Guerre hybride russe dans le cyberspace", *Hérodote*, no. 166–167, pp. 145–163.
- Poryvkin, V.N. (2017), "Classic, 'hybrid' and 'cold' war as categories in the world politics", *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*, no. 2-7, pp. 85–89.
- Sazonova, K.L. (2017), "'Hybrid war'. An international legal dimension", *Law Journal of the Higher School of Economics*, no. 4, pp. 177–187.
- Sosnovskaya, A.M. (2016), "Ideology and mass communications: Hybrid war in Ukraine", *Nauchnye Trudy SZIU – filiala RANKh I GS* [Scientific works of North-West Institute of Management – branch of Presidential Academy of National Economy and Public Administration], vol. 7, Issue 3 (25), pp. 134–142.
- Steinmeier, F.-W. (2014), Grußwort des Bundesministers des Auswärtigen. *Jahresabrüstungsbericht 2014. Bilanz und Perspektiven*, Berlin, Germany, S. 4–6, available at: <http://docplayer.org/67904000-Jahresabruestungsbericht-bilanz-und-perspektiven.html> (Accessed 1 July 2020).
- Trapeznikova, Yu.V. and Baturin, L.M. (2017), "Hybrid war as a way of achieving world hegemony", *Politicheskii vektor – PRO. Kompleksnye problemy sovremennoi politiki*, no. 1-2, pp. 43–45, available at: <http://sites.susu.ru/sociopolit/wp-content/uploads/sites/19/2018/07/%D0%9F%D0%92-PRO-2017-%E2%84%96-1-2.pdf> (Accessed 1 July 2020).
- Tsygankov, P.A. (2015), "Hybrid war: Political discourse and the international practice", *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 4, pp. 253–258.

Информация об авторе

Владимир С. Царик, старший преподаватель, Международный юридический институт, Москва, Россия; 127427, Россия, Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4; ussura-moskva@yandex.ru

Information about the author

Vladimir S. Tsarik, senior lecturer, International Law Institute, Moscow, Russia; bld. 4, Kashenkin Lug Street, Moscow, Russia, 127427; ussura-moskva@yandex.ru

Международные отношения стран Востока

УДК 327.2(520+540)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-35-49

Институты международного сотрудничества Японии и Индии: текущие характеристики и перспективы развития

Константин А. Корнеев

*Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия, k_korneev@mail.ru*

Людмила А. Печищева

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
lusa-85@inbox.ru*

Аннотация. В последние несколько лет заметна интенсификация японо-индийского сотрудничества. Если ранее стороны больше декларировали заинтересованность в расширении двусторонних контактов, но не предпринимали серьезных практических шагов, то теперь перечень направлений кооперации увеличивается, и эта тенденция, судя по всему, сохранится в долгосрочной перспективе. Для Японии отношения с Индией, входящей в число крупнейших рынков сбыта японских автомобилей, высокотехнологичной продукции и оборудования, несут в основном экономическую подоплеку, однако не стоит сбрасывать со счетов и усилия Страны восходящего солнца, направленные на сдерживание китайской торгово-экономической экспансии в Южной Азии. С другой стороны, Индия видит в партнерстве с Японией возможности для привлечения передовых промышленных и энергетических технологий, а также диверсификации внешней политики с целью укрепления лидирующих позиций в Южно-Азиатском регионе. Исследование институтов международного сотрудничества двух рассматриваемых стран обладает несомненной актуальностью, особенно с учетом возрастающей роли Индии как одной из важнейших мировых экономик, и позволит определить ключевые тенденции развития этого сотрудничества, на основе которых впоследствии можно будет делать прогнозы о будущей структуре регионального внешнеполитического взаимодействия.

Ключевые слова: Япония, Индия, международные отношения, институты сотрудничества, геополитические интересы

Для цитирования: Корнеев К.А., Печищева Л.А. Институты международного сотрудничества Японии и Индии: текущие характеристики и перспективы развития // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 00–00. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-35-49

© Корнеев К.А., Печищева Л.А., 2020

Institutions of international cooperation between Japan and India. Current characteristics and the development prospects

Konstantin A. Korneev

*Russian Academy of Sciences Institute of Far Eastern Studies, Moscow, Russia;
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, k_korneev@mail.ru*

Lyudmila A. Pechishcheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
lusya-85@inbox.ru*

Abstract. The intensification in Japanese-Indian cooperation has been seen for the last few years. If earlier the parties declared more interest in expanding bilateral contacts, but did not take serious practical steps to achieve that, now the list of cooperation areas grows and such a trend is likely to continue in the long term. For Japan, relations with India, which is one of the largest markets for Japanese cars, high-tech products and equipment, are mainly economic in nature, but one should not discount the efforts of the Land of the Rising Sun aimed at curbing Chinese trade and economic expansion in South Asia. On the other hand in partnership with Japan, India sees opportunities for attracting the advanced industrial and energy technologies, as well as diversifying its foreign policy in order to strengthen its leading position in the South Asian region. Studying the international cooperation institutions of the two countries has an obvious relevance, particularly given the increasing role of India as one of the world's major economies, and will allow to identify the key trends in the development of that cooperation on the basis of which it will be possible to make predictions on the future structure of regional foreign policy cooperation.

Keywords: Japan, India, international relations, institutions of the cooperation, geopolitical interests

For citation: Korneeva, K.A. and Pechischeva, L.A. (2020), "Institutions of international cooperation between Japan and India. Current characteristics and the development prospects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 00-00, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-35-49

Введение

Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), по оценкам подавляющего большинства экспертов, в долгосрочной перспективе станет одним из ведущих центров развития мировой экономики, что, соответственно, приведет и к появлению новых геополитических кризисов. Интересы западных держав в регионе сталкиваются

с противодействием Китая, который стремится к усилению своего влияния через различные масштабные международные проекты, такие как «Один пояс – один путь», и привлечению южноазиатских государств к экономическому сотрудничеству в рамках ШОС и БРИКС.

Страной, которая также заинтересована в укреплении позиций в ИТР, является Япония. Традиционно Токио считают проводником политики США в Юго-Восточной и Южной Азии, но это не совсем так; более того, в 2010-е гг. позиции двух держав не один раз существенно различались, например, по вопросам региональной безопасности. Во Вьетнаме японские и американские компании напрямую конкурируют за возможность строительства объектов транспортной и энергетической инфраструктуры, инвестиций в промышленность и сельское хозяйство страны. Поэтому можно утверждать, что Токио проводит в целом самостоятельную политику в ИТР, опираясь на свои национальные интересы.

Крупнейшей державой Южной Азии по праву считается Индия, которая с начала 2000-х гг. демонстрирует устойчивые темпы экономического роста – от 5 до 7% ежегодно. К 2019 г. ВВП страны вырос более чем в три раза и, по оценкам Всемирного экономического форума, к 2030 г., как минимум, удвоится, с нынешних 2,6 трлн долл. до примерно 5–6 трлн долл. США. С большой долей вероятности, Индия в 2030 г. или раньше станет третьей экономикой мира, если сохранит текущие темпы развития. Предполагается, что к середине 2020-х гг. Индия обгонит Китай по среднегодовому росту ВВП и станет наиболее привлекательной для иностранных инвестиций страной ИТР. В Индии может быть создано до 100 млн новых рабочих мест, особенно это касается высокотехнологических отраслей промышленности, энергетического сектора и сферы обслуживания¹.

Очевидно, что исследование институтов международного сотрудничества Японии и Индии представляет несомненный научный интерес. Стороны имеют значительные возможности для кооперации в таких сферах, как экономика, энергетика, образование, культура, региональная безопасность. Кроме того, Индия по-прежнему декларирует внеблоковый статус, в определенных аспектах продолжая политику «неприсоединения», активно проводившуюся во второй половине XX в. Это означает, что у Индии как у стра-

---

¹ Соловьева О. Мир готовится к индийскому экономическому чуду [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2019. 10 янв. URL: http://www.ng.ru/economics/2019-01-10/4_7479_prognoz.html (дата обращения 23 апреля 2020).

ны, учитывая ее экономический потенциал и культурное богатство, есть хорошие шансы создать равноудаленную модель сотрудничества с основными мировыми державами и эффективно лавировать между различными геополитическими полюсами. Но прежде чем перейти к рассмотрению существующих и перспективных институтов японо-индийского сотрудничества, необходимо дать характеристику национальным принципам выстраивания взаимоотношений с зарубежными партнерами.

Внутренние институциональные особенности Японии

В первую очередь, необходимо понимать, что такое «институт». Для этого обратимся к определению Дугласа Норта, одного из самых авторитетных ученых в этой области. Институт – это набор формальных (законодательно-правовых, контрактных, договорных) и неформальных (личные отношения и контакты) правил, формирующих базу для работы организаций и отдельных индивидов как их структурной части. Институты подчиняются рациональным механизмам, таким как экономическая целесообразность, достижение максимальной эффективности экономической деятельности, осознанное стремление к созданию и потреблению материальных благ. Необходимо отметить, что экономические и внешнеполитические институты стран Востока и Запада в значительной мере отличаются друг от друга, что обусловлено культурно-историческими и цивилизационными факторами [North 1991, р. 97–112].

Институты внутренней и внешней политики Японии обладают рядом специфических черт. В первую очередь, это высокий уровень централизации управления страной. Например, доля рыночного сегмента в экономике и энергетике значительно ниже, чем в странах ЕС и США, то есть речь идет о государственно-частной модели. Второй немаловажной характеристикой является сложность понимания законов для иностранных инвесторов. Законодательством деятельность иностранных компаний не запрещается и даже приветствуется, но по факту возводятся различные институциональные барьеры, препятствующие вхождению иностранного капитала в ключевые отрасли промышленности (машиностроение, энергетические технологии и так далее).

Справедливости ради надо отметить, что на этапе бурного экономического развития Японии в 1960–1980-х гг. создавался режим максимального благоприятствования для иностранных инвести-

ций, однако впоследствии, по мере замещения заимствованных технологий и принципов организации производства собственными, Япония в значительной мере снизила активность зарубежных компаний на своей территории. Акцент был сделан на создании совместных предприятий с целью защиты национальных производителей и облегчения их выхода на международные рынки [Stark 2010, p. 189–210].

Несмотря на впечатляющую модернизацию хозяйственного уклада на основе рыночной экономики, осуществленную Японией во второй половине XX в., страна во многом сохранила традиционный социокультурный уклад, что позволяет говорить о наличии «сплава» новых формальных институтов, выросших из адаптации западных ценностей, с традиционными нормами и правилами поведения (неформальные институты). Во многих сферах деятельности доминирующими структурами являются финансово-промышленные группы, или кланы, принципы которых не вписываются в западное понимание институциональной теории, хоть формально и соответствуют ей.

Японская политическая модель характеризуется сильной институциональной инерцией. Это значит, что изменения в институциональной структуре имеют больше догоняющий (инерционный), а не опережающий (комплементарный) характер. Для «догоняющей» модели характерна ситуация, когда в институциональной структуре закрепляются уже фактически осуществившиеся изменения [Chung H. Lee 2002, p. 1–17]. Характерный пример – в середине 1990-х гг. крупные промышленные предприятия Японии стали продавать излишки электроэнергии с собственных электростанций (излишки появились в результате падения уровня промышленного производства) региональным компаниям-монополистам, что законом не регулировалось. Данная ситуация привела к изменению институциональной структуры и законодательному закреплению статуса «независимый производитель электроэнергии». «Опережающая» же модель подразумевает, что институты не закрепляют, а стимулируют изменения в институциональной структуре [Sato 2002, p. 213–235].

Сама по себе институциональная инерция не является уникальным явлением и свойственна многим вполне развитым экономикам. Однако в ситуации, когда основным источником институциональной комплементарности в направлении формирования внутренней и внешней политики является государство, а интересы компаний и корпораций учитываются лишь косвенно, при оценке направлений и принципов формирования внешней политики могут получиться достаточно спорные результаты. Поэтому акцент

именно на международной практике развития институтов сотрудничества позволит дать сбалансированную оценку перспективам японо-индийских отношений в будущем с учетом исторически сложившихся в Японии внешнеполитических подходов к выстраиванию взаимоотношений с ключевыми партнерами.

Внутренние институциональные особенности Индии

Индию относят к категории самых больших азиатских демократий в мире с ее концептуально сложившейся идеей позитивного нейтралитета, выдвинутой еще Джавархалалом Неру, а позже воплотившейся в политике и стратегии ненасильственного сопротивления «отца нации» Махатмы Ганди. «Мягкая сила» в понимании индийского правительства напрямую связана с ненасилием, т. е. понятием «ахимсы» [Иващенко 2009, с. 29], поэтому Движение неприсоединения (отказ Индии от вхождения в какие-либо блоки и союзы, прежде всего военные) рассматривается как естественный шаг в сохранении политической и экономической стабильности не только внутри страны, но также и в контактах с ее ближайшими соседями, прежде всего, южно-азиатскими государствами и КНР.

Индия и Япония являются густонаселенными государствами. Однако, в отличие от стареющего японского населения, в Индии проживает 70% молодых людей до 30 лет. С одной стороны, они воспринимаются как экономический дивиденд страны, а с другой – наоборот, как бремя для индийских властей, поскольку правительству Индии необходимо обеспечить молодых людей хорошим образованием, работой, решить жилищные проблемы, обеспечить высокий уровень социальной защиты [Шаумян 2013, с. 44]. Так же как и Япония, Индия сталкивается с нехваткой природных ресурсов, территорий, но отношение этих государств к экологии и проектам устойчивого развития существенно различается. В настоящее время индийское правительство во главе с Нарендрой Моди делает попытки продвинуть экологические проекты, призванные сохранить биоразнообразие страны, но ранее, во время проведения масштабных экономических либеральных реформ начала 1990-х гг., на экологических проблемах внимание особо не акцентировалось. Тем не менее, благодаря этим реформам, страна смогла привлечь зарубежные инвестиции, повысилась конкуренция, сформировалась современная сфера услуг и увеличилась доступность многих потребительских товаров для населения.

В 1990-е гг. «модель сочетания рыночного механизма и частного предпринимательства с активной экономической ролью государства, несомненно, оправдала себя» [Маляров 2000, с. 134]. К тому же, благодаря этим экономическим реформам, Индия совершила стремительный рывок в сфере высоких технологий и развитии индустрии программирования. Индийская Силиконовая долина в Бангалоре стала одним из прогрессивных технологических и научных хабов не только в Южно-Азиатском регионе, но и в мире. Либеральные экономические реформы 1990-х гг. в Индии оказали позитивное влияние на иностранный бизнес; пришли значительные инвестиции в промышленность, энергетику и строительный сектор страны. Индия

...осуществляла структурную модернизацию своей экономики в основном за счет внутренних накоплений при очень небольшой доле внешних источников капиталовложений [Маляров 2000, с. 133].

Как и Япония, Индия во многом сохранила традиционный социокультурный уклад, совместив новые формальные институты западных стран с традиционными нормами и правилами поведения (неформальные институты). К тому же иностранные компании все же сталкивались с непониманием индийских законов из-за имеющихся неформальных институтов, поскольку традиционные нормы и правила поведения распространены до сих пор в политике, бизнесе и социальной сфере. Усилия индийского правительства по преодолению кастового расслоения (иерархического неравенства в индийском обществе, сложившегося издревле) смягчали его влияние на политику, культуру и социально-экономическую сферу страны, но не исключали полностью.

Религиозные проблемы в Индии наряду с кастовой системой часто приводили к столкновениям различных религиозных и социальных групп. В своих выступлениях премьер-министр Индии Нарендра Моди неоднократно анонсировал отказ страны от кастовости и стремления создавать условия «развития всех и для всех» [Юрлова 2017, с. 69–125]. Кроме того, придя к власти в 2014 г., он запустил программу экономической модернизации «Make in India» («Делай в Индии»), нацеленную на привлечение иностранных инвестиций и развитие промышленности. Чтобы побороть коррупцию, улучшить экономическую репутацию и привлечь инвесторов, в 2016 г. в стране была проведена финансовая реформа². На ста-

---

² *Строкань С.* Индия погадает на лотосе [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2019. 11 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3940370> (дата обращения 12 мая 2020).

бильность и приток инвестиций влияет и неразрешенный индо-пакистанский территориальный конфликт из-за Кашмира. Так, в августе 2019 г. касающиеся кашмирского вопроса статьи 370 и 35А индийской Конституции были упразднены в связи с реорганизацией правительства Индии. Таким образом, был отмен особый статус Кашмира, который включили в Индийский союз. Однако такое решение привело к обострению индо-пакистанских территориальных споров, негативно сказавшись не только на национальной безопасности, политике, но и на привлечении иностранных инвестиций в Индию.

Институты и методы японо-индийского сотрудничества

История сотрудничества между двумя рассматриваемыми государствами исследована достаточно хорошо, существует немало вполне обоснованных оценок (подготовленных как отечественными, так и зарубежными исследователями) целей, задач и мотивации сторон в выстраивании системы связей в области экономики, региональной безопасности, культуры и образования. Однако прошлый опыт является в первую очередь фундаментом для перспективного развития отношений, поэтому его изучение, несмотря на историческую важность, не даст точных ответов на вопросы, куда и как эти отношения могут двигаться в зависимости от меняющейся геоэкономической ситуации.

По нашему мнению, при рассмотрении институтов японо-индийского сотрудничества следует сделать акцент на «мягких» и «твердых» методах их оценки и классификации. Эти определения происходят из международного публичного права и обозначают деление на рекомендательный характер сотрудничества (протоколы о намерениях, подписанные предварительные соглашения, совместные семинары, конференции, программы образовательного и профессионального обмена) и уже введенные в стадию реализации проекты (например, строительство объектов инфраструктуры и/или проведение официальных культурных мероприятий с привлечением большого числа участников). Таким образом, корреляция «мягких» и «твердых» методов говорит о том, насколько государства на самом деле хотят сотрудничать.

Японо-индийское сближение началось в 1950-е гг., состоялись визиты высокопоставленных лиц, и были заключены рамочные соглашения, демонстрирующие взаимную симпатию, однако впоследствии уровень контактов снизился и пребывал в «заморожен-

ном» статусе вплоть до конца 1990-х гг. Среди причин этого можно выделить не самый большой экономический интерес Японии к южноазиатскому направлению (акцент делался на западноевропейские рынки и США) и условную принадлежность сторон к разным геополитическим лагерям. Однако геополитическая реальность существенно изменилась к началу 2000-х гг.; активный экономический рост Китая и обострившаяся конкуренция между китайскими и японскими производителями за рынки сбыта привели к переоценке роли и места Южной Азии для Японии. С другой стороны, Индии был необходим сильный и технологически развитый партнер для утверждения себя как одного из лидирующих региональных государств [Пузыня 2017, с. 42–48].

Таким образом, за минувшие 20 лет Япония и Индия заключили несколько важных двусторонних соглашений и существенно расширили направления сотрудничества, т. е. вывели в число ключевых институтов этого сотрудничества договорное право. В августе 2000 г. стороны заявили об установлении «Японо-индийского глобального партнерства в XXI в.», а в 2006 г. подписали «Совместное соглашение о японо-индийском стратегическом и глобальном партнерстве». С течением времени сформировался и механизм постоянных консультаций на министерском уровне. В 2015 г. было подписано соглашение об «Особом стратегическом и глобальном партнерстве», дополнившее и расширившее положения предыдущего документа. Япония и Индия неоднократно выступали с совместными заявлениями о необходимости реформирования ООН и включения в состав Совбеза новых постоянных членов, среди которых, естественно, видели себя.

Достаточно эффективно развивается и кооперация в сфере безопасности – стороны организуют совместные военные учения на море, работает формат «два плюс два» – ежегодные обмены визитами министров обороны и иностранных дел. Но одним из наиболее важных факторов развития институтов договорного сотрудничества стал мирный атом. В 2016 г. между Японией и Индией было подписано «Соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования мирной ядерной энергии». Индия стала первой страной из списка не подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), с которой Япония потенциально готова обмениваться ядерными технологиями для мирных целей [Гордеева 2018, с. 2–9].

Перечисленные выше методы сотрудничества относятся к «мягким», и здесь Япония с Индией добились хороших результатов, по сути, не только обозначив значительный взаимный интерес, но и придав ему хорошее развитое договорное сопровождение. Од-

нако разветвленной системы соглашений и планов недостаточно для того, чтобы считать сотрудничество успешным. Необходимо активное подключение «твердых» методов, а именно конкретных примеров физического воплощения идей и проектов. В настоящий момент объемы взаимной торговли невелики (около 17 млрд долл. США), так же как и показатели инвестиционной активности (около 5 млрд долл. японских инвестиций за 2018 – первую половину 2020 г., всего с 2000 г. – около 30 млрд; об индийских точных данных нет)³. Словом, основными экономическими партнерами и для Японии, и для Индии являются другие страны – США, Китай, Австралия, государства Западной Европы, Южной и Юго-Восточной Азии.

Однако активные шаги, направленные на перспективу, все же делаются, поскольку стороны понимают – будущая геополитическая конфигурация в Южно-Азиатском регионе во многом зависит от их усилий. Сегодня самым, пожалуй, существенным проектом, реализация которого уже началась, можно считать строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали Ахмедабад–Мумбаи (около 500 км). С 2015 г. Япония вложила в этот проект порядка 12 млрд долл. при его общей стоимости 15 млрд. Естественно, на этом маршруте будут ходить поезда японского производства, ремонт и технологическое обслуживание будут осуществляться по японским стандартам с помощью японского оборудования. Срок окупаемости проекта – от 20 лет с момента запуска⁴.

Тем не менее Индия пока с осторожностью относится к амбициям крупных японских корпораций на территории страны, поскольку это может привести к чрезмерной зависимости от них. Приоритет отдается проектам со значительным (до 30%) участием индийского капитала. В первую очередь речь идет о производстве автомобилей. На территории страны действуют автосборочные предприятия таких компаний, как Хонда, Ямаха, Сузуки, Изузу, Тойота, Ниссан. Япония также инвестирует в фармацевтическую промышленность Индии (традиционно важную для индийского экспорта), производство продуктов питания, сферу услуг.

---

³ India-Japan Economic Relations [Электронный ресурс] // Materials of Embassy of India in Tokyo, Japan. URL: https://www.indembassy-tokyo.gov.in/india_japan_economic_relations.html (дата обращения 10 мая 2020).

⁴ Pajon C., Saint-Mezard I. The Japan-India Economic Partnership. A Politically Driven Process [Электронный ресурс] // IFRI Centre for Asian Studies Report. September 2018. 35 p. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pajon_saintmezard_japan_india_economic_partnership_2018.pdf (дата обращения 26 апреля 2020).

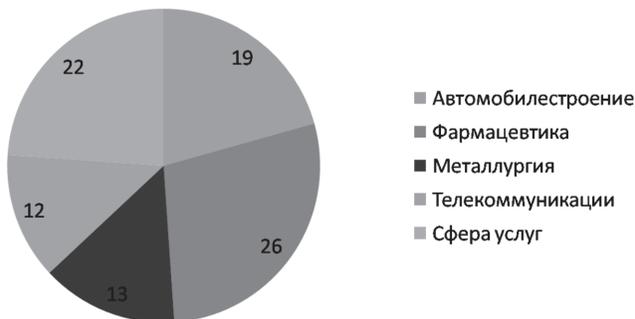

Рис. Структура японских инвестиций по отраслям, %

Активное участие японские компании принимают в проектировании и строительстве промышленного коридора Дели–Мумбаи, масштабного проекта, направленного на активное развитие ряда бедных индийских провинций, создание на их территориях производственных и образовательных кластеров, электростанций, современной транспортной инфраструктуры, улучшение жилищных условий населения. Общая стоимость коридора – порядка 100 млрд долл., работы на этом направлении ведутся с 2007 г. 26% инвестиций должен предоставить Японский банк международного сотрудничества⁵. Под эгидой JETRO – японской организации содействия внешней торговле – в Индии работает порядка 1500 совместных предприятий практически во всех отраслях экономики, но основная их доля приходится все-таки на автомобилестроение, фармацевтику и сектор услуг. Идет строительство новой и модернизация старой инфраструктуры морских портов, согласованы площадки для строительства ВЭУ (ветроэнергетических установок) и СЭУ (солнечных энергетических установок), заключены соглашения и смонтированы тестовые вышки для сетей 5 G⁶. Японский капитал заинтересован в промышленном развитии Индии, поскольку это поможет ему не только застолбить за собой позиции в перспективном регионе, но и сформировать устойчивый положительный образ Японии как страны, готовой инвестировать в Индию без каких-либо далекоидущих политических целей.

Важным опытом сотрудничества в сфере образования для сторон является открытие в 2016 г. Японо-индийского промышленного института на базе Университета Ганпат (штат Гуджарат) в ре-

⁵ Ibid.

⁶ India-Japan Economic Relations...

зультате кооперации компаний Сузуки и Марути. Студентам предлагают образовательные курсы, связанные с машиностроением и автомобилестроением, изучением силовых энергетических установок. Обучение является платным, но существуют правительственные гранты, благодаря которым можно покрыть часть стоимости. Происходит и сближение в области культуры – например, специально созданная для этого в середине 2000-х гг. Ассоциация японо-индийского сотрудничества на регулярной основе организует фестивали японской культуры в Индии, и наоборот, популяризирует национальные праздники, приглашает видных лекторов и экспертов, проводит музыкальные и кинофестивали⁷.

Также необходимо отметить, что по нескольку раз в год организуются различные бизнес-форумы, на которых не только обсуждаются грядущие проекты (например, Азиатско-африканский коридор роста), но и принимаются конкретные решения по инвестициям в различные сектора индийской экономики.

Заключение

Несомненно, потенциал японо-индийского сотрудничества по основным направлениям, перечисленным в статье, достаточно велик. Но пока до показателей взаимной торговли обеих сторон с Китаем по отдельности (Индия – 84 млрд долл. в 2019 г., Япония – 327 млрд долл.) еще далеко. Ситуацию усложняют как геополитические факторы (борьба за гегемонию в Южно-Азиатском регионе), так и законодательно-бюрократические (со стороны Индии; имеется в виду сложность и запутанность местных законов с точки зрения регулирования деятельности иностранных инвесторов). Кроме того, по-прежнему в Индии, несмотря на усилия правительства, сохраняется большое социальное расслоение, выраженное в пережитках кастовой системы. Это усложняет ведение бизнеса для японских компаний, которым необходимо учитывать национально-религиозные особенности страны и закладывать это в перечень вероятных издержек.

В статье не случайно рассматривались особенности развития национальных институтов в Японии и Индии. Это те аспекты, опираясь на которые можно сделать общий прогноз перспектив сотрудничества двух стран. Для Индии ключевыми задачами явля-

---

⁷ All About India-Japan Relation [Электронный ресурс] // Jatin Verma's IAS Academy Information. URL: <https://www.jatinverma.org/india-japan-relations> (дата обращения 15 апреля 2020).

ются: упрощение законодательно-правовых барьеров, повышение грамотности населения, особенно по части подготовки специалистов для высокотехнологических отраслей, создание эффективных механизмов защиты инвестиций иностранных компаний.

Для Японии первоочередной задачей является своевременная переориентация внешнеэкономической политики в регион Южной и Юго-Восточной Азии, поскольку именно эти регионы, очевидно, станут локомотивом мировой экономики наряду с Китаем в ближайшие десятилетия. Если Китай уже претендует на глобальное лидерство, опираясь на четкие национальные интересы, то Индии еще предстоит сформировать свою позицию по части приоритетных партнеров. Практика дистанцирования от глобального внешнеполитического дискурса, успешно работавшая в прошлом, в перспективе может восприниматься как желание получать блага и привилегии, оставаясь в стороне от участия в «цивилизационных геоэкономических коалициях».

Новый мировой порядок, который формируется сейчас, потребует и от Японии, и от Индии последовательной политики, направленной на выстраивание долгосрочных отношений. Геополитическое расслоение будущего поставит многие развивающиеся государства перед выбором – с кем играть на длинных дистанциях.

Литература

- Гордеева 2018 – *Гордеева И.В.* Японо-индийские отношения и концепция АТР // Азия и Африка сегодня. 2018. № 9. С. 2–9.
- Ивашенко 2009 – *Ивашенко А.С.* Истоки, содержание и сущность гандизма // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 3. С. 24–30.
- Маляров 2000 – *Маляров О.В.* Роль государства в переходной экономике: опыт Индии // Экономическая наука современной России. 2000. № 2. С. 120–135.
- Пузыня 2017 – *Пузыня Н.Н.* Стратегическое партнерство Японии и Индии в сфере безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Регионоведение». 2017. Т. 21. С. 42–48.
- Шаумян 2013 – *Шаумян Т.Л.* Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика. 2013. № 3 (13). С. 44–64.
- Юрлова 2017 – *Юрлова Е.С.* Индия. Касты в политике // Религия и общество на Востоке. Выпуск 1 / Отв. ред. А.В. Сарабьев. Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2017. С. 69–125.

- Chung H. Lee 2002 – *Chung H. Lee*. The state and institutions in East Asian economic development: the past and the future // *The Journal of the Korean Economy*. 2002. Vol. 3. № 1. P. 1–17.
- North 1991 – *North D.C.* North. Institutions // *Journal of economic perspectives*. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97–112.
- Sato 2002 – *Sato K.* From Fast to Last: the Japanese Economy in 1990s // *Journal of Asian Economics*. 2002. Vol. 13. P. 213–235.
- Stark 2010 – *Stark M.* The East Asian development state as a reference model for transition economies in Central Asia – an analysis of institutional arrangements and exogenous constrains // *Economic and Environmental Studies*. 2010. Vol. 10. № 2. P. 189–210.

References

- Chung, H. Lee (2002), “The state and institutions in East Asian economic development: the past and the future”, *The Journal of the Korean Economy*, vol. 3, no. 1, pp. 1–17.
- Gordeeva, I.V. (2018), “Japan – India relations and APR concept”, *Asia and Africa Today*, no. 9, pp. 2–9.
- Ivashchenko, A.S. (2009), “Beginnings, content and essence of Handism”, *The Bulletin of Adyge State University. Series 1 “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Studies, Cultural Studies”*, no. 3, pp. 24–30.
- Malyarov, O.V. (2000), “Role of the state in transitional economy. The experience of India”, *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], no. 2, pp. 120–135.
- North, D.C. (1991), “Institutions”, *Journal of economic perspectives*, vol. 5, no. 1, pp. 97–112.
- Puzynya, N.N. (2017), “The Japan and India strategic partnership in the security sphere in the Indo-Pacific Region”, *The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Region Studies”*, vol. 21, pp. 42–48.
- Sato K. (2002), “From Fast to Last: the Japanese Economy in 1990s”, *Journal of Asian Economics*, vol. 13, pp. 213–235.
- Shaumyan, T.L. (2013), “India, SCO and BRICS in the contemporary geopolitics”, *Comparative Politics*, no. 3 (13), pp. 44–64.
- Stark, M. (2010), “The East Asian development state as a reference model for transition economies in Central Asia – an analysis of institutional arrangements and exogenous constrains”. *Economic and Environmental Studies*, vol. 10, no. 2, pp. 189–210.
- Yurlova, E.S. (2017), “India. Castes in politics”, *Religiya I obschestvo na Vostoke*, Issue I, ed. by A.V. Sarab'ev, RAS Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Константин А. Корнеев, кандидат исторических наук, Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 1150547, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36; k_korneev@mail.ru

Людмила А. Печищева, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6;

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; lusya-85@inbox.ru

Information about authors

Konstantin A. Korneev, Cand. of Sci. (History), Russian Academy of Institute of Far Studies, Moscow, Russia; Moscow, Russia, bld. 32, Nakhimovskii Avenue, 117218;

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyannyi Lane, Moscow, Russia, 115054; k_korneev@mail.ru

Lyudmila A. Pechishcheva, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;

Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia, bld. 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 107031; lusya-85@inbox.ru

Об усилении дипломатической стратегии Китая и некоторых особенностях кадровой политики в отношении руководителей дипломатических миссий КНР

Наталья Б. Помозова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ptomozova@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить некоторые особенности дипломатической стратегии Китая в контексте глобального противостояния США и КНР. Дипломатия представляет собой важнейший инструмент внешней политики любого государства. В эпоху средств массовой информации и коммуникации (ЭСИК) дипломатические агенты сталкиваются с новыми реалиями, при этом их роль в реализации внешнеполитической стратегии возрастает в связи с актуальностью нового типа конфронтации – информационных и гибридных войн. Традиционно США сохраняли лидерство по количеству дипломатических представительств за рубежом, однако в 2019 г. Китай опередил по этому показателю своего основного конкурента. Географический выбор открытия новых дипломатических представительств является индикатором внешнеполитических приоритетов страны. Так, работа новых посольств Китая способствовала сокращению числа стран, признающих Китайскую Республику (Тайвань), до 15. Анализ кадровой политики в отношении руководителей дипломатических миссий КНР на «ключевых» направлениях позволил выявить некоторые особенности, влияющие на стиль работы послов. Фактор усиления влияния КНР в авторитетных международных организациях посредством своих дипломатических агентов, традиционно являвшийся прерогативой США, также демонстрирует наступательные амбиции внешнеполитической стратегии Китая.

Ключевые слова: Китай, США, внешняя политика, дипломатия, дипломатический агент, посольство, консульство

Для цитирования: Помозова Н.Б. Об усилении дипломатической стратегии Китая и некоторых особенностях кадровой политики в отношении руководителей дипломатических миссий КНР // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 50–58. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-50-58

On strengthening China's diplomatic strategy and some features of the personnel policy regarding the heads of the PRC diplomatic missions

Natal'ya B. Pomozova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, npomozova@mail.ru

Abstract. The article attempts to trace some features of the China diplomatic strategy in the context of the global confrontation between the United States and the PRC. Diplomacy is an essential foreign policy tool of any state. In the era of mass media and communication, diplomatic agents face new realities, while their role in implementing the foreign policy strategy is increasing due to the relevance of a new type of confrontation – the information and hybrid wars. Traditionally, the United States remained the leader in the number of diplomatic missions abroad; however, in 2019 China was ahead of its main competitor in that respect. The geographical choice in opening new diplomatic missions is an indicator of the country's foreign policy priorities. Thus, the work of the new Chinese embassies helped to reduce the number of countries recognizing the Republic of Taiwan down to 15. An analysis of the personnel policy regarding the heads of the diplomatic missions of the PRC in the “key” areas has revealed some features that affect the working style of the ambassadors. The factor of strengthening the influence of the PRC in reputable international organizations through its diplomatic agents, which has traditionally been the prerogative of the United States, also demonstrates the offensive ambitions of China's foreign policy strategy.

Keywords: China, USA, foreign policy, diplomacy, diplomatic agent, embassy, consulate

For citation: Pomozova, N.B. (2020), “On strengthening China's diplomatic strategy and some features of the personnel policy regarding the heads of the PRC diplomatic missions”, *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 50-58, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-50-58

В современном мире, где борьба государств за влияние все чаще перемещается в информационное поле, дипломатия усиливает свои позиции как инструмент этой борьбы. В эпоху ЭСИК, неразрывно связанную с процессами глобализации и произошедшей революции в способах производства и распространения информации, дипломатия сталкивается с новыми вызовами и возможностями. От того, насколько быстро госаппарат той или иной страны сможет приспособить дипломатию к этим реалиям, во многом будет зависеть эффективность решения государственных задач, стоящих перед дипломатическими агентами.

Одним из принципов ведения внешней политики Китая является отказ от участия в военных объединениях. Риторика лидеров КНР демонстрирует преемственность «мирного» дискурса [Помозова 2018, с. 158], в ней постоянно подчеркивается отсутствие намерений военного, агрессивного характера, недопустимость вмешательства во внутренние дела государств, ответственность перед нуждающимися странами, готовность оказывать им помощь вне зависимости от их идеологии и политического устройства. В рамках борьбы между КНР и США за лидерство на мировой арене, которая находится в центре международной повестки, в китайском дискурсе существует понимание того, что Пекин распространяет экономическое и культурное влияние, а Вашингтон – военное и политическое. Именно в этом преимущество той модели международного порядка, которую предлагает КНР взамен существующей, однополярной, неспособной отвечать на современные вызовы.

Важнейшим инструментом противостояния, направленного на достижение геополитического лидерства, является дипломатия в широком смысле. Как и многие ключевые понятия современного китайского теоретизирования, она была наделена «китайской спецификой».

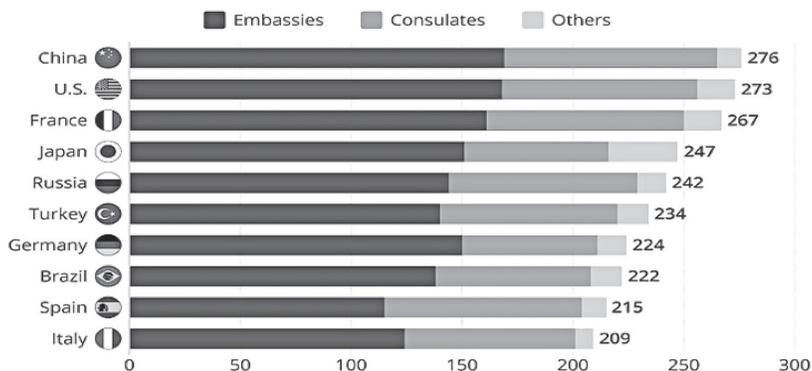
Согласно мнению как исследователей, так и самих дипломатов, существует несомненная прямая (хотя не прямо пропорциональная, конечно) зависимость между эффективностью деятельности дипслужбы и ее финансированием [Литвак 2016, с. 249]. США и Китай придерживаются противоположных подходов в отношении финансирования дипломатии. Несмотря на то, что США сокращают дипломатический бюджет, а Китай, напротив, увеличивает, в финансовом выражении сохраняется значительная разница. Так, в период с 2000 по 2017 г. бюджет Министерства иностранных дел КНР рос каждый год на 11% и за это время увеличился почти с 4,3 млрд долл. до 7,8 млрд. Д. Трамп предлагал урезать дипломатический бюджет США в 2018 г. на 30%, однако не все члены Сената разделяют такой подход, и в результате на 2018 г. был одобрен бюджет 51 млрд долл. [Huang 2018].

На протяжении десятилетий Вашингтон имел самую большую дипломатическую сеть в мире. На данный момент у Китая 276 дипломатических представительств (включая посольства, консульства и постоянные представительства в международных организациях). У США – 273 дипломатических представительства.

Согласно данным австралийской исследовательской организации Lowy Institute, отслеживающей дипломатическое присутствие стран в мире, в 2011 г. Пекин отставал от Вашингтона на 23 дипломатических представительства. К 2016 г. отставание сократилось

China Has Most Diplomatic Ties

Countries with the most diplomatic posts abroad (2019)

@StatistaCharts Source: Lowy Institute Global Diplomacy Index

statista

на 17 представительств, Китай занял третье место в рейтинге после США и Франции. В 2017 г. он поднялся на второе место, обогнав Францию, а затем в 2019 г. занял первое место в рейтинге из 60 стран, имеющих наиболее широкое дипломатическое представительство в мире¹.

В период с 2017 по 2019 г. Пекин открыл пять новых посольств: в Буркина-Фасо, Доминиканской Республике, Сальвадоре, Гамбии и Сан-Томе и Принсипи. Все эти страны – дипломатические партнеры Тайваня, и для Пекина было стратегически важно открыть там свои дипмиссии для того, чтобы усилить тайваньский вектор своей внешней политики. В 2018 г. Карибати и Соломоновы острова разорвали дипломатические отношения с Тайванем, установив их с Китаем. Таким образом, число государств, признающих Китайскую Республику (Тайвань), сократилось до 15 (включая такие небольшие государства, как Ватикан, Гватемала, Гондурас) [Vley 2019]. Отсюда следует, что данная стратегия Пекина нацелена на усиление политической изоляции Тайваня и расширение возможностей Китая по продвижению своих интересов.

Несмотря на то что Пекин и Вашингтон по количеству посольств имеют равные позиции, Китай лидирует по количеству консульств – 96 по сравнению с 88. Из 96 консульств Китая 41 на-

¹ The official site of the Lowy Institute, Global Diplomacy index [Электронный ресурс]. URL: <https://globaldiplomacyindex.lowyinstitute.org/> (дата обращения 2 мая 2020).

ходятся в Азии, а 28 – в Европе. Консульства, главной задачей которых является помощь гражданам своей страны, являются индикатором количества проживающих. Количественный анализ консульств США и Китая в наиболее развитых странах Западной Европы показал, что КНР приближается по этому показателю к Вашингтону (у США в Германии и во Франции по пять консульств, по три консульства в Италии и Великобритании², у КНР – по четыре консульства в Германии и Франции, три – в Великобритании и два – в Италии³). В России на данный момент работают два консульства США и пять консульств КНР, что отражает характер двусторонних отношений России с этими странами. Граждане, проживающие на территории чужой страны, представляют собой важный инструмент влияния, в первую очередь посредством внутренней дипломатии. В эпоху ЭСИК, когда они могут транслировать информацию на родину в кратчайшие сроки и в неограниченном количестве, значимость дипломатической работы с диаспорами многократно возросла.

Дипломатическое присутствие США в мире стало сокращаться начиная с 2017 г. После того как на фоне политических разногласий с Россией в 2018 г. было закрыто Генконсульство США в Санкт-Петербурге, у Вашингтона осталось 273 дипломатических представительства в мире.

Однако Вашингтон уступает Пекину на дипломатической арене не по всем параметрам. Так, США остаются страной с самым большим иностранным дипломатическим присутствием – 342 посольства и консульства из 61 страны (без учета постоянных представительств международных организаций, таких как ООН). В Китае же находятся 256 дипломатических миссий. Такое отставание Пекина может быть связано с тем, что политика властей Китая в большей степени направлена на сбор информации и распространение влияния за рубежом, и поэтому КНР не стремится изменить статус-кво в данном соотношении. Однако с учетом роста экономической, а как следствие и внешнеполитической значимости Китая можно прогнозировать, что дипломатические ресурсы многих стран будут перенаправлены на КНР.

На расстановку сил в области дипломатического присутствия в мире оказали влияние и некоторые политические процессы в Ев-

---

² Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/> (дата обращения 2 мая 2020).

³ Официальный сайт Министерства иностранных дел США [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/> (дата обращения 2 мая 2020).

ропе. В связи с Brexit Ирландия увеличила свое представительство в мире на 8 дипломатических миссий, в результате чего с 2017 г. Дублин поднялся на три позиции вверх. Нидерланды в связи с выходом Великобритании из Евросоюза также увеличили свое дипломатическое присутствие на 7 дипломатических миссий, их прирост ожидается также к 2021 г.

Великобритания, напротив, с 2016 г. закрыла 11 консульств и дипломатических представительств, опустившись с 9-го места до 11-го.

Выбор страны, где именно размещать свои дипломатические представительства, а также количество сотрудников в посольствах и консульствах обычно не случайны. По этим показателям можно сделать выводы о внешнеполитических приоритетах государств.

Кадровая политика Китая в отношении высшего руководства дипломатических миссий имеет некоторую специфику. Большинство послов КНР проводят в среднем три с половиной года на своих должностях, что близко к среднему международному уровню. Каждый год Китай меняет посла в трети из 170 своих посольств и 10 постоянных представительств. Так, в 2018 г. Китай сменил 27 послов [Mokry 2020].

Однако послы Китая в «ключевых точках» подвержены ротации в значительно меньшей степени, чем это принято в мире. Так, руководители стратегических посольств Китая (за исключением Индии и России) в среднем исполняют обязанности около шести лет.

Показателен пример бывшего посла Китая в России. Ли Хуэй провел в качестве руководителя Посольства в Москве 10 лет (2009–2019 гг.). Фактически вся карьера Ли связана с Россией и соседними странами. С 1997 по 1999 г. он занимал пост посла в Казахстане, а в 1999–2003 гг. был Директором Департамента стран Восточной Европы и Центральной Азии Министерства иностранных дел КНР. Глубокое знание региона, опыт работы в нем являются фундаментальными для карьеры дипломата в Китае. Однако пример Ли демонстрирует проблему китайской дипломатии, которая заключается в замедленной ротации кадров на высших дипломатических постах. На ключевые для внешней политики направления Компартия назначает на должность послов только тех, кто пользуется исключительным доверием руководства. В числе таких направлений можно назвать в мире – США, Россию, Японию, КНДР, Индию, Бразилию; в Европе – Великобританию, Германию, Францию. Такая кадровая политика может повлечь за собой нехватку квалифицированных молодых дипломатов, которые в будущем могли бы занять ключевые посты. В литературе описан феномен локалитиса – очевидно, следствие эмпатии дипломатов,

долгое время работающих на одном направлении, в одной стране, вследствие чего позиция этой страны пребывания становится чуть ли не ближе, чем позиция собственного государства. «Лекарством» от этого, профилактикой как раз и является обязательная ротация дипломатов, хотя у нее есть и другие причины – принципы справедливости, равенства, карьерного роста [Литвак 2016, с. 440].

Постоянно усиливающиеся централизация власти и роль Коммунистической партии во внешней политике Китая могут в будущем означать приоритет лояльности по отношению к региональному опыту дипломатов, что скажется на качестве реализации международной политики Китая на ключевых направлениях.

Еще одной специфической чертой дипломатической службы, препятствующей ее эффективности, являются ограниченные функции МИД в аппарате внешней политики. Так, посольства вынуждены взаимодействовать не только с центральным аппаратом, но и с другими структурами.

Таким образом, несмотря на некоторую специфику организации дипломатической службы в Китае, которая может в среднесрочной перспективе снизить эффективность руководящих кадров, работающих за рубежом, глубокое знание послами «ключевых» регионов является преимуществом государственного внешнеполитического аппарата КНР.

В последнее время наблюдается наращивание дипломатического инструментария в таких международных организациях, как Всемирная организация здравоохранения, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (с 2019 г. ее возглавляет бывший заместитель министра сельского хозяйства Китая Цюй Дунъюй), Международный союз электросвязи (с 2015 г. руководит Чжао Хоулинь, бывший сотрудник китайского Министерства связи), Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (с 2017 г. руководит бывший заместитель министра иностранных дел КНР Лю Чжэньмин), Международная организация гражданской авиации (с 2015 г. руководит юрист Фан Лю) [Lee 2020]. Распространение дипломатического влияния через структуры ООН, традиционно являвшееся прерогативой США, стало широко использоваться Китаем по мере перехода страны к наступательной внешней политике.

Дипломатическое усиление при Си Цзиньпине отражает наступательный характер современной международной политики Китая. Хотя Китай и США придерживаются противоположных подходов к финансированию внешней политики (США сокращает расходы, а КНР, наоборот, увеличивает), бюджет Китая по-прежнему значительно меньше. Тем не менее Китай обошел США по

количеству дипломатических представительств за рубежом, что свидетельствует о намерении Пекина наращивать свое присутствие в мире. Несмотря на то что количество дипломатических представительств не является главным критерием эффективности внешней политики государства, оно служит барометром его внешнеполитических амбиций. Китай превосходит США по количеству консульств, что указывает на значительное внимание руководства КНР к китайской диаспоре как инструменту внешнеполитического влияния. Количественный анализ консульских представительств в странах Европы (28) позволяет сделать вывод о долгосрочных внешнеполитических интересах КНР. Несмотря на некоторые проблемы организации дипломатической службы в Китае (медленная ротация кадров, ограниченные функции МИД в аппарате внешней политики, централизация власти), преимуществом послов в «ключевых» странах является значительный опыт и знание того региона, где они работают. Расширяющееся дипломатическое присутствие в международных организациях также свидетельствует о намерении Китая и дальше усиливать собственные международные позиции.

Литература

- Литвак 2016 – *Литвак Н.В.* Информационные процессы в современной дипломатической службе. Опыт Франции. М.: МГИМО (У), 2016. 486 с.
- Помозова 2018 – *Помозова Н.Б.* Отражение внешнеполитического вектора в дискурсе докладов на XV–XIX съездах Коммунистической партии Китая // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 6. С. 156–161.
- Bley 2019 – *Bley B.* The New Geography of Global Diplomacy // Foreign Affairs. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-11-27/new-geography-global-diplomacy> (дата обращения 2 мая 2020).
- Huang 2018 – *Huang Z.* The US and China are Overhauling Their Approaches to Diplomacy in Entirely Opposite Way // Quartz. 2018 [Электронный ресурс]. URL: [Online], available at: <https://qz.com/1203375/the-us-and-china-are-overhauling-their-approaches-to-diplomacy-and-foreign-service-in-entirely-opposite-ways/> (дата обращения 2 мая 2020).
- Lee 2020 – *Lee K.* It's not just the WHO: How China Is Moving on the Whole U.N. [Электронный ресурс]. URL: https://www.politico.com/news/magazine/2020/04/15/its-not-just-the-who-how-china-is-moving-on-the-whole-un-189029?fbclid=IwAR3W3coP83xFW2vFFBLYKKU7R78DFW8Z_nJw58hM6QOi4KfwrzQv-bt2m8 (дата обращения 2 мая 2020).
- Мокры 2018 – *Мокры S.* Chinese Experts Challenge Western Generalists in Diplomacy // The Diplomat. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2018/08/chinese-experts-challenge-western-generalists-in-diplomacy/> (дата обращения 2 мая 2020).

References

- Bley, B. (2019), "The New Geography of Global Diplomacy", *Foreign Affairs*, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-11-27/new-geography-global-diplomacy> (Accessed 2 May 2020).
- Huang, Z. (2018), "The US and China are Overhauling Their Approaches to Diplomacy in Entirely Opposite Way", *Quartz*, available at: <https://qz.com/1203375/the-us-and-china-are-overhauling-their-approaches-to-diplomacy-and-foreign-service-in-entirely-opposite-ways/> (Accessed 2 May 2020).
- Lee, K. (2020), "It's not just the WHO: How China Is Moving on the Whole U.N.", available at: https://www.politico.com/news/magazine/2020/04/15/its-not-just-the-who-how-china-is-moving-on-the-whole-un-189029?fbclid=IwAR3W-3coP83xFW2vFFBLYKKU7R78DFW8Z_nljw58hM6QOi4KfwrzQv-bt2m8 (Accessed 2 May 2020).
- Litvak, N.V. (2016), *Informatsionnie protsessy v sovremennoi diplomaticheskoi sluzhbe. Opyt Frantsii* [Information processes in contemporary diplomatic service. Experience of France], MGIMO-Universitet, Moscow, Russia.
- Mokry, S. (2018), "Chinese Experts Challenge Western Generalists in Diplomacy", *The Diplomat*, available at: <https://thediplomat.com/2018/08/chinese-experts-challenge-western-generalists-in-diplomacy/> (Accessed 2 May 2020).
- Pomozova N.B. (2018), "Reflection of the foreign policy vector in the discourse of reports of XV–XIX congresses of The Communist Party of China", *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie, Uchenye zapiski*, no. 6, pp. 156–161.

Информация об авторе

Наталья Б. Помозова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; pomozova@mail.ru

Information about the author

Natal'ya B. Pomozova, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; pomozova@mail.ru

Российско-сирийское постконфликтное сотрудничество в контексте региональной многовекторности

Марина А. Сапронова

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия
m.sapronova@inno.mgimo.ru*

Аннотация. В статье рассматривается российско-сирийское сотрудничество после завершения основной фазы контртеррористической операции, перехода к политическому процессу и экономическому восстановлению страны. Анализируется региональная политика России, которая строится на формировании «подвижных» тактических союзов, а также экономические интересы Турции, Ирана и Китая, рассматривающих Сирию как важное звено в складывающейся нефтегазовой и логистической трансграничной структуре. При этом сама Сирия ищет новую парадигму выстраивания двусторонних и многосторонних отношений не только в Ближневосточном регионе, но и со странами Евразии.

Ключевые слова: Сирия, региональная политика России, энергетическое пространство, евразийская интеграция

Для цитирования: Сапронова М.А. Российско-сирийское сотрудничество в контексте региональной многовекторности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 59–75. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-59-75

Russian-Syrian post-conflict cooperation in the light of regional multi-vector course

Marina A. Sapronova

*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
m.sapronova@inno.mgimo.ru*

Abstract. The article presents Russian-Syrian cooperation after termination of the main phase of the counterterrorism operation, switching to political process and economic recovery of the country. The article considers Russian regional policy that is based on formation of “flexible” tactic unions. Economic interests of Turkey, Iran and China are analyzed as well. Those countries

consider Syria to be an important element in the emerging oil and gas and logistic trans-border structure. At the same time, Syria itself is looking for a new model of building bilateral and multilateral relations not only in the Middle Eastern region but with countries of Eurasia.

Keywords: Syria, Russian regional policy, energy space, Eurasian integration

For citation: Sapronova, M.A. (2020), "Russian-Syrian post-conflict cooperation in the light of regional multi-vector course", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International relations" Series*, no. 3, pp. 59-75, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-59-75

Введение

В опубликованном в январе 2020 г. аналитическом прогнозе «Международные угрозы 2020. Каждый – за себя» эксперты отмечают, что в настоящее время начали формироваться контуры нового мира «с новой экономикой, новой политикой, новым обществом», одновременно уже началась борьба за этот мир: конкуренты «мобилизуют ресурсы», отказываются от традиционных альянсов и договоренностей, ищут новых союзников, при этом на первый план выступает «реальная сила»¹.

Аналитики уже неоднократно подчеркивали, что региональная политика России (прежде всего на Ближнем Востоке), подвергшись серьезному испытанию со стороны нерешенных глобальных проблем, начала выработку и имплементацию новых, «нелинейных» подходов в своей стратегии и тактике, используя форматы «сети союзов», которые представляют собой «набор многосторонних и двусторонних связей и обязательств», имеющих разные сроки действия, преследующие достижение конкретных тактических целей².

К применению такого рода «подвижных» политических союзов Россию подтолкнула сама среда ближневосточной политики, кото-

---

¹ Международные угрозы 2020. Каждый – за себя / Отв. ред. А. Сушенцов [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/2ac/int-threats-2020.pdf> (дата обращения 25 декабря 2019).

² См., например: Корнилов А.А. Региональные приоритеты внешней политики России как отражение нелинейных стратегических подходов // Зарубежное регионоведение: проблемы теории и практики / Под ред. А.А. Корнилова. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015; Ходынская-Голенищева М.С. На правильной стороне истории: Сирийский кризис в контексте становления многополярного мироустройства. М.: Олма, 2015; [Силаев, Сушенцов 2017]; и др.

рая в настоящее время является сложной и многовекторной, так как здесь пересекаются интересы многих региональных игроков, преследующих цель доминировать не только в политике, но и в экономике (прежде всего в энергетическом пространстве), контролировать транспортные узлы и инфраструктуру. С другой стороны, эта среда весьма инерционна, в силу в том числе накопленного странами конфликтного и военного потенциала. Поэтому в борьбе за ближневосточное пространство необходимо использование всего политико-дипломатического и военного инструментария, применение комплексных подходов к решению региональных вопросов.

Восстановление сирийской экономики актуализирует проблему новой роли Сирийской Арабской Республики в региональной и мировой экономике и ее статуса как важного международного оператора финансовых потоков и товаров. При этом сама Сирия рассматривает свое положение и региональные риски в широком стратегическом контексте и ищет новую парадигму выстраивания международных отношений не только в регионе, но и со странами Евразии в условиях появления сильных региональных игроков, прежде всего, Турции и Ирана.

«Российская операция в Сирии, – отмечают Н. Силаев и А. Сушенцов, – продемонстрировала многообразие и трансформацию союзничества» [Силаев, Сушенцов 2017, с. 10]. В распоряжении двух стран в настоящее время имеется большой набор инструментов для двустороннего взаимодействия (от координации дипломатических действий до совместного проведения боевых операций), и эти инструменты могут быть задействованы в зависимости от решений той или иной политической задачи. При этом вектор этих задач постепенно смещается в сторону экономических интересов и борьбы за энергетические ресурсы, а сама Сирия, по мере укрепления своих границ и государственного суверенитета, становится все больше заинтересована в привлечении иностранных инвестиций и занятии выгодной ниши в региональной и трансрегиональной экономике. При этом помощь, которую оказывает Россия Сирии,

...должна представлять собой не совокупность отдельных, не связанных друг с другом проектов, а масштабный и «комплексный план продвижения группы российских и союзных евразийских товаропроизводителей... для встраивания в ближневосточную рыночную структуру [Агеев, Логинов 2017, с. 8].

Причем план этот (включающий в себя энергетическую и транспортную инфраструктуры, строительство железных дорог, портов и др.) должен обеспечивать потребности не только Сирии, но и близлежащих стран.

Внутриполитическая и экономическая ситуация в Сирии

В течение 2019 г. сирийская армия продолжала последовательно расширять свои позиции, и к началу 2020 г. правительство Башара Асада контролировало порядка 80% территории страны (в 2015 г. – не более 10%). В октябре 2019 г. Турция начала военную операцию «Источник мира» на северо-востоке Сирии, направленную против курдских вооруженных отрядов, имевшую целью создание зоны безопасности вдоль турецкой границы. В конце октября в Сочи состоялось подписание российско-турецкого меморандума, определившего конфигурацию этой территории, куда был открыт доступ правительственным войскам и российским военным, и таким образом был установлен контроль над территориями Заевфратья. Было также принято принципиальное решение о выводе курдских «Сил демократической Сирии» из приграничной с турецкой территории и их замене на подразделения регулярной сирийской армии. Однако вопрос о взаимоотношениях между Дамаском и курдской администрацией пока остается открытым, равно как и вопрос о судьбе курдских вооруженных отрядов.

В отдельных районах ситуация по-прежнему достаточно сложная. Так, несмотря на формально действующий с 31 августа 2019 г. режим прекращения огня в зоне деэскалации Идлиб, совместной российско-турецкой комиссией фиксируется много нарушений в этой зоне, равно как и в Латакии, Алеппо и Хама; в декабре 2019 г. боевые действия шли в целом ряде провинций страны. «Есть попытки восстановления контроля над территорией террористами», – заявил в ходе встречи с В. Путиным 7 января 2020 г. Башар Асад³.

Экономика САР характеризуется достаточно кризисным состоянием, которое усугубляется нестабильной внутриполитической обстановкой (как в самой Сирии, так и в соседнем Ираке), деятельностью террористических группировок и западными санкциями. Значительная часть производственного сектора и транспортной инфраструктуры повреждена или еще находится под контролем террористических организаций; больших финансовых затрат требует восстановление фермерского хозяйства в северо-восточных районах.

По оценке сирийского правительства, восстановление разрушенной инфраструктуры (особенно находящейся в ведении

---

³ Асад объявил о военном успехе на территории Сирии. 08.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/690424> (дата обращения 11 января 2020)

Министерства нефти и минеральных ресурсов) и городов Сирии обойдется официальному Дамаску в сумму около 180 млрд долл., о чем сообщил в письме, направленном в Совет Безопасности ООН, заместитель постоянного представителя страны во всемирной организации М. Мунзер⁴. Очевидно, что экономических ресурсов трех государств, задействованных в Сирии (России, Турции и Ирана), будет недостаточно для ее быстрого восстановления, при том что финансовые ресурсы самой Сирии сильно ограничены, а американские санкции, блокирующие сирийский экспорт и любые финансовые транзакции с участием государственных и частных структур Дамаска, создают дополнительные трудности.

Между тем проникновение бизнеса на сирийский рынок уже началось: как российские, так и иранские компании заключили ряд соглашений о сотрудничестве в сфере энергетики и строительстве.

Сирия – не очень богатая (по сравнению со своими соседями) энергоресурсами страна, хотя основными статьями ее экспорта являются нефть и минеральное сырье. Общие запасы нефти в Сирии, по разным данным, оцениваются в 2,5 млрд баррелей, причем порядка 75% этих запасов находятся на северо-востоке страны и основные из них – на месторождениях, окружающих Дейр-эль-Зор⁵. Большую часть потребностей страны в углеводородах покрывал Иран, поставляя в Сирию нефть с 2013 г., без чего страна столкнулась бы с полным экономическим крахом, особенно в период, когда основные нефтяные районы находились под контролем террористических группировок, а трубопроводы были разрушены. В 2019 г. с поставками нефти начались перебои, т. к. вступили в силу новые антииранские санкции США.

Между тем складывающаяся в Сирии ситуация прямо воздействует на географию нефтегазовых потоков, так как непосредственное отношение как к внутрисирийскому кризису, так и к сирийской нефти и газу имеют Иран, Ирак, Турция, Саудовская Аравия, Катар и другие страны, рассматривающие эту страну как важный транзитный узел портово-нефтепроводных региональных систем.

Большую роль нефтяной фактор играет на севере Сирии. Соединенные Штаты, вопреки ранее сделанному заявлению об уходе из Сирии, наоборот, планируют увеличить численность своей

---

⁴ Сирия сообщила ООН о \$178 млрд убытков, понесенных в результате конфликта [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3959238> (дата обращения 20 января 2020).

⁵ Шмелева Т.А. К вопросу о сирийском нефтегазовом секторе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=64659#more-64659> (дата обращения 20 декабря 2019).

военной миссии для обеспечения безопасности нефтяных месторождений (прежде всего в провинции Дейр-эз-Зор) и в дальнейшем могут поставить под свой контроль большой регион (рассматриваемый как важный транспортный узел, связывающий Турцию, Иракский Курдистан, Иран и арабский регион с Западом) и начать препятствовать доступу сирийского правительства к энергоресурсам, затрудняя и без того сложный процесс восстановления страны. При этом сами сирийские курды, остро нуждаясь в финансовых вливаниях, часть нефти продают через Иракский Курдистан турецким компаниям⁶. В декабре 2019 г. президент Сирии даже издал указ о бомбардировках караванов грузовиков с «украденной» нефтью и нефтехранилищ на территориях, контролируемых «Сирийскими демократическими силами», продемонстрировав, таким образом, что борьба с нефтяной контрабандой будет вестись довольно интенсивно.

Очевидно, что восстановление сирийской экономики будет осуществляться при российском лидерстве⁷, поэтому, с одной стороны, для Сирии открываются довольно широкие перспективы для ее превращения в важный логистический узел ближневосточного и евразийского пространства. Российские компании уже подписали несколько важных договоров и контрактов с сирийским правительством⁸.

---

⁶ Кузнецов А.А. О контрабандной торговле нефтью в северо-восточных провинциях САР и возможных ответных мерах сирийского правительства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=64434#more-64434> (дата обращения 20 декабря 2019).

⁷ Россия уже несколько лет предоставляет самую различную помощь Сирии, в частности обеспечивая необходимыми продуктами питания, пшеницей; поставляя нефтепродукты, инженерные изделия, необходимые для железной дороги, комплектации для больниц. Также Россия подписала несколько важных контрактов по строительству объектов, связанных с электроэнергетикой и водными ресурсами (электростанции и ирригационные сооружения).

⁸ Первой подписала контракт на разведку нефти и газа компания «Союз Нафтагаз» в 2013 г.; в 2017 г. аналогичный контракт заключила компания «Стройтрансгаз», которая будет также заниматься восстановлением добычи фосфатов на крупнейших в стране месторождениях недалеко от Пальмиры. Российские компании «Зарубежнефть», «Зарубежгеология», «Технопромэкспорт» также заключили контракты на разведку и восстановление нефтегазовых месторождений и обслуживание поврежденных нефтеперерабатывающих заводов. См.: Борьба за сирийскую нефть: Россия владеет наибольшей долей, а США контролируют ее через посредников [Электронный ресурс] URL: <https://inosmi.ru/politic/20191211/246413230.html> (дата обращения 28 января 2020). В январе 2018 г. главы профильных ведомств России и Сирии подписали «Дорожную карту» по взаимодействию в сфере энергетики.

Успешная операция Военно-космических сил в Сирии позволила России получить не только новый геополитический статус, но и стать ключевым участником постконфликтного урегулирования в этой стране. Этому способствовала российская политика многосторонности и система союзов, выработанная на Ближнем Востоке, которая должна обеспечить присутствие там России как влиятельной силы и не допустить подрыва ее влияния.

Еще в 2015 г. сирийское руководство сделало ряд открытых заявлений о своем желании войти в зону свободной торговли с ЕАЭС. Об этом говорил министр экономики и торговли Хумам аль-Джазери, а также премьер-министр республики Ваиль аль-Хальки, подчеркнув, что это «позволит облегчить экономические и торговые взаимодействия с дружественными странами»⁹ (Белоруссия, Китай и др.), которые предоставляют непрямую помощь, открывая свои рынки как источники товаров, необходимых для сирийского рынка.

В этом плане для Сирии открываются реальные перспективы реализации целого спектра инфраструктурных проектов, имеющих широкую географию, при ведущей роли в этом процессе российских и сирийских компаний [Борталевич, Логинов, Шкута 2016, с. 144], что, однако, может быть осуществлено, по мнению российских экономистов, путем встраивания сирийской инфраструктуры и индустриального комплекса в мировые товарные и финансовые потоки, проходящие по территории Ближнего Востока. Для этого необходим переход российских компаний, кооперирующихся в той или иной форме с сирийскими предприятиями, к «трансграничному оказанию в Сирии и прилегающих к ней странах комплексных инфраструктурных услуг с опорой на кооперационную увязку производств, транспорта, логистики, сбыта и оперирования финансовыми ресурсами» [Борталевич, Логинов, Шкута 2016, с. 145].

Однако реализация этих проектов может натолкнуться на сопротивление региональных держав, так как в борьбу за энергоресурсы и транспортную инфраструктуру Сирии уже вступают другие игроки, активно использующие новую конфигурацию сил на Ближнем Востоке, при этом Россия, по мнению многих исследователей, в борьбе за региональное лидерство в этом регионе склонна отдавать предпочтение Ирану, поддерживая его ключевого союзника – Сирию [Ахмед Мохамед Абду Хасан 2018, с. 345].

---

⁹ Премьер Сирии: ведем переговоры о вступлении в Евразийский союз [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20150721/1138558767.html> (дата обращения 25 декабря 2019).

Новые геополитические контуры региона и экономические интересы региональных держав

В настоящее время, очевидно, стать мощным мировым транспортно-логистическим инфраструктурным центром, через который пройдут торгово-экономические пути, стремится Турция. В январе 2020 г. была открыта первая ветка газопровода «Турецкий поток»¹⁰, благодаря которой у России и Турции появилась возможность занять лидирующее положение и определять условия транзита энергоносителей из ближневосточных стран в Европу, для этого, однако, потребуются присутствие в близлежащих арабских странах (Ираке, Ливане, Египте), где сложной продолжает оставаться политическая ситуация.

Важно также учитывать, что Турция реализует и другие проекты, все более активно продвигаясь на энергетические рынки¹¹, при этом импортирует нефть и газ из Иракского Курдистана.

В этой связи возрастает роль Ливии, где после убийства в 2011 г. Муаммара Каддафи страна расколота на две части: на востоке функционирует избранный народом парламент, а на западе (в столице – г. Триполи) правит Правительство национального согласия (ПНС) под руководством Фаиза Сараджа, сформированное при поддержке международного сообщества. Власти восточной части страны действуют самостоятельно и сотрудничают с Ливийской национальной армией Халифы Хафтара. Террористы из сирийского Идлиба бегут в Ливию, куда Анкара угрожает отправить и свой воинский контингент¹², который должен воевать с фельдмаршалом Х. Хафтаром. При этом, подписав соответствующие соглашения и меморандумы, Р. Эрдоган хочет проводить буровые работы в Восточном Средиземноморье, разделив шельф с Фаизом Сарраджем, возглавляющим Правительство национального согласия Ливии. Это соглашение дает Турции право продолжать разведку нефти и газа (что сразу усилило напряженность в отношениях с

---

¹⁰ Межправительственное соглашение по созданию и эксплуатации газопровода «Турецкий поток» было подписано 10 октября 2016 г. министрами энергетики двух стран после встречи президентов России и Турции в Стамбуле на полях Мирового энергетического конгресса.

¹¹ Кроме российских «Турецкого» и «голубого» потоков через республику уже проходят Трансанатолийский газопровод, нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, газопровод Баку–Тбилиси–Эрзурум. Более того, Эрдоган присоединился к китайскому мегапроекту «Один пояс – один путь».

¹² Парламент Турции 2 января 2020 г. проголосовал за развертывание турецких сил для поддержки ливийского Правительства национального согласия (ПНС).

Грецией и Кипром, считающими это нарушением их суверенитета, а также с Египтом и Израилем).

Ливия имеет для Турции большое экономическое значение, так как это – один из основных ее торговых партнеров в Африке и сфера влияния в Восточном Средиземноморье, поэтому турецкие компании надеются вернуться на ливийский рынок и заняться реконструкцией разрушенной экономики. Кроме того, тот, кто контролирует Ливию, в перспективе может претендовать на контроль за грузопотоками, идущими через Суэцкий канал.

В ноябре 2019 г. было подписано турецко-ливийское соглашение о делимитации морской границы, что дает Анкаре преимущество в споре за энергетические ресурсы Восточного Средиземноморья, учитывая тот факт, что в январе 2020 г. Израиль, Кипр и Греция подписали межправительственное соглашение о строительстве Восточносредиземноморского газопровода (EastMed)¹³, поэтому для Эрдогана важно сохранение правительства Ф. Сарраджа как гарантии соблюдения турецких интересов.

Строительство предполагаемого газопровода выведет в число поставщиков в Европу такие страны, как Израиль и Кипр, что соответствует Стратегии европейской энергетической безопасности (принятой в 2014 г.), в которой поставлена цель диверсификации источников газоснабжения, в том числе из Средиземноморского региона.

Россия, в свою очередь, надеется, что в случае победы в гражданской войне Х. Хафтара он предоставит российским ВКС и ВМФ базу на ливийском побережье и российские госкомпании (нефтегазовые, РЖД), работавшие в Ливии при Каддафи, смогут вернуться в страну¹⁴. При этом Россия не заинтересована в реализации энергетических проектов (прежде всего газопровода EastMed), так как это конкурент «Газпрома», поэтому в отношении ливийского урегулирования выступает совместно с Турцией, пытаясь посадить за стол переговоров противоборствующие стороны. Так, 14 января 2020 г. в Москве прошли переговоры между представителями кон-

---

¹³ Газопровод протяженностью 1900 км станет самым длинным подводным газопроводом в мире и свяжет газовые месторождения у берегов Израиля и Кипра с Грецией и Италией. Этот проект, получивший серьезную поддержку со стороны Евросоюза, должен быть введен в эксплуатацию в 2025 г. Турецкий МИД распространил документ, называющий это соглашение «грязными антитурецкими кознями».

¹⁴ Долгие годы Ливия была для России большим рынком сбыта вооружений и военной техники; «Газпром» подписал соглашение по нефти более чем на 170 млн долл., большой проект по строительству железной дороги реализовывала РЖД; активно работали «Лукойл» и «Татнефть».

фликтуирующих ливийских сторон (генералом Х. Хафтаром и главой Правительства национального согласия (ПНС) Ф. Сараджем)¹⁵. На этих переговорах Х. Хафтар (поддерживаемый также Саудовской Аравией, ОАЭ, Францией, Египтом) взял паузу, отказавшись подписать совместный с Ф. Сараждем меморандум¹⁶.

Таким образом, в ливийском пространстве, с учетом существенных российско-турецких противоречий, Москве и Анкаре, видимо, необходимо будет объединять усилия, чтобы достичь своих геополитических целей и идти по т. н. «сирийскому формату», который помог этим странам в рамках Астанинского процесса создать базу для совместной работы по урегулированию кризиса в Сирии.

Иран, в свою очередь, начал выступать в качестве регионального лидера глобального масштаба. В сфере энергетики Иран по-прежнему заинтересован в расширении участия в добыче и транспортировке нефти и газа; выводе иранского газа на европейский и азиатский рынки и превращении страны в региональный транзитный узел. При этом стратегическое сближение Ирана с Россией в экономике, прежде всего в энергетической сфере, может сыграть важную роль как для российской ближневосточной политики, так и для глобальных форматов международного сотрудничества, а в перспективе – способствовать появлению новых рынков сбыта и для стран Евразийского экономического сотрудничества. Через сотрудничество с Ираном ЕАЭС может получить выход на рынки Ирака, Сирии, Кувейта и других стран и доступ к важнейшим транзитным маршрутам.

Значительные интересы Ирана сосредоточены и в Сирии, с которой уже подписаны соглашения в нефтегазовой сфере на сумму порядка 4 млрд долл., но также соглашения в области здравоохранения и других социальных сферах (на сумму более 1 млрд долл.)¹⁷. Иран стремится получить еще больше инвестиционных контрактов в области энергетики, но сталкивается с интересами и присутствием американцев в восточных районах Сирии, а также с конкуренцией в лице России, которая получила важные нефтяные контракты. Сое-

---

¹⁵ Переговоры проходили в рамках посреднической миссии, проводимой президентом РФ и президентом Турции. 8 января в ходе визита российского лидера в Стамбул, стороны договорились о взятии на себя посреднической миссии по прекращению огня в Ливии и примирению сторон.

¹⁶ Переговоры по Ливии в Москве завершились без подписания соглашения // Коммерсантъ. 13.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4219628> (дата обращения 1 января 2020).

¹⁷ Премьер Сирии ведет переговоры о вступлении в Евразийский союз [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20150721/1138558767.html> (дата обращения 25 декабря 2019).

диненные Штаты разрабатывают новую стратегию для выдавливания Ирана из Сирии, включающую введение санкций, под которые могут попасть не только иранские, но и российские компании, которые решат участвовать в восстановлении сирийской экономики. Поэтому Иран серьезно ограничен в своих действиях по сирийскому восстановлению из-за собственных проблем с экономикой.

При этом в Израиле растет беспокойство усиливающимся военным присутствием РФ в регионе и укреплением российско-иранского сотрудничества. Смысл соглашений Израйля с Турцией, Кипром, Грецией, Египтом и другими странами заключается именно в реализации национальных интересов Израйля в рамках так называемой периферийной стратегии¹⁸, а не в налаживании дружеских отношений (как с США). Речь идет исключительно о прагматическом расчете руководства Израйля, задача которого – обеспечить кольцо стабильного военно-политического, торгово-экономического и энергетического партнерства вокруг территорий хаоса и нестабильности. «Закрепление Ирана на территории Сирии является угрозой для безопасности Израйля, и мы не можем допустить такого развития событий, – заявил глава МИД Израйля И. Кац, – Иран несет угрозу не только нашей стране, но всему региону»¹⁹. Очевидно, что Израиль и дальше будет продолжать ориентироваться (при поддержке США) на лояльные к нему арабские страны, подталкивая их к экономическому сотрудничеству, которое может способствовать сдерживанию Ирана. Так, например, США в настоящее время предпринимают активные посреднические усилия в ливано-израильском споре по разработке шельфового газа, что не случайно, так как американская крупнейшая нефтегазовая компания ExxonMobil заинтересована в том, чтобы выйти на рынок углеводородов в Израиле и секторе Газа²⁰.

---

¹⁸ «Периферийная стратегия», которой Израиль следовал в своей внешней политике начиная с 1950-х гг., была ориентирована, прежде всего, на «второй круг» мусульманских государств (находящихся за непосредственными соседями Израйля) – Турцию и Иран. «Арабская весна» и последовавшие за этим события актуализировали данную концепцию, которая направлена теперь на «третий» и «четвертый» круги государств, включая умеренные арабские государства Ближнего Востока, Северной Африки и немусульманские страны Средиземноморья. См.: *Костенко Ю.И.* «Новая периферийная стратегия» Израйля // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 1 (52). С. 103.

¹⁹ Смерть Сулеймани дала шанс России и Израилю. Путин и Нетаньяху обсудят судьбу иранских сил в Сирии // Независимая газета. 2020. 22 янв.

²⁰ *Щегловин Ю.Б.* Израильский, ливанский и нефтегазовый факторы в современной политике США на Ближнем Востоке // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=54255#more-54255> (дата обращения 26 января 2020).

Сам Израиль претендует на то, чтобы стать международным центром морских и сухопутных перевозок (в связи с чем в стране модернизируются старые порты и строятся новые, разработан проект скоростной железной дорога Эйлат–Ашдод протяженностью 350 км, которая должна соединить израильские порты на Красном и Средиземном морях и позволить перевозить грузы в обход Суэцкого канала) [Агеев, Логинов и др. 2017, с. 20], однако этому препятствуют противоречия с соседними арабскими странами и их нестабильная внутривосточная ситуация. Так, в Ливане продолжаются протестные выступления и серьезный правительственный кризис, который усиливается расколом правящей элиты по сирийскому вопросу²¹, что серьезно сказывается не только на положении сирийских беженцев (общая численность которых, по разным оценкам, составляет от 1 до 2 млн человек), но и мешает налаживанию взаимовыгодных экономических отношений. Между тем Ливан крайне заинтересован в такого рода сотрудничестве с Сирией, использовании ее как важного стратегического моста для торговли с другими арабскими странами и Турцией, выхода из фактической торговой изоляции, в которой оказался Ливан из-за сирийского кризиса.

Египет начал играть более активную роль в сирийском кризисе. С самого начала президентства Абдель Фаттах ас-Сиси публично заявлял, что Каир не поддерживает сирийскую революцию и помогает правительственным войскам в боях с оппозицией и поддерживает режим Б. Асада на международных площадках и форумах. Кроме того, выстраивались отношения в области безопасности и взаимодействия между вооруженными силами (что говорит о координации между египетским и сирийским режимами в сфере безопасности). Египет принимал участие в конфликте в качестве посредника между вооруженными группировками и режимом Асада (в частности, в рамках перемирия в Восточной Гуте). По мере укрепления позиций Египта конкуренция между ним и Саудовской Аравией сменилась его поддержкой со стороны последней²².

---

²¹ Премьер-министр Ливана Саад Харири и поддерживающая его суннитская группировка выступают против налаживания прямого диалога с президентом Сирии и его союзниками, прежде всего, с Ираном. Спикер ливанского парламента Набих Берри и поддерживающая его шиитская группа, напротив, стремятся к более тесному взаимодействию с Сирией по самому широкому кругу вопросов.

²² Поддержка стран Персидского залива и стимулирование египетской роли привели к тому, что «Джейш аль-Фатх» – одна из крупных оппозиционных фракций в Восточной Гуте, приняла египетские инициативы и согласилась участвовать в переговорной сессии в Каире, что подтвердило наличие саудовской поддержки Египта // Кто стоит за активизацией роли Египта в сирийском кризисе [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171102/240671828.html> (дата обращения 25 декабря 2019).

Таким образом, вокруг Сирии выстраивается целая система сложных политико-экономических региональных интересов, имеющих самые разные цели в сфере безопасности и экономики и одновременно создающих много противоречий. Поэтому очевидно, что постконфликтное восстановление Сирии не будет чисто экономическим вопросом. Россия, у которой пока нет четкой стратегии восстановления этой страны, считает, что делать это необходимо при участии мирового сообщества²³.

Если принять во внимание создание международной комбинации соглашений и договоренностей, то в основе этой системы лежит тесная взаимосвязь энергетических обязательств и убедительное военное присутствие России, без которого невозможно встраивание Сирии в новую геополитическую ситуацию, т. к. «во время передела мира на первый план выступает реальная сила», а право писать новые правила «можно либо завоевать, либо купить», при этом важно осознавать, что «мягкая» сила уже не способна существовать без силы «жесткой»²⁴. Россия доказала свое право устанавливать «правила игры», однако делать это придется с учетом интересов различных держав, продолжая создавать с ними тактические, «нелинейные» союзы для соблюдения баланса сил, понимания, «чего все хотят... и какую собственную политику вести в этом контексте»²⁵.

Роль Китая в интеграции Сирии в евразийское пространство

Учитывать в этой связи придется и все увеличивающийся рост Китая, который нашел свое отражение в концепции стыковки ЕАЭС с китайской инициативой Экономического шелкового пути. Китай уже стал одним из главных инвесторов в страны Ближневосточного региона, первым покупателем его нефти и ведущим торговым партнером. Китайское присутствие и углубляющиеся

---

²³ Российские исследователи рассматривают три сценария сирийского восстановления: «своими силами» при помощи союзников Сирии; при активном участии ЕС (после снятия санкций); с привлечением государств Залива к финансированию. См., например: Примирить непримиримое: подходы России и Европы к восстановлению Сирии: Доклад / Гл. ред. И.С. Иванов // Российский совет по международным делам. 2019. № 48. 32 с.

²⁴ Международные угрозы 2020. Каждый – за себя / Отв. ред. А. Сушенцов [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/2ac/int-threats-2020.pdf> (дата обращения 25 декабря 2019).

²⁵ Примирить непримиримое... С. 26.

отношения государств региона с КНР становятся существенным фактором экономического и политического развития всего Ближневосточного региона.

Среди ближневосточных партнеров КНР Сирия занимала особое место: сотрудничество с этой страной было важным «подспорьем» для решения широкого комплекса стратегических задач, стоящих перед Китаем в данном регионе. Уже с конца 1980-х гг. Китай предпринимал целый ряд шагов с целью повышения уровня своих политических отношений с САР, а также поэтапно развивал торгово-экономическое сотрудничество, произвел ряд важных военных поставок²⁶. До 2011 г. Китай был основным экспортером товаров в Сирию, активно инвестировал в тяжелую промышленность и ее нефтяной сектор²⁷ и рассматривал эту страну как один из «узлов» мегапроекта «Новый шелковый путь». Во время войны Китай не прекращал военно-техническое сотрудничество, после освобождения Алеппо (в 2016 г.) активизировал свое участие в урегулировании, а в 2017 г. подписал соглашение об оказании безвозмездной гуманитарной помощи и обнародовал план, согласно которому предполагалось вложить около 2 млрд долл. в строительство индустриального парка в Сирии с подключением 150 китайских компаний²⁸.

По мере укрепления позиций правительственных сил на территории Сирии Китай стал все больший интерес проявлять и к этой стране, особенно к ее природным ресурсам и проектам долгосрочного развития. Так, около 200 китайских компаний участвовали в Международной торговой ярмарке в Дамаске, и Китай объявил о выделении 2 млрд долл в качестве инвестиций в сирийскую промышленность²⁹. В 2018 г. в Пекине прошла первая торговая выставка «Проекты по реконструкции Сирии», а на Форуме сотрудничества Китая и арабских государств Пекин анонсировал пакет финансовой помощи арабским странам в размере 23 млрд долл., часть

---

²⁶ Антипов К.В. Ближневосточная политика Китая в контексте сирийского кризиса // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. 2012. Т. 17. С. 205.

²⁷ В 2010 г. Китайская национальная нефтегазовая корпорация вместе с Royal Dutch Shell стала совладельцем основной нефтеперерабатывающей сирийской компании «аль-Фурат Петролеум».

²⁸ Интересы России и Китая в послевоенной Сирии: кто кого? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iarex.ru/news/60440.html> (дата обращения 2 февраля 2020).

²⁹ Кузнецов Р.А. О возможности участия КНР в восстановлении Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=62970#more-62970> (дата обращения 20 декабря 2019).

которых обещал адресовать Сирии³⁰. В 2019 г. Сирия впервые была приглашена на созванный Пекином второй саммит инициативы «Один пояс – один путь», где сирийская делегация подтвердила интерес Сирии к присоединению к данному проекту, реализация которого на ее территории может сыграть решающую роль для восстановления экономики в максимально короткие сроки, а в дальнейшем – принести и другие существенные результаты.

Таким образом, Китай последовательно разрабатывает новый маршрут выхода в Средиземноморский регион и далее в Западную Европу по т. н. «шиитской дуге» (Иран–Ирак–Сирия–Ливан).

Иран уже давно является крупнейшим экономическим партнером Китая, особенно в сфере энергетики. В 2011 г. в Тегеране был образован ирано-китайский нефтегазовый комитет, деятельность которого направлена на ускорение реализации совместных проектов и расширение сотрудничества между двумя странами. В 2016 г. в ходе официального визита в Тегеран председателя КНР Си Цзиньпина было подписано 17 соглашений, среди которых – Межправительственный меморандум о взаимопонимании в целях поощрения и установления морского «Шелкового пути XXI века» и экономического пояса «Иран–Китай» в рамках этого проекта.

В рамках этого нового маршрута Китай начал поэтапно инвестировать в расширение мощностей и модернизацию инфраструктуры ливанского порта в г. Триполи, для возрождения которого Китай планирует построить железную дорогу Триполи–Хомс для сокращения времени транспортировки грузов³¹. Таким образом, как считает отечественный исследователь Кузнецов Р.А., порт в Триполи, становящийся очередной штаб-квартирой китайской COSCO – одной из крупнейших судоходных компаний в мире, превращается в важный узел амбициозной глобальной китайской стратегии «Один пояс – один путь», в которой и Сирия может стать ключевым ближневосточным государством-участником³².

В этой связи китайские инвесторы уже выразили интерес в финансировании нового железнодорожного сообщения по линии Хомс (Сирия)–Триполи (Ливан), что в будущем обеспечит альтернативный (Суэцкому каналу) выход в Европу и доступ к сирийскому рынку и его рабочей силе.

При этом сама Сирия рассматривает региональные риски в широком стратегическом контексте и ищет новую парадигму вы-

---

³⁰ *Вартанян А.М.* Инвестиционные интересы Китая в Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=62325#more-62325> (дата обращения 20 декабря 2019).

³¹ *Кузнецов Р.А.* О возможности участия...

³² Там же.

страивания международных отношений не только в регионе, но и со странами Евразии в условиях появления сильных региональных игроков, прежде всего Турции и Ирана. Как отмечают отечественные экономисты, вхождение Сирии в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) могло бы стать важной основой для активизации экономического возрождения этой страны, т. к. на этой площадке «могут быть урегулированы вопросы сопряжения различных топливно-энергетических и транспортно-транзитных проектов, планируемых к реализации различными странами» [Агеев, Логинов и др. 2017, с. 17].

Таким образом, с учетом сложной геополитической конфигурации, сложившейся в данном регионе, России, видимо, придется, отталкиваясь от тактических военно-политических союзов, создавать аналогичные «подвижные» форматы экономического взаимодействия, применяя в условиях жесткой конкуренции за энергетическую и транспортно-логистическую систему Ближневосточного региона различные политические схемы и бизнес-модели, преследуя цель укрепления не только своих политических позиций, но и более эффективного продвижения своих бизнес-интересов на рынки данного региона. Очевидно, что необходима и выработка стратегии в отношении Китая и его расширяющегося влияния на Ближнем Востоке. Реализация этих целей должна идти в рамках «квазиинтегрированного» ближневосточного рынка и вписываться в складывающуюся нефтегазовую и логистическую трансграничную структуру.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142)

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation grant number 19-18-00142

Литература

Агеев А., Логинов Е. и др. 2017 – *Агеев А., Логинов Е. и др.* Восстановление экономики Сирии: формирование российского инфраструктурного ядра в ближневосточном узле мировых стратегических проектов // *Экономические стратегии*. 2017. № 1. С. 6–23.

- Ахмед Мохамед Абду Хасан 2018 – *Ахмед Мохамед Абду Хасан*. Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2018. № 2 (18). С. 342–355.
- Борталевич С.И., Логинов Е.Л., Шкута А.А. 2016 – *Борталевич С.И., Логинов Е.Л., Шкута А.А.* Проблемы и возможности развития экономики Сирии как партнера Евразийского экономического союза // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 12. С. 143–151.
- Силаев, Сушенцов 2017 – *Силаев Н., Сушенцов А.* Союзники России и геополитический фронт в Евразии // Валдайские записки. 2017 (апрель). № 66. С. 3–15.

References

- Ageev, A. and Loginov, E. (2017), “Restoring Syrian Economy. Formation of Russian Infrastructural Core in the Middle East Hub of the World Strategic Projects”, *Economic Strategies*, no. 1, pp. 6–23.
- Ahmed Mohamed Abdu Hassan (2018), “Energy dialog between Russia and Saudi Arabia in 2010-2017”, *Vestnik RUDN-University*, no. 2 (18), pp. 342–355.
- Bortalevich, S.I., Loginov, E.L. and Shcuta, A.A. (2016), “Developing the Economy of Syria as a Partner of the European Economic Union. Issues and Opportunities”, *National Interests. Priorities and Security*, no. 12, pp. 143–151.
- Silaev, N. and Sushentsov, A. (2017), “Russia’s Allies and the Geopolitical Frontier in Eurasia”, *Valdaiskie zapiski*, no. 66, pp. 3–15.

Информация об авторе

Марина А. Сапронова, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений МИД России (МГИМО-Университет), Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; m.sapronova@inno.mgimo.ru

Information about the author

Marina A. Sapronova, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119454; m.sapronova@inno.mgimo.ru

История России XIX–XX вв.

УДК 94(470)“1812”

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-76-88

5-летняя годовщина Отечественной войны 1812 года: практики коммеморации

Филипп И. Уланов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, philx93@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются коммеморативные практики 5-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года. Празднование этой годовщины фактически стало первым коммеморативным мероприятием, посвященным Отечественной войне 1812 г. На материалах публикаций в газетах и общественно-политических журналах, а также мемуарах современников автор рассматривает процесс формирования коллективной памяти: какие церемонии проводились, какие цели преследовало государство, какие нарративы исторической памяти существовали в прессе. Изучение исторической памяти и средств ее формирования, в том числе применительно и к юбилеям Отечественной войны 1812 г., стало крайне популярной темой исследований в современной отечественной историографии. Однако историки почти не заостряют внимания на пятилетней годовщине войны. Изучение этого события с точки зрения проблематики мемориальной истории позволит выявить не только появление нарративов исторической памяти, но и станет отправной точкой при дальнейшем изучении их эволюции и изменений. Исследование этой динамики является крайне важным, ведь с помощью использования памяти об Отечественной войне 1812 г. формируется национальная идентичность и самосознание населения России на протяжении последних двух столетий.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., коммеморативные практики, коллективная память

Для цитирования: Уланов Ф.И. 5-летняя годовщина Отечественной войны 1812 года: практики коммеморации // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 76–88.
DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-76-88

© Уланов Ф.И., 2020

“Political Science. History. International Relations” Series, 2020, no. 3 • ISSN 2073-6339

5th anniversary of the Patriotic war of 1812. Practices of commemoration

Philipp I. Ulanov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, philx93@yandex.ru*

Abstract. This article examines the commemoration practices in marking 5th anniversary of the Patriotic war of 1812. Those celebrations became actually the first commemorative event dedicated to that war. A historical analysis is based on the material of mass media and memoirs of contemporaries. The focal point of the article is the collective memory formation process: what ceremonies were carried out and what goals were pursued by the state, what were the narratives of historical memory that existed in the press. The study of historical memory and its formation means, and specifically with regard to the anniversaries of the Patriotic war of 1812, has become widely prevalent in modern Russian historiography. However, historians rarely focus their attention on the 5th jubilee of the war.

The study of that event from the point of view of the memorial history problematic will reveal not only the emerging of the narratives of historical memory, but also will be the starting point in the further study of their evolution and changes. The study of that dynamics is extremely important, because using the memory of the Patriotic war of 1812 has contributed to forming the national identity and self-consciousness of the Russian population over the past two centuries.

Keywords: the Patriotic war of 1812, practices of commemoration, collective memory

For citation: Ulanov, P.I. (2020) "5th anniversary of the Patriotic war of 1812. Practices of commemoration", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 76-88, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-76-88

Введение

Для послевоенной эпохи первой четверти XIX в. Отечественная война 1812 г. стала событием, затронувшим тем или иным образом и наложившим свой отпечаток на судьбы едва ли не каждого жителя Российской империи. Свежи были воспоминания очевидцев и участников этой кампании. Важно отметить, что конструирование коллективной памяти государством началось фактически сразу после завершения самой войны.

Юбилейные торжества являются основной площадкой для реализации коммеморативных практик, связанных с событиями Отечественной войны 1812 г. Одним из первых по-настоящему мас-

штабных памятных церемоний стала в 1817 г. пятилетняя годовщина войны.

Изучение этого события с точки зрения проблематики мемориальной истории, что является целью данной статьи, позволяет обнаружить не только появление нарративов исторической памяти, но и станет отправной точкой для дальнейшего изучения их эволюции и изменений. Исследование этой динамики является крайне важным, ведь с помощью использования памяти об Отечественной войне 1812 г. формируется национальная идентичность и самосознание населения России на протяжении последних двух столетий.

Важнейшими источниками по исследованию исторической политики и коммеморативных практик являются материалы периодической печати. Применительно к пятилетней годовщине использовались центральные московские и петербургские газеты и общественно-политические журналы, такие как «Московские ведомости», «Северная почта» (официальные правительственные газеты), консервативные проправительственные журналы «Русский вестник», «Исторический, статистический и географический журнал», «Военный журнал», умеренно-консервативный «Вестник Европы» и умеренно-либеральный «Дух журналов», вышедшие в 1817 г. Также использовалось опубликованное в 1818 г. историко-публицистическое сочинение журналиста П.И. Соколова «Историческое описание торжества, происходившего при заложении храма Христа Спасителя на Воробьевых горах при высочайшем присутствии. 1817 г. 12 октября»¹. Помимо этого, важную роль в качестве источников играют воспоминания историка А.М. Михайловского-Данилевского, опубликованные в «Русском вестнике» в конце XIX в.², и переписка Д.В. Давыдова и московского генерал-губернатора А.А. Закревского³.

В настоящее время все больше и больше исторических исследований проводятся в рамках направления «мемориальной истории». В этих работах на передний план выходят не сами события прошлого, а память о них, утвердившаяся в сознании общества и различных его слоев: сохранившиеся в ней события, способы

---

¹ Соколов П.И. Историческое описание торжества, происходившего при заложении храма Христа Спасителя на Воробьевых горах при высочайшем присутствии. 1817 г. 12 октября. Москва: В типографии Августа Семена, 1818. 49 с.

² Из воспоминаний А.М. Михайловского-Данилевского // Русский вестник. 1890. № 9. С. 155–161.

³ Сборник Императорского Российского исторического общества. Т. 73. Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского / Под ред. Н. Дубровина. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1890. 645 с.

трансформации памяти, ее социальная значимость. Историческая память рассматривается как объект активного формирования, конструирования и манипулирования.

Однако торжества 1817 г. фактически не становились предметом изучения с точки зрения этой методологической парадигмы. В том или ином виде исследователи освещали событийную историю торжественных мероприятий [Дмитриева, Иванова 2017; Война 1812 года 2012] или историю возведения монументов и памятников [Сокол 2001]. Отечественная война 1812 г. становилась объектом изучения историков с точки зрения влияния на журналистику [Васильева 1950; Афанасьев 1998] и мемуарную литературу [Тартаковский 1980] в эпоху правления Александра I, но эти работы не рассматривают публикации о войне 1812 г. через призму «мемориальной истории» и выбранной для настоящей статьи проблематики.

Церемониальные практики коммеморации в 1817 г.

12 октября (по юлианскому календарю) 1817 г. в Москве на Воробьевых горах состоялась торжественная церемония закладки Храма Христа Спасителя в память об окончании Отечественной войны 1812 г. и изгнании Наполеона Бонапарта из России. Сама дата мероприятия была выбрана не случайно: автор «Исторического описания...» сообщает, что именно ночью 12-го числа французские войска оставили Москву и пошли по Калужской дороге к селу Тарутино, и именно тогда же «начало свое восприяло спасение не только России, но и целой Европы, давно уже порабощенной железному скипетру Наполеона»⁴.

Началось масштабное мероприятие с торжественного проезда императорской семьи вдоль войск, выстроенных от самого Кремля до Воробьевых гор. На праздничной литургии, которая вскоре началась, присутствовали все высочайшие особы государства, придворные, высшие военные и гражданские чины⁵. Следующим этапом церемонии стал торжественный крестный ход и заложение первого камня в фундамент будущего храма лично императором.

---

⁴ Соколов П.И. Историческое описание торжества, происходившего при заложении храма Христа Спасителя на Воробьевых горах при высочайшем присутствии. 1817 г. 12 октября. М.: В типографии Августа Семёна, 1818. С. 3.

⁵ Там же. С. 12.

Мероприятие завершила речь архиепископа Августина⁶. Идея его речи заключалась в том, что Москва, сожженная неприятелем и восставшая из пепла, стала «искупительной жертвой своего Отечества Спасителю»⁷. Архиепископ упоминает, что «без Бога русским людям и другим народам невозможно было бы одолеть неприятеля»⁸. Таким образом, новый храм становится общей «жертвой благодарения Богу» народа и его государя.

Отдельно П. Соколов освещает масштаб участия зрителей в этом праздновании: по его словам, их количество насчитывало около 400 тысяч человек. Причем автор постарался запечатлеть эмоциональную реакцию и вовлеченность аудитории, описывая чувства растроганных зрителей, когда им довелось увидеть монарха, «с сокрушенным сердцем и чистою верою» поднимавшегося на гору для церемониальной закладки камня в фундамент»⁹. Ажиотаж возник после завершения церемонии, когда люди попытались приблизиться к месту закладки храма, чтобы своими глазами увидеть камни, заложенные Александром I и царской семьей.

Архитектурный проект храма в основе своей имел тройственную структуру здания, символизирующую Воплощение, Преображение и Воскресение Господа, что очень совпадало с представлениями Александра I о просвещенной, объединенной и христианской Европой [Крючкова 2011, с. 18].

Церемония закладки храма Христа Спасителя нашла свое отражение и в официальной периодике. «Московские ведомости»¹⁰ опубликовали статью, описывающую торжественную церемонию закладки храма, который несет в себе идею увековечения бессмертного подвига, веры предков и доблести народа и который станет памятником служению Богу. Петербургская газета «Северная почта» опубликовала полный текст речи архиепископа на церемонии¹¹.

Другими публикациями консервативного направления, посвященными церемонии, стал цикл статей под названием «Отрывки из походных записок русского офицера». Автор И.И. Лажечников описывает преимущественно нравы, быт и опыт общения с жителями тех стран, где ему удалось побывать во время заграничных походов 1813–1814 гг. Но в одном из выпусков он говорит о необхо-

⁶ Соколов П.И. Историческое описание торжества... С. 36.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Там же. С. 25.

¹⁰ Двенадцатый день сего месяца // Московские ведомости. 1817. 17 окт. С. 1.

¹¹ Известия внутренние из Москвы // Северная почта или новая Санкт Петербургская газета. 1817. 22 окт. С. 2.

димости передать память об Отечественной войне 1812 г. будущим поколениям, причем при помощи монументального памятника, которым станет храм Христа Спасителя. Этот памятник должен действовать «на зоры и душу воина, вельможи, купца и селянина, чтобы все они умели понимать его величие и сближаться им со славою сей войны»¹².

В целом по своему характеру мероприятие представляло собой скорее эмоциональную фиксацию восприятия событий Отечественной войны 1812 г., нежели попытку транслировать конкретный нарратив исторической памяти.

Для большего понимания картины коммеморативной политики Александра I стоит обратиться к воспоминаниям флигель-адъютанта и историка А.И. Михайловского-Данилевского. Он свидетельствовал о том, что император не любил говорить о войне 1812 г. и редко вспоминал о ней. Более того, Михайловский-Данилевский писал и об откровенном пренебрежении Александра I своими обязанностями присутствия при проведении каких-либо памятных мероприятий, посвященных Отечественной войне, – например, императора не было на молебне в память о погибших на Бородинском поле в августе 1816 г. (император предпочел бал графини Орловой-Чесменской)¹³.

Такое поведение Александра I можно связать с тем, что 1812 год не принес ему ожидаемые лавры и, более того, стал неудачным лично для его репутации: ограничения власти в чрезвычайных военных условиях, падение авторитета, критика в его адрес в разных слоях общества, критика, разделяемая и членами царской семьи. По этим причинам Александр I пытался приуменьшить значение Отечественной войны 1812 г. Так, в ноябре 1816 г. император поручил французскому военному теоретику А. Жомини, перешедшему на русскую службу, создать историю войн 1812–1815 гг. на французском языке и сделать акцент именно на европейских походах российской армии, на фоне которых Отечественная война 1812 г. теряла свой самостоятельный характер. К слову, этот труд так и не был написан [Тартаковский 1980, с. 184].

Однако на волне патриотических настроений в обществе все же было проведено несколько церемоний, одна из которых – упомянутое выше заложение храма Христа Спасителя. Кроме этого, в 1817 г. был построен и торжественно открыт московский Манеж [Сокол 2001, с. 130]. В 1818 г. император издал рескрипт об уста-

---

¹² Лажечников И. Отрывки из походных записок русского офицера // Вестник Европы. 1817. № 9. С. 66–71.

¹³ Из воспоминаний А.М. Михайловского-Данилевского... С. 159.

новке памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю-де-Толли. Еще год спустя английский художник Джоржд Доу приступил к созданию Военной галереи в Зимнем дворце. Постройка храма, создание галереи и установка памятников были завершены уже после смерти Александра I.

Важным, хоть и выходящим хронологически за рамки 1817 г., будет упомянуть появление самого определения «Отечественная» в названии войны. Впервые такое название кампания 1812 г. получила в книге Д.И. Ашхарумова «Историческое описание войны 1812 г.», которая получила цензурное разрешение в 1813 г. и вышла по распоряжению самого императора [Война 1812 года 2012, с. 150]. Здесь мы видим, что официальная кодификация понятия, с одной стороны, была заложена государством, с другой стороны, дальнейшее распространение этого термина вскоре прекратилось, так как Александр I не стремился поддерживать память о войне. Даже несмотря на то что некоторые публицисты использовали термин «Отечественная война 1812 г.» для утверждения этого понятия в русской общественной жизни требовались масштабные общегосударственные акции.

Тенденция принижения роли войны 1812 г. распространялась среди высших правительственных и военных кругов Российской империи. В 1820-е гг. интерес государства к мемориализации этой темы стал постепенно утрачиваться, о чем упоминали современники А.М. Михайловский-Данилевский и Д.В. Давыдов¹⁴. Причинами этому явились напряженная политическая обстановка 1820-х гг.: восстание Семеновского полка, что воспринималось правящей элитой как следствие пагубного влияния свободомыслия, заразившего армию во время Заграничных походов; итальянские восстания 1820–1821 гг.; желание Российской империи сблизиться со ставшей вновь Бурбоновской Францией.

Можно выделить и существование частной инициативы в увековечивании памяти Отечественной войны 1812 г. Ярким примером тому служит история создания церкви Спаса Нерукотворного на Бородинском поле: вдова генерала А.А. Тучкова Маргарита Михайловна в память о погибшем супруге решила возвести небольшую часовню или церковь на месте его гибели. Вскоре после ходатайства в 1817 г. императору на разрешение строительства М.М. Тучкова получила крупную субсидию от государства, что значительно ускорило осуществление ее плана, и в 1820 г. церковь была достроена и освящена [Сокол 2001, с. 142].

---

¹⁴ Из воспоминаний А.М. Михайловского-Данилевского... С. 158; Сборник Императорского Российского исторического общества... С. 556.

*Конструирование нарратива исторической памяти
Отечественной войны 1812 г.
в периодической печати 1817 г.*

В российской периодической печати 1817 г. тема Отечественной войны 1812 г. была одной из наиболее популярных и востребованных: журналисты и писатели рассматривали это событие со всевозможных сторон, размышляли о нем. Также публиковались мемуары участников войны, описания боевых действий и т. д.

Общественно-политические журналы печатали развернутые материалы о роли Александра I в войне 1812 г. Так, например, в «Русском вестнике», в тематических статьях присутствует идея о том, что Александр I своим личным примером благочестия, веры и мужества воодушевил народ России на то, чтобы подняться на борьбу с Наполеоном¹⁵, и даже «земледельцы оставили плуг», «дворяне спешили под священные знамена»¹⁶ и «мирные поселяне превратились в воинов и присовокупились к полкам, блиставшим мужеством и опытом»¹⁷.

Подробнее об этом писалось в «Вестнике Европы» в статье А.М. Михайловского-Данилевского под названием «Два отрывка из истории 1812 года»¹⁸. Статья посвящена значению отступления российской армии после Бородинского сражения и сдачи Москвы, взаимодействию регулярных частей российской армии, ополчения, партизанских отрядов и крестьянского сопротивления. Первая часть подробно описывает не только отступление войск, но и затрагивает стратегическую важность этого маневра для судьбы армии и самой России. Автор пишет, что сдача Москвы позволила отвести российские войска и занять выгодную позицию для перегруппировки войск. Даже если бы Кутузову удалось отстоять Москву, то сохранить армию боеспособной после урона Бородинской битвы, по мнению автора, было бы невозможно, поскольку она «слабела бы с каждым шагом, ибо удалялась бы от наших запасных войск»¹⁹. Более того, любые крупные столкновения с противником привели бы к большим потерям среди мирного населения и ущер-

---

¹⁵ Письмо к другу по случаю заложения в Москве храма во имя Христа Спасителя // Русский вестник. 1817. № 21. С. 5–11.

¹⁶ Заложение храма во имя Христа Спасителя и воспоминания об изгнании врага из России // Русский вестник. 1817. № 19. С. 5–11.

¹⁷ О новых строениях в Москве // Русский вестник. 1817. № 17. С. 20–27.

¹⁸ Два отрывка из истории 1812 года // Вестник Европы. 1817. № 22. С. 129–146.

¹⁹ Там же. С. 133.

бу для страны. Повествуя во второй части статьи о переустройстве русских войск, Михайловский-Данилевский упоминает о высоком уровне согласованности действий партизанских отрядов, выполнявших разведку и диверсионные операции вместе с крестьянскими ополчениями. Историк называет причины такой высокой вовлеченности всех сословий, и в частности крестьян, в борьбу с противником: это происходило «по внутреннему побуждению сердца в уверенности на могущество России и с презрением к противнику»²⁰. Запертые в Москве французские войска, отрезанные от снабжения и не получающие новых донесений, слабели и становились все более деморализованными.

В публицистических материалах часто упоминается, что именно Россия стала освободительницей и спасительницей Европы²¹ и по истечении нескольких лет после войны продолжала оказывать активную продовольственную помощь жителям Франции, что, в свою очередь, помогло снизить общественную напряженность в стране²². Свое развернутое воплощение эта идея находит в статьях консервативного «Исторического, статистического и географического журнала»²³. В них подробно описывается, почему среди всех европейских держав той эпохи именно Российская империя стала главным гарантом мира: это и географические размеры России, которая граничит со многими странами, и ее военная мощь, и фигура Александра I, который объединил европейских монархов, создав Священный союз.

Отдельного упоминания заслуживает использование в публикациях выражений «трехлетняя война»²⁴ или «три достопамятных года»²⁵, которые подразумевают собой войны 1812–1814 гг. и представляют их одной неразрывной военной кампанией, что напрямую коррелирует с попытками Александра I изобразить эти события единой войной. Но именно война 1812 г. признается тем периодом, который показал несостоятельность правления Наполеона и

---

²⁰ Два отрывка... С. 140.

²¹ Письмо к другу по случаю заложения в Москве храма во имя Христа Спасителя...; О новых строениях в Москве // Русский вестник. 1817. № 17. С. 20–27.

²² Продолжение нравственного обозрения областей Европейских // Русский вестник. 1817. № 14. С. 34–37.

²³ О причинах по каким Европа надеяться может прочного мира // Исторический, статистический и географический журнал. 1817. № 3. С. 169–181; Россия // Там же. С. 208–212.

²⁴ Обозрение первой книжки Военного журнала // Русский вестник. 1817. № 9. С. 91–98.

²⁵ Воспоминания о трех достопамятных годах // Там же. № 8. С. 113–119.

продемонстрировал его властолюбие, в конце концов погубившее Бонапарта, как правителя²⁶. Множество статей посвящено описаниям подвигов духовенства²⁷ и российских офицеров²⁸, а также владению военным искусством М.И. Кутузовым и умышленному отступлению армии, вследствие которого французская армия попала в стратегическую ловушку²⁹.

Сама личность французского императора была необычайно интересна для публицистов. В частности, ими предпринимаются попытки изучения образа мыслей Наполеона, используя рукописные комментарии, сделанные лично им на страницах собственного издания Макиавелли «Государь»³⁰. В более либеральных изданиях выходят публикации, посвященные вопросу, был ли Наполеон великим человеком и деятелем³¹. Что любопытно, автор этой статьи приходит к выводу, что боеспособная французская армия и политический курс Наполеона были унаследованы императором от своих предшественников – якобинцев. Явными заслугами самого Наполеона, по утверждению автора, являлось его умение найти и расположить к себе нужных людей, определив кандидатов на ключевые посты в государстве. Такая черта характера Бонапарта, как высокомерие, стала «источником тех бесчисленных злодейств, коими он заслужил проклятие света»³². Другие статьи, посвященные теме войны 1812 г., содержат в себе почести М.И. Кутузову, «спасителю России»³³, и императору Александру I, «спасителю Европы»³⁴.

«Военный журнал», издававшийся Обществом военных людей при штабе Гвардейского корпуса, в 1817 г. опубликовал целую серию статей под общим названием «Обозрение разных обстоятельств Отечественной войны (1812 г.) и Заграничных (1813 и 1814 гг.) походов». Следует отметить, что описания этих событий

---

²⁶ Мысли при чтении краткого начертания Военного журнала // Русский вестник. № 5. С. 57–73.

²⁷ *Шукин. А.* Подвиг священника села Новоспасского // Там же. № 23. С. 11–15.

²⁸ Мысли при чтении книжки // Там же. № 10. С. 107–117.

²⁹ Мысли при чтении краткого начертания Военного журнала...

³⁰ Князь или владелец, сочинение Макиавелли с замечаниями Наполеона Бонапарта // Русский вестник. 1817. № 1. С. 67–88.

³¹ Подлинно ли Бонапарт был великим человеком? // Дух журналов. 1817. № 40. С. 171–186.

³² Там же. С. 185.

³³ Генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Михайлу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому // Дух журналов. 1817. № 7. С. 317–322.

³⁴ Воспоминание о вступлении российских войск в Париж // Там же. № 12. С. 567–568.

начинаются с декабря 1812 г. и не затрагивают, например, таких этапов войны, как Бородинское сражение и т. д.

Помимо подробнейших описаний боевых действий, маневров армий и результатов сражений, дается историческое сравнение французской агрессии 1812 г. с Греческим походом персидского царя Ксеркса 480 г. до н. э. и Итальянским походом Ганнибала 218 г. до н. э., на примере которых демонстрируются стратегические ошибки Наполеона: ввод войск в оставленную жителями и армией Москву, которая впоследствии стала для него ловушкой. Тут автор данной статьи допускает, что Наполеон мог бы разгадать, чем закончится для французов эта операция. Что касается всего ведения войны 1812 г., здесь Наполеон ошибочно делает ставку, в первую очередь, на количество войск, а не на их военное мастерство³⁵. Также автор упоминает, что своим нынешним могуществом, позволившим победить французов, Россия обязана преобразованиям Петра I, который сделал страну великой державой³⁶.

Заключение

Послевоенная эпоха в истории Российской империи стала временем активного зарождения и формирования нарративов исторической памяти. Происходит увековечивание памяти о войне 1812 г. путем сооружения монументов и проведения массовых юбилейных мероприятий. В периодике можно увидеть формирование представлений о войне 1812 г., которые впоследствии станут устойчивыми элементами коммеморации на протяжении последующих двух столетий: это идеи об освобождении Европы Российской империей, особая невоенная роль Александра I в достижении победы и представление войны 1812 г. как войны народной, в которой участвовали все слои населения. Показателен тот факт, что консервативные проправительственные журналы, такие как «Русский вестник» и «Исторический, статистический и географический журнал», сосредоточивались на теме Заграничных походов 1813–1814 гг. и концепции спасения европейских стран, параллельно много освещая заслуги императора, в том числе и в мотивации населения в борьбе с французскими захватчиками, в то время как умеренно-консервативный журнал «Вестник Европы» концентрировался на участии народа в Отечественной войне 1812 г. и его заслугах и внутренних

---

³⁵ Сравнительные замечания на кампанию 1812 года // Военный журнал. 1817. № 4. С. 24–40.

³⁶ Там же. С. 38.

духовных мотивах для борьбы. Либеральная общественно-политическая пресса, представленная в 1817 г. «Духом журналов», в большей степени интересовалась «французской стороной», уделяя много внимания персоне Бонапарта, тем не менее разделяя идеи консерваторов о заслугах российского царя и М.И. Кутузова в войне 1812 г.

Государственные инициативы в мемориализации событий войны 1812 г. оказались активно восприняты обществом: участие народа в церемониальных мероприятиях или использование, хоть и ограниченное, определения войны в публицистике как отечественной, активнейшее обсуждение периода 1812 г. в публицистике. Это еще раз подчеркивает, что на период 1817 г. в определенной мере существовало совпадение интересов и запросов общества, по крайней мере образованной его части, с мемориальной политикой государства.

Литература

- Афанасьев 1998 – *Афанасьев Э.Л.* Осмысление Отечественной войны 1812 года в современной ей журналистике и литературе // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века / Отв. ред. В.Ю. Троицкий. М.: Наследие, 1998. С. 58–80.
- Васильева 1950 – *Васильева М.* Отечественная война 1812 г. на страницах русских журналов первой четверти XIX века (1802–1825 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1950. 15 с.
- Война 1812 года 2012 – Война 1812 года и концепт «отечество»: из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: Исследования и материалы / Под ред. М.В. Строганова. Тверь: СФК-Офис, 2012. 686 с.
- Дмитриева, Иванова 2017 – *Дмитриева О.О., Иванова Т.Н.* Складывание церемониальных практик празднования памятных дат Отечественной войны 1812 года в Российской империи // Вестник Екатеринбургского университета. 2017. № 1. С. 24–26.
- Крючкова 2011 – *Крючкова О.Н.* Семиотика храма в русском и английском общественном сознании на примере Храма Христа Спасителя в Москве и Собора Святого Павла в Лондоне: Автореф. дис. ... канд. культурологии. М.: МГУ, 2011. 18 с.
- Сокол 2001 – *Сокол К.Г.* Монументы империи. М.: Грантъ, 2001. 458 с.
- Тартаковский 1980 – *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980. 312 с.

References

- Afanas'ev, E.L. (1998) "Comprehension of the Patriotic war of 1812 in modern journalism and literature", *Otechestvennaya voina 1812 goda i russkaya literatura XIX veka* [Patriotic war of 1812 and Russian literature of the 19th century]. V.Yu. Troitskii (ed.), *Nasledie*, Moscow, Russia, pp. 58–80.

- Dmitrieva, O.O. and Ivanova, T.N. (2017), "Formation of ceremonial practices in celebrating memorable dates of the Patriotic war of 1812 in the Russian Empire", *Vestnik Ekaterininskogo universiteta*, no. 1, pp. 24-26.
- Kryuchkova, O.N. (2011) *Semiotics of the Church in the Russian and English public consciousness on the example of the Cathedral of Christ the Saviour in Moscow and St. Paul's Cathedral in London*, Abstract of Ph.D. dissertation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Sokol, K.G. (2001), *Monumenty imperii* [Monuments of the Empire], Grant, Moscow, Russia.
- Tartakovskii, A.G. (1980), *1812 god i russkaya memuaristika* [1812 and the Russian memoirs], Nauka, Moscow, USSR.
- Vasil'eva, M. (1950), *Patriotic war of 1812 on pages of the Russian magazines of the first quarter of the 19th century (1802–1825)*, Abstract of Ph.D. dissertation, A.I. Gertsen LGPI, Leningrad, USSR.
- Voina 1812 goda i kontsept "otechestvo": iz istorii osmysleniya gosudarstvennoi i nacional'noi identichnosti v Rossii: Issledovaniya I materialy* [The war of 1812 and the concept of "Fatherland". From the history of understanding the state and national identity in Russia. Research and materials], ed. by M.V. Stroganov, SFK-Office, Tver, Russia.

Информация об авторе

Филипп И. Уланов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

научный сотрудник Центрального музея вооруженных сил РФ, Москва, Россия; 129110, Россия, Москва, ул. Советской Армии, д. 2, стр. 1; philx93@yandex.ru

Information about author

Philipp I. Ulanov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;

research fellow, Central Armed Forces Museum, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 2, Sovetskoi Armii Street, Moscow, Russia, 129110; philx93@yandex.ru

Роль «белочехов» в создании имиджа Чехословацкого государства в новом идеологическом пространстве России

Мария Е. Горохова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, gorokhova.m@rggu.ru*

Аннотация. В Австро-Венгерской монархии многочисленные славянские народы, в их числе чехи и словаки, долгое время не имели политической автономии. Именно Первая мировая война дала им шанс на национальное освобождение.

Прага приобрела политическую известность не только как столица нового независимого государства, но и как центр притяжения для российской белой эмиграции еще раньше, чем Белград, Париж и другие известные города. Все началось, однако, не в этих европейских столицах, а в далекой Сибири.

Деятельность Чехословацкого корпуса в период Гражданской войны, с мая 1918 по март 1920 г., оказала огромное влияние на политическую и военную ситуацию в Советской России. Восстание белочехов затронуло более половины территории страны и целый ряд городов вдоль Транссибирской магистрали. Чехословацкий корпус воспринимали как первого посланца нового, неизвестного государства. Именно через него складывалось представление о «чехословаках» и Чехословакии. Корпус был призван стать «визитной карточкой» Первой республики. Следовательно, важно понять, какое мнение и почему формировалось у различных политических сил новой России о Чехословацком корпусе, как представителе молодого восточноевропейского государства и как это повлияло на установление союзнических отношений с ним в будущем.

Ключевые слова: Чехословацкий корпус, Первая республика Чехословакии, белочехи, Т.Г. Масарик

Для цитирования: Горохова М.Е. Роль «белочехов» в создании имиджа Чехословацкого государства в новом идеологическом пространстве России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 89–100. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-89-100

The role of the “Belochekhs (White Czechs)” in creating the image of the Czechoslovak state in the new ideological space of Russia

Mariya E. Gorokhova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, gorokhova.m@rggu.ru

Abstract. In the Austro-Hungarian monarchy, numerous Slavic peoples, including Czechs and Slovaks, for a long time possessed little to no political and even national-cultural autonomy. It was the First World War that gave them a chance for a national liberation.

Prague gained political fame not only as the capital of a new independent state, but also as a center of attraction for Russian “white” emigration even earlier than Belgrade, Paris and other famous cities. It all began, however, not in these European capitals, but in distant Siberia.

The activities of the Czechoslovak Legion during the Civil War from May 1918 to March 1920 had a huge impact on the political and military situation in Soviet Russia. The rebellion of the Belochekhs affected more than half of the country’s territory and a number of cities along the Trans-Siberian Railway. The Czech Legion was perceived as the first phenomenon of a new, unknown state. A representation of “Czechoslovaks” and Czechoslovakia was formed through the Legion. It was intended to become the face of the First Republic. Therefore, it is important to understand what opinion on the Czech Legion as a representative of a young Eastern European state various political forces of the new Russia formed and why, and how it influenced the establishment of allied relations with it in the future.

Keywords: Czech Legion, First Republic of Czechoslovakia, Belochekhs, T.G. Masaryk

For citation: Gorokhova, M.E. (2020), “The role of the ‘Belochekhs (White Czechs)’ in creating the image of the Czechoslovak state in the new ideological space of Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 89-100, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-89-100

Введение

В настоящей статье будут проанализированы сведения о ходе Гражданской войны и месте так называемого Чешского легиона, или Чешского корпуса, в ней, так как именно эти события были пусть невольной, но все же первой и важной встречей двух государств в весьма сильно изменившейся политической и военной реальности.

Задачей данной статьи является изучение формирования имиджа молодого Чехословацкого государства в идеологическом пространстве новой, советской России. При этом важно выяснить, как

формировалось отношение к Первой республике Чехословакии у представителей Советов и Белого движения, что на него повлияло больше – логика военных действий или идеологический контекст.

В советской исторической науке восстание Чехословацкого корпуса трактовалось как спланированное вооруженное антисоветское выступление, спровоцированное контрреволюционным офицерством и странами Антанты.

В западной, чешской, литературе, напротив, выдвигалось представление о самостоятельности Чехословацкого корпуса и о чрезвычайной судьбоносности его выступления. Чехи представлялись как «истинные демократы» [История Чехословакии 2001, с. 57], боровшиеся против «ужасных большевиков, угрожавших миру» [История Чехословакии 2001, с. 57].

Привлеченные источники позволили раскрыть малоисследованные страницы возникновения взаимоотношений новых государств, изменения представлений друг о друге у наших соседних славянских народов, выяснить, что именно повлияло на характер этих изменений.

Формирование Чехословацкого корпуса и его путь в России

В 1918 г. на политической карте мира образовалось два новых государства – Первая республика Чехословакия и Советская Россия. Чехословакии важно было найти союзника, который, как полагал Т.Г. Масарик, поможет обеспечить безопасность молодой страны. Чехословакия выбирала между двумя «гигантами» – Францией и Россией [Шкаренков 1987, с. 71]. Францию Т.Г. Масарик и правящая элита того времени опасались, так как боялись попасть в новую опалу и потерять ту независимость, к которой стремились долгие годы. Чешские земли несколько веков входили в состав «чужого» государства. И вот, когда чехи наконец добились независимости и создания собственной страны, нельзя было допустить ее утрату. Определенное значение при выборе для К. Крамаржа, Э. Бэнеша и Т.Г. Масарика имела идея воссоздания славянского «братства», которое облегчалось отсутствием взаимных территориальных претензий, и поэтому Советская Россия подходила на роль союзника-покровителя больше [Шкаренков 1987, с. 93]. Россия представлялась тоже как новая, молодая страна, что сближало ее с Первой республикой. Т.Г. Масарик понимал, что оба новых государства могут вместе начать путь политического становления [Савицкий 2002, с. 112].

При этом обе страны имели не так много сведений о происходивших внутри каждой изменениях, поэтому важно было «показать себя», зарекомендовать. И Чехословацкий корпус, который находился на территории России, со временем стал выгоден Т.Г. Масарику для демонстрации Первой республики Чехословакии [История Чехословакии 2001, с. 57].

Когда разразилась Первая мировая война, чешские земли входили в состав Австро-Венгрии и чешские солдаты вынуждены были сражаться с русскими, но симпатии большинства их были на стороне Антанты и, в частности, России. Многочисленные чехи, жившие в России в самом начале войны, создали чешскую дружину, вошедшую в состав русской армии, чехи же в австрийской армии довольно охотно сдавались русским или даже переходили на их сторону. Царское правительство долго не соглашалось дать разрешение на вступление в Дружину военнопленных, но в итоге разрешение было дано, и Дружина быстро разрослась до корпуса. При Временном правительстве чешские части уже насчитывали около 50 тыс. человек» [Шкаренков 1987, с. 23]. Т.Г. Масарику, который очень скептически относился к перспективам продолжения войны революционным правительством в России, удалось в январе 1918 г. добиться формального подчинения корпуса французскому командованию, а затем и согласия советского правительства на передислокацию корпуса во Францию через Владивосток. Бесконечные эшелоны корпуса двинулись из Украины в Сибирь.

Но 14 мая 1918 г. произошел мелкий инцидент в Челябинске, который, благодаря накопившимся со стороны и чехов, и большевиков взаимным подозрениям и подстрекательству многочисленных групп, заинтересованных в конфликте, в течение нескольких дней перерос в бой по всему тысячеверстному пути.

Советские войска еще не оформились, местные «революционные» отряды нередко были похожи на шайки бандитов, а некоторые таковыми, вероятно, и являлись. Не было у них и единого руководства. Чешские регулярные части, иногда в сотрудничестве с разными подпольными антибольшевистскими силами, в течение нескольких недель овладевали громадными пространствами. Во многих местах их восторженно приветствовало население

Чехи объявляли о невмешательстве во внутренние дела России и свои выступления объясняли вынужденной самообороной. Под их эгидой возникли русские автономные правительства: Комитет членов Учредительного собрания в Самаре (в просторечии Комуч) был составлен почти из одних эсеров, в Омске возродилось Сибирское областное правительство, в котором также преобладали эсеры, но, как обнаружилось очень скоро, склонявшиеся к политике пра-

вого толка. Б. Павлу, центральная фигура чешского политического руководства в Сибири, сказал, что они интерпретируют сокращение «с.-р.» (эсер) как «старый режим», и был весьма близок к истине¹. Вскоре произошел конфликт между областным правительством и областной думой, оставшейся на левых позициях. Комуч враждовал с Омским Сибирским правительством. Возникло еще Уральское правительство, были правительства казачьих войск [Савицкий 2002, с. 151].

Стало казаться, что объединить антибольшевистские силы – задача куда более трудная, чем победить большевиков. Чехи попытались решить и ее, хотя по первоначальному замыслу Т.Г. Масарика, одобренному французами, корпус должен быть переправлен уже во Францию и во всяком случае – не вмешиваться в русские дела. Чехи все еще оставались единственной силой, объединяющей все пространство на восток от Волги до Тихого океана; российские же власти враждовали друг с другом и не были в состоянии или не хотели сменить чехов на фронте, растянувшемся теперь от Самары на север к Казани [Политическая история русской эмиграции 1999, с. 97]. Бои приобретали совершенно иной характер. Борьба с чехословаками была объявлена В.И. Лениным важнейшей задачей, и большевики принялись за формирование Восточного фронта всерьез [Политическая история русской эмиграции 1999, с. 99]. Вскоре там уже стояла боеспособная и более или менее дисциплинированная армия, превосходящая по численности чешские войска, части Народной армии Комуча и другие сотрудничающие с ними подразделения. Создать единое дружественное чехословакам русское антибольшевистское правительство стало для корпуса жизненно важной задачей.

Чехи сыграли очень важную, если не решающую роль в том, что после нескольких предварительных встреч представителей разных органов, партий и направлений удалось наконец собрать довольно представительное Уфимское государственное совещание, которое избрало Директорию – первое общерусское антибольшевистское правительство. Его состав был правосоциалистическим, а обвинили в этом именно чехов². В действительности он вряд ли мог быть существенно иным, так как правых как организованной политиче-

¹ Письма В.М. Вершинина о деятельности в Праге // ГАРФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 85.

² Положение о чешско-русском белоэмигрантском кредитном учреждении «Социетас». Проект устава посреднической камеры примирения при Объединении русских белоэмигрантских организаций в ЧСР. Положение о постоянном третейском суде при Объединении русских белоэмигрантских организаций ЧСР. Копии // ГАРФ. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 5.

ской силы еще не было. Под давлением союзников, которые объявили после Февральской революции, что Антанты борется за демократию, против реакционных монархических режимов, монархисты не могли выступать открыто, так как антибольшевистские силы в значительной мере зависели от союзных поставок вооружения, не говоря уже о том, что в перспективе им обещали войска.

Надо сказать, что в это время все легальные политические партии и движения пользовались некоей усредненной демократической терминологией, так что трудно было определить, что за ней скрывается. Никто не решался выдвинуть лозунг «За Веру, Царя и Отечество!», хотя сторонников этого лозунга становилось все больше. Эта мимикрия правых облегчила победу подлинно левых, стремившихся «сохранить и углубить достижения Февральской революции» [Шкаренков 1987, с. 127]. Чехов начали обвинять, что они способствуют возрождению «керенщины».

Чехословаки – основная боевая сила Белого движения?

Но прошло около месяца, и эсеровская Директория была свергнута переворотом А.В. Колчака, которому покровительствовали англичане. В некоторых местах чехи попытались оказать поддержку отстраненному правительству, но вынуждены были отказаться от этого намерения под давлением французов, которым формально был подчинен Чехословацкий корпус, а они не намерены были ссориться с англичанами. Тем не менее отношения между чехами и А.В. Колчаком были с первой же минуты очень напряженными: не только чехи считали, что он покончил с дружественным им демократическим правительством и установил реакционную диктатуру, но и Колчак со своей стороны считал, что чешские генералы – «только поручики»³, каковыми они были в регулярной армии до революции. Коробило его и то, что большинство солдат Чехословацкого корпуса были из числа военнопленных, то есть людей, нарушивших присягу. А.В. Колчак был прежде всего военным и даже в Гражданскую войну отстаивал мнение, что «армия вне политики»⁴! Измена присяге ради политических идеалов – а, видимо, к ним он относил и чешский патриотизм – ему казалась преступлением. Ему претило иметь дело с военнопленными, повернувшими

---

³ Письма Богумина о деятельности в Берлине и Праге // ГАРФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 80.

⁴ Там же.

оружие против «своего» государя [Деникин 2005, с. 201]. Вероятно, Колчаку не было известно, что император Франц Иосиф не выполнил своего обещания и не удосужился короноваться короной чешских королей, впрочем, и это вряд ли изменило бы его отношение к союзникам из числа военнопленных.

Также хотелось бы отметить, что чехи и словаки в то время воспринимались как низшие слои бывшей Австро-Венгрии, то есть если бы перед Колчаком находился австрийский или немецкий генерал, то и отношение «белого руководителя» было бы иным.

В это время трансформируется обращение простых людей к зарубежным военным: вместо уважительного «чехо-словаки» стали переиначивать в «чехо-собаки»⁵ [Культурное и научное наследие 2016, с. 115].

Таким образом, отношение к Чехословацкому корпусу ухудшалось и проецировалось на весь народ: раз его представители таковы, то и все будущее государство нельзя считать благонадежным [Деникин 2005, с. 95].

Переворот А.В. Колчака завершил первый этап действий Чехословацкого корпуса в Гражданской войне в России. Он не только очистил Сибирь от большевиков, но под давлением своих русских союзников занял и Казань, где захватил эвакуированный туда российский золотой запас, который передал в целостности и сохранности русским антибольшевистским властям. Одновременно он создал первый сплошной фронт Гражданской войны.

Но для поддержания этого фронта чешских сил не хватало, а русские подразделения прибывали медленно и «были сколочены наспех», в большинстве случаев их качество было невысоким⁶.

В период с 23 сентября 1918 г. до января 1919 г. произошел ряд событий, которые резко изменили положение корпуса в Сибири, а затем и оценку корпуса в глазах антибольшевистских сил.

23 сентября 1918 г. в Уфе было создано «всероссийское» антибольшевистское правительство, демократическое и дружественное чехословакам. Но положение на фронте от этого не изменилось. Чехи оставались основной боевой силой. 25 октября 1918 г. произошел первый серьезный случай отказа чешской части выступить на позиции; ее начальник, полковник Швец, застрелился. 30 октября 1918 г. чехи из московского радио узнали, что возникла свободная Чехословацкая Республика. Цель корпуса была достигнута.

---

⁵ Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой Республике: Документы и материалы. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 115.

⁶ Русское время = *Le Temps Russe* / Под ред. Б. Суворина, А. Филиппова. 1925. 10 июня – 1929, 6 янв. – Париж, 1925–1929, 17.10.1925. № 109. С. 2.

11 ноября 1918 г. в Компьенском лесу были подписаны условия перемирия, Великая война кончилась. 18 ноября 1918 г. в Омске произошел переворот, сторонники чехов были арестованы, некоторые убиты. Верховным правителем, обладавшим диктаторскими полномочиями, стал адмирал А.В. Колчак. Корпус опротестовал это решение, бойцы потребовали ухода с фронта и возвращения на родину. Но министр обороны новой Чехословацкой Республики М.Р. Штефаник и, главное, командующий союзными силами Сибири французский генерал М. Жанен убеждали, что уходить с фронта нельзя, «чтобы не растратить капитал благодарности, который накопили чехословаки у союзников»⁷. Только в январе 1919 г. чешские части начали планомерно сменяться русскими и чехи были отведены в тыл. Им была поручена охрана железнодорожного пути – единственной артерии, питающей фронт.

Одновременно это должен был быть отдых. Но он получился чрезвычайно своеобразным. Правительство А.В. Колчака быстро потеряло популярность, и вырос авторитет большевиков и левых эсеров. Началось партизанское движение, участились налеты на железную дорогу. Они, конечно, не были боями на фронте. Хотя события отличались значительно меньшим количеством жертв, постоянная опасность заставляла быть непрерывно начеку. Росло нервное напряжение. В войсках закрадывалось, и не без основания, впечатление, что они воюют с русским народом, защищая ту власть, которую сам народ отверг, к тому же относящуюся к ним враждебно. В одной из газет корпуса появилась характерная карикатура – чешский солдат стоит на часах у костра. С одной стороны, он обсыпан снегом, с другой – на нем красные отблески огня. Из леса смотрит партизан и говорит: он белый, от железнодорожного пути смотрит белый офицер и говорит: он красный⁸!

Отношения с Колчаком становились все хуже. Верховный Правитель не доверял «братьям» (таково было официальное обращение в корпусе, но для кадровых офицеров обращение солдата к генералу «брат генерал!» звучало не лучше, чем «товарищ генерал!»)⁹. Его министры, исходя из обстановки, то требовали возвращения корпуса на фронт, то грозили его разоружить и интернировать. Партизаны же их считали наемниками А.В. Колчака.

---

⁷ Русское время... С. 2–3.

⁸ Отчеты о деятельности представительства белоэмигрантского Российского общества Красного Креста в Чехословакии // ГАРФ. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 2.

⁹ Доклад правления «Общества» годичному общему собранию о работе правления // ГАРФ. Ф. 5880. Оп. 1. Д. 3.

К описанным выше обстоятельствам прибавилось то, что чехи начали разворачивать успешную экономическую деятельность, а попросту заниматься спекуляцией. Ведь чешские части были обеспечены гораздо лучше, чем русские. Это начало уже тревожить простых людей, год назад восторженно встречавших чехов. Складывается мнение, что чехи наживаются, а русские воюют. Наконец, чехов обвинили в том, что они спровоцировали население выступить против большевиков. Генерал М. Жанен описал эти переживания так: «Не будь их, говорят, мы бы смирились с положением и не начали борьбу, не будучи уверенными в успехе» [Филатьев 1985, с. 66–67].

Восстание Чехословацкого корпуса и смена «белых» на «красных»

Но подлинная катастрофа началась 14 ноября 1919 г., когда большевики взяли Омск. Заблаговременная эвакуация не была осуществлена из-за опасения, что это вызовет панику и даже будет означать уничтожение Белого движения. В этой ситуации политическое руководство корпуса открыто выступило с развернутой критикой правительства Колчака и заявило, что далее не намерено защищать Белое дело. А.В. Колчак, в свою очередь, охарактеризовал корпус и его поведение весьма недипломатически [Филатьев 1985, с. 147].

В последовавшие дни выяснилось, что до последней минуты откладываемая эвакуация проходила в ужасных условиях. Недоставало даже неотапливаемых теплушек для эвакуации гражданских лиц, и, главное, составы двигались чрезвычайно медленно, потому что вся дорога была загружена. А.В. Колчак обвинил в этом чехов, которые задерживали движение из-за массы товарных составов, сопровождающих войсковым, и, перейдя от слов к делу, приказал атаману Г.М. Семенову остановить эти «орды» даже ценой того, что он взорвет туннели на байкальском участке пути.

И после всего этого генерал М. Жанен потребовал, чтобы Колчак обеспечил охрану союзников, т. е. чехословаков, так как прочие союзники давно скрылись или держались далеко в Забайкалье. В итоге произошедшего конфликта А.В. Колчак был взят чехами под стражу.

В это время в Иркутске был произведен переворот, и власть захватило Политическое совещание, составленное из представителей небольшевистских левых. Этому совещанию и выдали чехи Колчака. Совещание вело переговоры с большевиками, стремясь создать буферное государство. Но попытка эта была весьма иллюзорна.

7 февраля 1920 г. А.В. Колчак был расстрелян.

Корпус, который в мае–сентябре 1915 г. встречали как освободителя, теперь считался шайкой предателей. То, что чехи год охраняли магистраль от постоянных нападений и обеспечивали ее функционирование, считалось чем-то само собой разумеющимся. Смерть А.В. Колчака условно можно считать отправной точкой окончания взаимоотношений Чехословацкого корпуса с Белым движением.

Позднее состоялось соглашение между корпусом и советским правительством о передаче большевикам сохранившихся остатков золотого запаса. Часть его при передаче была похищена. В этом снова обвинили чехов, хотя те отрицали свою причастность, утверждая, что во время похищения охрану несли красноармейцы. Это обвинение наложилось на существующие, и чехи в глазах многих в Сибири стали не только предателями, но и грабителями.

Те полгода, когда чехи были основной силой, боровшейся с большевиками, было антибольшевистскими силами забыто, зато о них помнили большевики. То, что на службу к А.В. Колчаку корпус поступил не по своей воле и отношение к нему правительства было все время настороженным, а то и враждебным, не принималось ими во внимание. Итак, «капитал благодарности», приобретенный у русской антибольшевистской общественности в Сибири, был полностью исчерпан. Современник удивлялся в середине тридцатых годов:

Теперь, через 14 лет после минувших событий, трудно себе представить, как одни и те же люди на протяжении всего нескольких месяцев могли подняться до величайшего героизма и затем без всякой нужды упасть до величайшей низости предательства и грабежей. А вот это-то и случилось с чехами [Слоним 1972, с. 273].

Допускаю, что это превращение вполне объяснимо всем ходом событий, в которых с конца 1918 г. чехи вынуждены были принимать участие против своей воли. В данной статье проанализированы ключевые моменты, которые определили новое отношение чешского корпуса к Гражданской войне в России и, в частности, к роли в ней правительства А.В. Колчака.

В обществе большевиков Чехословацкий корпус получил больше положительную оценку, чем в Белом движении. Большевики видели, что через корпус их поддержало новое государство Первая республика Чехословакия, и, таким образом, оба государства нашли себе союзника, в котором так отчаянно нуждались. В дальнейшем положительный имидж Чехословацкого государства скажется на тесных взаимоотношениях Первой республики и Советской России.

Заключение

По итогам Первой мировой войны на границах России появилось много новых независимых славянских государств, в их числе Чехословакия. На месте Российской империи возникло Советское государство. Прежние взаимоотношения, ориентирующиеся на этническое родство, для коммунистической России, провозгласившей принцип интернационализма, были невозможны. Между тем в союзниках были заинтересованы обе стороны.

Проанализированные источники убедительно доказывают, что Чехословацкий корпус, действовавший в период Гражданской войны на территории России, сыграл важнейшую роль в складывании представлений двух изменившихся государств друг о друге.

Так, для политической верхушки Чехословакии участие в судьбе оставшихся в воюющей России своих граждан помогло составить представление о произошедших в стране социальных переменах и определиться с выбором тех политических сил, которые казались более предпочтительными для сотрудничества. Эта задача была общей для всех политических направлений Первой республики, однако пути к достижению этой цели формировались различные. Изначально была принята позиция поддерживать Белое движение и добиваться интервенции, однако вскоре после окончания Гражданской войны было решено ориентироваться на «третью силу» – правых социалистов, которые могли бы, при соответственной поддержке Запада, добиться соглашения с большевиками в создании коалиционного правительства.

Разрозненные политические силы новой России в период Гражданской войны были более всего озабочены достижением собственных целей, а их отношение к Чехословацкому корпусу, как видно из проведенного исследования, менялось от положительного представления о возможном продуктивном сотрудничестве до резко негативного в основном под влиянием текущих военных событий.

Литература

Деникин 2005 – Деникин А. Путь русского офицера. СПб.: Питер, 2015. 224 с.

История Чехословакии 2001 – История Чехословакии / Под ред. Г. Санчука, П. Третьякова и др. СПб.: Питер, 2001. 390 с.

Политическая история русской эмиграции 1999 – Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А.Ф. Киселева; Сост. С.П. Константинов. М.: Гуманитарный центр, 1999. 317 с.

Савицкий 2002 – Савицкий И. Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага: IDEG PRAGUE, 2002. 157 с.

- Слоним 1972 – *Слоним М.* “Воля России” // Русская литература в эмиграции: Сб. статей. Питтсбург, 1972. С. 291–300.
- Филатьев 1985 – *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири: 1918–1922: Впечатления очевидца. Париж: YMCA Press, 1985. 197 с.
- Шкаренков 1987 – *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. 272 с.

References

- Denikin, A. (2015), *Put' russkogo ofitsera* [Way of the Russian officer], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Filat'ev, D.V. (1985), *Katastrofa Belogo dvizheniya v Sibiri: 1918–1922, Vпечатleniya ocheviditsa* [The disaster of white movement in Siberia. 1918–1922. Impressions of an eyewitness], YMCA Press, Paris, France.
- Kiselev, A.F. (ed.) (1999), *Politicheskaya istoriya russkoi emigratsii: 1920–1940: Dokumenty i materialy* [The political history of Russian emigration. 1920–1940. Documents and materials]; comp. S.P. Konstantinov, Gumanitarnyi tsentr, Moscow, Russia.
- Sanchuk, G. (ed.), Tret'yakov P., et al. (2001), *Istoriya Chekhoslovakii* [History of Czechoslovakia], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Savitskii, I. (2002), *Praga I zarubezhnaya Rossiya (ocherki po istorii russkoi emigratsii: 1918–1938)* [Prague and foreign Russia (essays on the history of Russian emigration 1918–1938)], IDEG PRAGUE, Prague.
- Shkarenkov, L.K. (1987), *Agoniya beloi emigratsii* [The Agony of White Emigration], Mysl', Moscow, Russia.
- Slonim, M. (1972), “The Will of Russia”, *Russkaya literatura v emigratsii: Sbornik statei* [Russian émigré literature, A collection of articles in Russian], Pittsburgh University, Pittsburgh, USA, pp. 291–300.

Информация об авторе

Мария Е. Горохова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gorokhova.m@rggu.ru

Information about the author

Mariya E. Gorokhova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; gorokhova.m@rggu.ru

Проблема кадрового обеспечения советского атомного проекта

Наталья В. Мельникова

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Россия, melnatvik@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрен процесс кадровой наполняемости советского атомного проекта на различных этапах его воплощения. Внимание сосредоточено на научном, научно-техническом, инженерном, среднетехническом и рабочем персонале исследовательских и промышленных «атомных» объектов. За рамки анализа выведены используемые на строительствах спецконтингент и военно-строительные подразделения, поскольку их привлечение строилось по иным принципам и должно изучаться отдельно. Исследование базируется на рассекреченных архивных материалах, опубликованных документах и мемуарах. Впервые в историографии показана динамика кадрового комплектования проекта от малоуспешных усилий заполучить нужных специалистов до массового пополнения высококвалифицированными кадрами. Установлено, что этот процесс (особенно на этапах становления проекта) протекал сложно и неоднозначно. Решение кадровой проблемы зависело от степени заинтересованности государства в реализации проекта и его статуса. Систематическое и масштабное пополнение проекта кадрами стало осуществимо только в связи с его активизацией в 1945 г. и появлением специальных (внеправительственных и межведомственных) органов управления. Вопреки бытующим в литературе представлениям о безграничных возможностях «атомной» мобилизации, показаны ее пределы как в случаях персонифицированных, так и коллективных наборов.

Ключевые слова: советский атомный проект, история, кадры, динамика

Для цитирования: *Мельникова Н.В.* Проблема кадрового обеспечения советского атомного проекта // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 101–111. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-101-111

The staffing issue of the Soviet atomic project

Natal'ya N. Mel'nikova

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia
melnatvik@mail.ru*

Abstract. The article describes the personnel filling of the Soviet atomic project at various stages of its implementation. The focus is on the scientists, technologists, engineers, technicians and workers of the research and industrial «atomic» objects. The special contingent and military builders used in construction have been taken out of the framework of the analysis: their involvement was based on other principles and should be studied separately. The study is based on declassified archival materials, published documents and memoirs. For the first time in historiography, the author shows the dynamics of the project's personnel recruitment – from unsuccessful efforts to catch some necessary specialists to the mass replenishment of highly qualified personnel. It is established that such a process (especially at the stages of the project formation) was difficult and ambiguous. The solution of the personnel issue depended on the degree of state interest in the project and its status. Systematic and large-scale personnel filling of the project became feasible only in connection with its activation in 1945 and the emergence of special (non-governmental and inter-ministerial) administrative bodies. Contrary to the opinions prevailing in the literature about the illimitable possibilities of “atomic” mobilization, its limits are shown both in cases of personified and collective recruitment.

Keywords: Soviet atomic project, history, manpower, dynamics

For citation: Mel'nikova, N.V. (2020), “The staffing issue of the Soviet atomic project”. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*. no. 3, pp. 101-111, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-101-111

Введение

Создание отечественного атомного оружия являлось важнейшей государственной задачей, стоявшей в ряду обеспечения безопасности и независимости страны. Эта задача была решена усилиями большого количества людей. В литературе можно столкнуться с представлениями о безграничных возможностях атомного проекта получить любые коллективы и/или отдельных специалистов¹ [Петросьянц 2000, с. 48; Полунин 2007, с. 183]. В отсутствие специальных исторических исследований, посвященных кадровым проблемам советского атомного проекта, назревает вопрос, действительно

---

¹ Игорь Васильевич Курчатov в воспоминаниях и документах / Ред.-сост. Ю.Н. Смирнов. М., 2004. С. 624.

ли настолько беспроblemным был процесс его кадрового комплектования? Опираясь на рассекреченные архивные документы и опубликованные исторические источники, данное исследование впервые в историографии обращается к проблеме динамики кадрового обеспечения советского атомного проекта и стремится выявить его пределы.

Первые шаги

Первый этап реализации атомного проекта условно можно назвать «этапом определения возможностей». Его начало отсчитывается от распоряжения Государственного Комитета Оборона «Об организации работ по урану» (28 сентября 1942 г.), а конец может быть определен серединой 1944 г., когда Л.П. Берия становится куратором проекта. На этом этапе принимаются первые кадровые решения, идет поиск руководителей, создаются первые рабочие группы. Отношение к проекту высшей государственной власти (прежде всего в лице И.В. Сталина) было скорее осторожным – как к мероприятию с негарантированным результатом. Ответственность за выполняемые работы переходила от заместителя председателя ГКО и Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотова к заместителю председателя СНК и наркому химической промышленности М.Г. Первухину и, наконец, заместителю председателя ГКО и председателю его Оперативного бюро Л.П. Берии. Научное руководство сначала было возложено на директора Ленинградского физико-технического института академика А.Ф. Иоффе. И.В. Курчатов, на тот момент доктор физико-математических наук, до февраля 1943 г. находился на позиции научного эксперта и воспринимал эту деятельность как временное поручение².

Главным «кадровым» событием описываемого этапа стало создание лаборатории атомного ядра под руководством И.В. Курчатова на базе Ленинградского физико-технического института, находившегося в эвакуации в г. Казани. Обращает на себя внимание тот факт, что в документах до весны 1943 г. эта структура фигурирует как группа, а не как лаборатория. Это можно интерпретировать как свидетельство недостаточного статуса данной кадровой единицы, «недотягивающей» до лаборатории требуемого масштаба. Ни по территориальному месторасположению (Казань, а не Москва), ни по техническому оснащению, ни по объему работ, ни по личному

---

² Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 1. Ч. 1. М., 1998. С. 280.

составу. Группа медленно пополнялась необходимым персоналом. Те, кого удавалось истребовать из армии, получали временные отсрочки. Так было, например, с одним из инициаторов возобновления во время войны работ по урану, Г.Н. Флеровым, первоначально освобожденным от службы только на полгода³.

С переходом в феврале 1943 г. научного руководства «проблемой по урану» к И.В. Курчатову его статусная позиция была укреплена званием академика АН СССР (не без применения административных рычагов⁴). Это не только повысило авторитет ученого, но и стало символом признания со стороны государства актуальности начатых работ.

Распоряжениями по Академии наук спецлаборатория создавалась как бы вновь – уже под именем Лаборатории № 2⁵. Она наделялась правами института АН СССР⁶ и переводилась из Казани в Москву, что обеспечивало не только лучшие условия работы (включая технические, режимные и бытовые), но и давало правительству возможность постоянного и непосредственного контроля за деятельностью ученых.

Главным адресатом кадровых вопросов на этом этапе был куратор проекта М.Г. Первухин. Основным средством отбора персонала – система личных знакомств и опыта прошлой совместной работы И.В. Курчатова и его подчиненных по Лаборатории № 2. Поэтому отбирались конкретные специалисты, а не обезличенные квалификационные «единицы». Причем И.В. Курчатову приходилось прибегать к помощи руководителя государственного уровня не только для того, чтобы подключить видных ученых, но и пополнить штаты инженерами и рабочими. Показательно, что на многие запросы заместителя председателя СНК приходили ответы «не представляется возможным», поскольку приведет к срыву или ослаблению какого-либо направления работ⁷. Это вынуждало М.Г. Первухина действовать через Государственный Комитет Обороны: подготовленные им проекты распоряжений ГКО, касающиеся «атомных» кадров, подписывал В.М. Молотов. Такие распоряжения были более масштабными и касались не одного-двух, а уже нескольких десятков специалистов. Но и они в военный период «срабатывали» не всегда. Например, Центральный аэрогидроди-

³ Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 530. Оп. 1 (1942–1945). Д. 4. Л. 98.

⁴ Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях... С. 274–295.

⁵ Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 1. С. 321, 382–383.

⁶ АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 20. Л. 139.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. р. 5446. Оп. 67. Д. 5. Л. 3–4, 22, 36–37, 40–42, 48, 55–56, 62–63.

намический институт не мог дожидаться перевода в лабораторию по созданию экспериментальной диффузной установки десяти квалифицированных рабочих в течение полугода. На эту проблему систематически обращали внимание вышестоящих инстанций А.И. Алиханов, И.К. Кикоин, И.В. Курчатов, М.Г. Первухин, и только «специальное письмо т. Молотова» решило проблему⁸.

На этом этапе реализации проекта многие работники привлекались от случая к случаю, работали по совместительству, по временным трудовым соглашениям и авторским договорам. Спорадический персонал и «точечные» просьбы о привлечении отдельных специалистов принципиально не решали кадровую проблему.

Поиск иных путей

С весны–лета 1944 г. атомный проект вступает в стадию интенсификации, которую следует связать с изменениями в кураторстве над проектом, перешедшее к Л.П. Берии. К этому моменту в его секретариате были собраны личные дела ученых, специалистов и оперативных работников, имеющих отношение к «проекту по урану»⁹. В этой связи уместно привести наблюдение Ч. Сноу, сказанное им, правда, в отношении И.В. Сталина, но ситуационно универсальное и показательное: «тому, на чьем столе собраны все эти личные дела, и принадлежит реальная власть»¹⁰. С этого же момента Л.П. Берия выступает адресатом (зачастую единственным) различных документов, связанных уже не только с разведанными, но и широко посвященными проекту и его кадровым аспектам.

Работы приобретают больший размах. Казалось, и кадровый состав его подразделений должен усилиться. По крайней мере, в планах значилось существенное пополнение «атомными» штатами. Например, на 1945 г. Лаборатория № 2 должна была прирасти по сравнению с 1944 г. более чем на 600 человек и составить 855 сотрудников¹¹. Однако на деле сохранились те же проблемы обеспе-

---

⁸ Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 1. С. 383, 408, 409, 414; Т. 1. Ч. 2. М., 2002. С. 16, 37, 51.

⁹ *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль: 1930–1950 годы. М., 1998. С. 297.

¹⁰ *Сноу Ч.П.* Сталин // Сталин в воспоминаниях современников и документах / Сост. М. Лобанов. М., 1995. С. 677.

¹¹ Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 2. С. 60, 290.

чения персоналом: документы свидетельствуют, что специалистов «не направили», «не набрали», «недополучили».

При острой нехватке готовых специалистов предпринимаются первые меры по подготовке (или, вернее, переподготовке) кадров. Прежде всего, в области геологии и геохимии – отраслей, которые должны были обеспечить научные эксперименты значительными объемами урана. Силами сотрудников Всесоюзного института минерального сырья, Радиевого института и Всесоюзного НИИ гидрогеологии и инженерной геологии были организованы консультационное бюро, лекции и курсы по поисковым и разведывательным работам по урану и радио, а также по методам радиометрических исследований. В Московском геологоразведочном институте началось обучение по специальности «Поиск и разведка месторождений радиоактивных элементов» (первый выпуск состоялся в 1944 г.)¹².

Параллельно подобные меры иницируются по физикам и радиохимикам. «Все нарастающие темпы развития проблемы, – писали И.В. Курчатова и М.Г. Первухин Л.П. Берии в июле 1944 г., – не обеспечены кадрами специалистов, и поэтому необходимо начать работу по широкой подготовке этих специалистов»¹³. Проблема была в том, что по сравнению с другими специальностями советской науки и техники ядерных физиков и радиохимиков готовилось значительно меньше¹⁴. Причиной тому было бытовавшее еще до войны отношение к этим дисциплинам на государственном уровне как наукам, «оторванным от жизни, не приносящим никакой пользы правительству»¹⁵. Ради атомного проекта такая позиция была пересмотрена. В феврале 1945 г. было принято одно из первых постановлений («О подготовке специалистов по физике атомного ядра»), положивших начало обучению молодых специалистов соответствующих специальностей¹⁶. Однако в условиях войны наладить полномасштабное обучение было довольно сложно. Частично выход был найден в переподготовке бывших выпускников и студентов физфака Московского госуниверситета, которые разыскивались по фронтам и возвращались на кафедру атомного ядра и радиоактивности.

---

¹² Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 2. С. 86–87.

¹³ Там же. С. 94.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 1632. Л. 244.

¹⁵ АРАН. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹⁶ Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 2. С. 223–225.

«Атомная» мобилизация

Подписанное И.В. Сталиным 20 августа 1945 г. постановление Государственного Комитета Оборона «О Специальном комитете при ГОКО» перевело атомный проект в стадию активной реализации¹⁷. Согласно этому документу у атомного проекта появлялись особенные (внеправительственные) органы руководства – Специальный комитет (во главе с Л.П. Берией) и Первое главное управление (под руководством наркома боеприпасов Б.Л. Ванникова). Подготовка кадровых вопросов закреплялась за ПГУ, огражденным от вмешательства в его деятельность каких бы то ни было организаций, учреждений и лиц. Укрепившись в статусе государственной «проблемы № 1», атомный проект перешел от единичных случаев рекрутирования к массовым наборам. Система личных и производственных связей, ранее бывшая основным средством отбора персонала, дополняется формализованными критериями анкет, целью которых был отбор лучших как с профессиональной стороны, так и со стороны благонадежности. Через полгода после создания ПГУ в нем числилось 17,5 тыс. человек¹⁸; после организации Министерства среднего машиностроения (1953 г.) – около 600 тыс. [Полунин 2007, с. 210].

Вопросы персонала (подбор, обсуждение и утверждение кандидатур) рассматривались коллегией ПГУ, Техническим (позже Научно-техническим) советом, принимались Спецкомитетом, решения которого оформлялись как распоряжения ГКО, затем – СНК/Совета министров СССР, а также ЦК. Знаковой чертой кадровой политики атомного проекта являлось кураторство над кадровыми вопросами «выходцев» из НКВД. Из них состоял отдел кадров ПГУ, генералы НКВД занимали должность заместителя начальника ПГУ по кадрам (до 1951 г.), а также должность уполномоченного СНК/Совета министров СССР (до 1953 г.). Проверка анкетных данных сосредоточилась в Министерстве государственной безопасности СССР.

В основе механизма кадрового комплектования лежал заказ «атомного» объекта. В случае персонифицированного рекрутирования – на конкретного специалиста, в случае массового – безлично и списочно. Укомплектовать в короткие сроки принципиально новую отрасль было возможно только за счет «внешних» кадровых источников, в ущерб действующим промышленным предприятиям. Главным инструментом, с помощью которого шел поиск, отбор и

¹⁷ Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 1. Саров, 1999. С. 11–14.

¹⁸ Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 2. Саров, 2000. С. 157.

перевод людей в систему ПГУ, были партийные органы (Центральный комитет, республиканские и областные комитеты партии). Их участие реализовывалось двумя основными путями. По первому комитеты партии получали списки с указанием от ЦК и/или Совета министров СССР, специалистов какой квалификации и в каком количестве они должны отобрать для Первого главного управления. При этом их информированность была столь ограниченной, что зачастую они затруднялись в том, куда конкретно направить отобранных, и адресовались за разъяснениями в ЦК¹⁹. По второму пути на места выезжали работники ЦК и представители «атомных» кадровых служб. «Атомные» кадровики имели право действовать только через первых секретарей. Те собирали директоров предприятий и давали им указание отдать тех, на кого укажет кадровик. Он объезжал нужные предприятия, где ему предоставлялось временное рабочее место, и отбирал необходимых специалистов. Составленные списки потенциальных претендентов использовались для комплектования различных «атомных» объектов.

Процесс отбора и перевода кадров в «атомное ведомство» сопровождался целым рядом проблем, среди которых можно назвать нехватку или отсутствие специалистов нужной квалификации (что задавалось высокими требованиями к претендентам), несоответствие отобранных режимным условиям, сопротивление кадровых «доноров» (предприятий, обкомов, министерств) и индивидуальное нежелание специалистов. На местах руководители скрывали лучшие кадры и предлагали «атомным» кадровикам того, от кого сами хотели избавиться, затягивали передачу в ПГУ намеченного количества специалистов или отправляли только часть из них. В других случаях кадровые «доноры» вступали в переписку, прося уменьшить число отторгаемых кадров или отменить такое решение совсем²⁰. В качестве примера можно привести случай Ленинградского горисполкома, который в ноябре 1946 г. распоряжением Совета министров СССР обязывался перевести на завод «Электросила» 500 квалифицированных рабочих с предприятий местной промышленности и промкооперации. Заместитель председателя исполкома Ленинградского горсовета М.В. Басов написал письмо на имя Л.П. Берии, прося пересмотреть распоряжение. Он объяснил свою просьбу тем, что рабочие ленинградской промышленно-

---

¹⁹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 833. Л. 248.

²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 818. Л. 6; Оп. 45. Д. 196. Л. 94–94об.; Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П.-288. Оп. 42. Д. 40. Л. 32.

сти и промкооперации представлены в основном швейниками, текстильщиками, обувщиками и т. п., в силу чего не смогут использоваться на заводе «Электросила» без переобучения. Кроме того, М.В. Басов ссылается на недавно принятое постановление Совмина «О развертывании кооперативной торговли», запрещающее советским организациям отвлекать рабочую силу с местных предприятий кооперации и промышленности. И наконец, предлагает набрать необходимое количество рабочих из числа неработающих и демобилизованных ленинградцев, обещая оказать содействие в их наборе через исполкомы районных советов города. Чтобы усилить свою позицию, Ленинградский горисполком обращается за поддержкой к председателю Совета министров РСФСР М.И. Родионову. Тот тоже направляет письмо Л.П. Берии с аналогичными доводами. В результате Л.П. Берия согласился с возможностью набрать требуемые 500 человек из неработающих с последующим их обучением непосредственно на предприятии²¹. Этот и другие подобные эпизоды свидетельствуют, что «атомный» Главк мог принять отказ в предоставлении работников. Но происходило это тогда, когда «донор» приводил весомые аргументы (общее состояние дел в области, министерстве, народном хозяйстве страны) и, главное, предлагал иное практическое решение задачи кадрового обеспечения.

На индивидуальном уровне также существовало сопротивление «атомному» рекрутированию. В качестве стратегий избегания можно назвать обращение к наличному начальству или в обком партии, использование «связей» и «блата», невыезд к назначенному месту работы, мнимая потеря путевки (назначения) на объект. Сопоставление воспоминаний и архивных материалов, передающих обстоятельства историй отказа от работы в проекте, дает основание утверждать, что такая возможность была. Она зависела от степени нужности претендента, его равноценной заменяемости и масштаба его сопротивления. Положительное и не имеющее репрессивных последствий решение отказов от «атомной» работы в пользу работника следовало после его официального обращения с жалобой непосредственно к первым лицам государства – И.В. Сталину, Л.П. Берии, Г.М. Маленкову²². При этом «принимающая сторона» была тем более готова учесть нежелание приглашаемого, чем менее он был заинтересован в предложении. Но следует подчеркнуть, что это касалось не рядовых сотрудников. Именно в их отношении наличие личной заинтересованности в

²¹ ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 202. Л. 8–10.

²² Там же. Д. 882. Л. 49–50, 113, 167, 197; Д. 1030. Л. 106–108.

будущей «атомной» работе было важным неформальным показателем, на который обращали внимание члены ПГУ и Спецкомитета при ознакомлении с характеристиками претендентов на руководящие должности²³.

Заключение

Таким образом, кадровое комплектование советского атомного проекта было довольно напряженным (особенно на этапе его становления). Проблема обеспечения персоналом решалась соответственно статусу проекта и степени заинтересованности высших государственных сил в его реализации. Был пройден путь от малоуспешных усилий заполучить нужных специалистов до массового пополнения высококвалифицированными кадрами. Последнее стало возможно только с переходом проекта в активную стадию и формированием специальных органов управления. При этом «атомная» мобилизация никогда не была произвольным, ничем не стесняемым процессом. Процедуры согласования сопровождали как персонифицированные, так и массовые наборы. Руководство проекта способно было учитывать при этом и экономические доводы кадровых «доноров», и персональную готовность претендентов занять «атомную» должность. Ограничения в кадровом пополнении проекта задавались самими резервами экономики страны [Артемов 2017]. Какими бы уникальными ни были органы управления атомным проектом, они были «встроены» в существующую систему и вынуждены с ней считаться.

Литература

- Артемов 2017 – *Артемов Е.Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 343 с.
- Петросьянц 2000 – Ядерная индустрия России / Гл. ред. А.М. Петросьянц. М.: Энергоатомиздат, 2000. 1040 с.
- Полунин 2007 – *Полунин В.В.* Органы управления атомной промышленностью СССР. 1945–1953 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 278 с.

References

- Artemov, E.T. (2017), *Atomnyi projekt v koordinatakh stalinskoi ekonomiki* [Atomic Project in the Stalinist Economy Coordinates], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.

- Petros'yants, A.M. (Ed.) (2000), *Yadernaya industriya Rossii* [Nuclear industry of Russia], Energoatomizdat, Moscow, Russia.
- Polunin, V.V. (2007), *Organy upravleniya atomnoi promyshlennostyu SSSR. 1945–1953 gg.* [Administrative organs of the atomic industry of the USSR. 1945–1953], Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья В. Мельникова, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия; 620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 6; melnatvik@mail.ru

Information about the author

Natal'ya N. Mel'nikova, Cand. of Sci. (History), Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia; bld. 6, S. Kovalevskaya Street, Ekaterinburg, Russia, 620990; melnatvik@mail.ru

Всеобщая история XIX–XXI вв.

УДК 316.344(72)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-112-122

Социальное сиротство в Мексике

Дарья А. Пятыгина (Хивинова)

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, hivinova.daria@ya.ru*

Аннотация. Статья посвящена феномену социального сиротства, регистрируемого в Мексике, и его значимости для страны. Социальное сиротство – явление, присущее странам, характеризующимся социальной и политической неустойчивостью, которая может быть обусловлена различными причинами. В работе раскрываются понятие социального сиротства в Мексике, специфика и масштаб проблемы, роль государства и международных организаций в области защиты прав детей, а также формы их сотрудничества в этом вопросе. Ставится вопрос о путях выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: Мексика, социальная политика государства, социальное сиротство, UNICEF

Для цитирования: Пятыгина Д.А. Социальное сиротство в Мексике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 112–122. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-112-122

The social orphanage in Mexico

Dar'ya A. Pyatygina (Khivinova)

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, hivinova.daria@ya.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of social orphanage registered in Mexico, its importance for the state. Social orphanage is a phenomenon, which is commonly found in countries characterized by social and political lack of stability caused by different reasons. In the paper the concept of social orphanage in Mexico is revealed, causes of the scale of the problem are given, the role of the country and international organizations in the children rights protection and their cooperation. The directions are questioned for getting out of the current situation.

Keywords: orphanage, social orphanage, Mexico

For citation: Pyatygina, D.A. (2020), “The social orphanage in Mexico”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 112–122, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-112-122

© Пятыгина (Хивинова) Д.А., 2020

“Political Science. History. International Relations” Series, 2020, no. 3 • ISSN 2073-6339

Хорошо известно, что уровень развития любой страны напрямую зависит от уровня образования и системы воспитания подрастающего поколения, представляющего будущих потенциальных акторов исторического процесса. Это закономерно и очевидно, поскольку будущим поколениям предстоит решать проблемы дальнейшего развития и управления страной. Поступательное развитие является жемчужиной устойчивости государства как системы. Тем самым успешность и благополучие государства напрямую обеспечивается целенаправленной политикой, уделяющей существенное внимание, помимо экономики, в равной степени культуре и образованию. В этом контексте феномен социального сиротства становится индикатором развития государства и особенно ярко проявляется в странах, характеризующихся социальной, экономической и политической нестабильностью, что, как правило, взаимосвязано. Что включает в себя определение «социальное сиротство»? Этот вопрос в последние годы занял особое место в научном пространстве.

Под социальным сиротством обычно понимаются «дети, имеющие родителей, но оставшиеся без их попечения»¹, т. е. это некое социальное явление, когда дети де-факто не могут получить должного внимания, заботы и воспитания со стороны родителей вследствие различных причин, среди которых: лишение родительских прав, безвестно отсутствующие родители, а также алкоголизм и внутрисемейные конфликты. Многими исследователями, такими как И.В. Борисова, З. Матейчик [Матейчик 1980], М.И. Лисина [Лисина 1997], было отмечено, что семья является одним из наиболее важных институтов воспитания и становления полноценной личности, чего, к сожалению, лишаются социальные сироты. При этом в отличие от «обычных» сирот у этой категории детей такая возможность отсутствует физически. У социальных сирот это усугубляется тем, что подобная возможность существовала, но не была реализована. Последствия подобного отсутствия воспитания могут быть различными, начиная от отсутствия достаточного образования у человека для работы, требующей определенной квалификации, до соответственно проблем дальнейшего трудоустройства и интегрирования сирот в преступные группировки.

Анализом положения детей в неблагополучных семьях занимались многие специалисты, среди которых стоит упомянуть вклад А.М. Прихожан [Прихожан 2007], Л.И. Божович [Божович 2001],

---

¹ Социальные сироты [Электронный ресурс]. URL: https://social_work.academic.ru/597/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%B8%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%8B (дата обращения 3 сентября 2019).

А.Г. Ружской [Ружская 2000] и М.И. Лисиной [Лисина 1997]. На обширном материале они провели исследования, демонстрирующие модели формирования личности ребенка в подобных условиях. Им удалось доказать, что в силу разных причин происходит деформация нормального развития. Подобный опыт, пережитый в период формирования личности, разрушает психическую устойчивость и ориентиры ребенка.

В норме в любом обществе издревле складываются институты, ориентированные на решение проблемы сиротства, безусловно усугубляющегося в периоды войн и социальных потрясений. В обычном режиме в обществах с наличием сильных родственных связей заботу о сиротах всегда брали на себя родственные структуры, восходящие к традиционным системам родства. В крупных государственных образованиях при наличии политической воли эти функции могут выполнять специальные организации. Как, например, после Первой мировой войны, революций и Гражданской войны в России такие функции были переданы Чрезвычайной Комиссии, сумевшей весьма успешно реализовать ряд программ по «ликвидации беспризорности» и интеграции нескольких миллионов таких детей в образовательное, трудовое и социальное пространство [Кривоносов 2003].

Однако ряд современных государств, характеризующихся высокой степенью социальной депрессии, отсутствующими или нефункционирующими государственными структурами и разрушенными общинными связями, оказываются перед фактом невозможности решения этой, казалось бы, «негосударственной» и потому чаще всего замалчиваемой проблемы. Не случайно, что сразу после Второй мировой войны, в 1946 г., европейским странам потребовалось создание специального органа – ЮНИСЕФ, целью которого было декларировано, в частности, соблюдение государствами программ по защите детей и, особенно, огромного количества сирот². Но только в конце 1989 г., когда поставленные послевоенные задачи были уже решены, а вместо них возникли проблемы совершенно иного типа, которые были связаны, в первую очередь, именно с социальным сиротством, появился базовый вариант «Конвенции ООН о правах ребенка». Еще спустя год мировым сообществом была принята «Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей»³.

---

² Qué hacemos. UNICEF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unicef.org/es/que-hacemos> (дата обращения 5 сентября 2019).

³ Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_child90.shtml (дата обращения 5 сентября 2019).

При достижении обществом критичного уровня контроля в сфере социального сиротства недостаточность внимания к данной проблеме может стать опасной тенденцией, сопряженной с повышением преступности, нехваткой профессиональных кадров и снижением общего уровня образования, в том числе и профессионального, – как для страны в целом, так и для самих ее граждан.

В таких условиях вопрос социального сиротства приобретает особую актуальность для стран, отличающихся низкими показателями развития, экономика которых поражена стагнацией, а производство – отсталостью. Парадоксальным образом эти страны именуются иногда «развивающимися», что подразумевает лишь декларацию намерений приблизиться к наиболее благополучному блоку [McConnell, Brue, Flynn 2014].

Одной из таких условно благополучных стран является Мексика, относимая к «наиболее развитым» в Латинской Америке. По оценкам ООН, Мексика принадлежит к категории государств с высоким уровнем развития⁴ и вместе с тем высоким уровнем нестабильности⁵, экономического неравенства (индекс Джини 0,46⁶), и даже более 42% процентов населения живут за чертой бедности⁷. Каждый из этих мало сочетающихся между собой параметров является индикатором той самой социальной неустойчивости, которая, как правило, сопряжена с наличием проблемы социального сиротства. Одним из последствий стала наблюдаемая в Мексике полномасштабная война, ведущаяся с переменным успехом между государством и наркокартелями. Противостояние длится уже более 13 лет, унеся более 115 000 человеческих жизней⁸. Эта непре-

---

⁴ Human Development Indices and Indicators 2018. UNITED NATIONS DEVELOPMENT PROGRAMME [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (дата обращения 5 сентября 2019).

⁵ Worldwide Governance Indicators. The World Bank Group [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators> (дата обращения 5 сентября 2019).

⁶ OECD Data [Электронный ресурс]. URL: <https://data.oecd.org> (дата обращения 5 сентября 2019).

⁷ Instituto Nacional de Estadística y Geografía [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inegi.org.mx/default.html> (дата обращения 5 сентября 2019).

⁸ El Chapo: Mexican police capture then release drug boss's son after battle with cartel, The Guardian 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/17/el-chapo-violence-breaks-out-in-mexican-city-amid-rumours-of-sons-arrest> (дата обращения 6 сентября 2019); The Stunning Escape of El Chapo's Son: It's Like 'a Bad Netflix Show', The New York Times 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/18/world/americas/mexico-cartel-chapo-son-guzman.html> (дата обращения 8 сентября 2019).

крашающаяся война и нестабильность приводят к увеличению и без того огромной миграции из страны – а этот фактор уже напрямую связан с увеличением количества социальных сирот.

На сегодняшний день, по официальной оценке ЮНИСЕФ, в Мексике существует более 1,6 млн сирот⁹ (всего в Мексике ок. 43 млн детей)¹⁰, что составляет более 3,5%. При этом речь идет только об официальном количестве сирот, без учета и дифференциации всех типов социальных сирот. В стране существует 703 приюта, в которых находится около 657 тыс. детей¹¹. Количество социальных сирот в целом не поддается точной оценке. Тем не менее оно превышает все допустимые параметры, учитывая общую бедность населения и жизнь в условиях практически военных действий в определенных областях [Vulliamy 2010]. Кроме того, ситуация усугубляется и высоким уровнем социальной бедности, что позволяет сделать некоторые компаративные расчеты: около трети всего населения Мексики на данный момент являются несовершеннолетними. Причем важно отметить, что уровень бедности составляет 34,80%¹², что соответствует около 45 млн человек, причем из них более 20 млн составляют дети [McConnell, Brue, Flynn 2014], т. е. около половины от общего количества, и они все являются потенциальными социальными сиротами в силу своего экономического положения.

Имея достаточно показательную цифру по количеству приютов в Мексике, следует отметить, что состояние этих приютов, как и условия содержания детей в них, оставляют желать лучшего. Правительство выделяет на поддержку прав детей менее 2% бюджета, что чрезвычайно мало для достижения хоть каких-то результатов. Большинство государственных приютов не способно обеспечить даже базовых нужд своих подопечных. В лучшем положении на-

---

⁹ Senado de la Republica, coordinacion de comunicacion social [Электронный ресурс]. URL: <http://comunicacion.senado.gob.mx/index.php/informacion/boletines/35729-en-mexico-existen-1-6-millones-de-menores-en-orfandad-unicef.html> (дата обращения 8 сентября 2019).

¹⁰ Instituto Nacional de Estadistica y Geografia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inegi.org.mx/default.html> (дата обращения 10 сентября 2019).

¹¹ Quesnel Galván, Lucia Beatriz, «An Orphanage in Mexico: Four United Nations' Human Rights of Children and Wolins' Prerequisites for Efficient Group Care Through the View of the Manager and Staff» (2016). Dissertations and Theses. Paper 3311. Режим доступа: https://pdxscholar.library.pdx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4320&context=open_access_etds (дата обращения 7 сентября 2019).

¹² Mexico Poverty Rate 1984-2019, Macrotrends [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/MEX/mexico/poverty-rate> (дата обращения 9 сентября 2019).

ходятся те учреждения, что спонсируются международными организациями и известны по всему миру. В качестве примера можно привести такие фонды, как SOS Villages¹³ и Nuestros Pequeños Hermanos¹⁴. Во многих государственных и малых частных (не имеющих поддержки международных фондов) приютах сотрудники зачастую намеренно запугивают детей, чтобы те не делились информацией о реальных условиях содержания с посторонними¹⁵. Более того, в реальности эти учреждения являются скорее своеобразными «инкубаторами», работающими на организованные преступные группировки, нежели приютами. И вместе с тем, имеющегося в стране количества приютов явно недостаточно для приема всех детей. Как уже упоминалось, в стране зарегистрировано 703 государственных и частных приюта, которые способны принять всего около 650 тыс. детей. Совершенно очевидно, что количество и емкость приютов не соответствует количеству сирот в стране, а правительство не прикладывает дополнительных усилий для поиска новых мест для организации подобных детских учреждений.

Следует перечислить главные факторы, отражающие неблагополучное состояние несовершеннолетних в Мексике. В целом более 3,5 млн мексиканских детей¹⁶ вынуждены работать вместе со своими родителями, что связано с высоким уровнем бедности. Многие дети, особенно в сельской местности, не имеют доступа к базовой медицине по причине отсутствия врачей или же медикаментов, а также из-за общей бедности. Негативным и опасным фактором является проблема с ВИЧ-инфицированными детьми, более 0,2% которых были рождены от имеющих это заболевание матерей¹⁷. Для страны в целом характерно активное использование и вовлечение детей практически всеми криминальными группировками в самые разные сферы криминальной деятельности. Более 20% девочек вступают в брак до наступления совершеннолетия, не имея возможности ни кормить, ни воспитывать появляющихся в таких семьях детей.

---

¹³ SOS Villages [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sos-childrensvillages.org> (дата обращения 10 сентября 2019).

¹⁴ Nuestros Pequeños Hermanos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nph.org> (дата обращения 10 сентября 2019).

¹⁵ Borgen Magazine, "Orphanages in Mexico and Human Rights" [Электронный ресурс]. URL: <https://www.borgenmagazine.com/orphanages-mexico-human-rights/> (дата обращения 10 сентября 2019).

¹⁶ Humanium Mexico [Электронный ресурс]. URL: <https://www.humanium.org/en/mexico/> (дата обращения 10 сентября 2019).

¹⁷ Ibid.

Все это позволяет сделать вывод о том, что ситуация с защитой детства в Мексике¹⁸ не является нормальной. Это же подтверждает и статистика мексиканской Национальной системы непрерывного семейного развития (DIF) о нарушениях прав детей¹⁹. Согласно этим данным, на такую основу, как тяжелые условия жизни, накладываются многочисленные факты физического и сексуального насилия, использования детского труда, эмоциональное насилие и неадекватные методы воспитания, отличающиеся практиками, которые калечат психику ребенка. По словам генерального директора сети организаций по защите прав ребенка Мартина Переса, для полного осуществления защиты прав детей Мексике необходимо, как минимум, 30 лет²⁰.

Активные миграционные процессы, давно охватившие населенные страны, вносят свою значимую лепту в усложнение проблемы сиротства в Мексике. Многие семейные пары, предпринимающие технически сложные и опасные для жизни попытки нелегальной миграции в США (так называемые *mojados*), оставляют детей на попечение родственников или друзей, что чаще всего становится настоящей трагедией для ребенка и в любом случае негативно сказывается на его жизни.

Помимо проблемы эмиграции из Мексики в США, существует и процесс иммиграции в Мексику, которая расценивается в качестве перевалочного пункта по дороге в США для жителей стран Центральной Америки – таких, как Белиз, Гватемала, Сальвадор, Гондурас и т. д. Многие нелегальные мигранты зачастую так и оседают в Мексике, не имея ни жилья, ни работы, ни социальных гарантий, ни возможности вернуться на родину – что, безусловно, негативно влияет как на общую обстановку в стране и сказывается на будущем собственных детей мигрантов.

Формально защита прав детей в Мексике контролируется ЮНИСЕФ. Подписанные и ратифицированные Мексикой вначале «Конвенция о правах ребенка», а также «Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в вопросах усыновления» открыли путь для усыновления детей из экономически слабых стран попечителями из благополучных государств. В результате в настоящее время процесс усыновления ребенка из Мексики не является сложным (в отличие, например, от Гватемалы) и представляется относи-

---

¹⁸ Humanium Mexico...

¹⁹ Sistema Nacional para el Desarrollo Integral de la Familia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gob.mx/difnacional> (дата обращения 12 сентября 2019).

²⁰ *Kolezynski Ch.* Orphanages in Mexico and Human Rights. Borgen Magazine, 05.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.borgenmagazine.com/orphanages-mexico-human-rights/> (дата обращения 13 сентября 2019).

тельно транспарентным. В течение 24–36 месяцев (в зависимости от штата) после первого приезда потенциальных родителей в Мексику мероприятие усыновления может быть полностью завершено, что, возможно, становится положительным моментом как для детей, так и для будущих родителей. После усыновления формально существует дальнейший контроль за судьбой ребенка – родители обязаны направлять в установленные сроки в Министерство иностранных дел Мексики отчет о состоянии ребенка дважды в год в течение трех первых лет после усыновления, а затем раз в год до наступления 18-летия ребенка. Эти отчеты формально должны являться подтверждением благополучного усыновления.

Одной из преград для реализации защиты прав ребенка в Мексике остается незаинтересованность государства в решении проблем раннего брака, использования детей в схемах наркомафии, а также фактического отсутствия доступа к базовой медицине. Рекомендации ЮНИСЕФ²¹ обязывают активно бороться с детским трудом, сексуальным насилием и ранними браками. Для этого необходимо принять на законодательном уровне единый закон о защите прав детей. Следует признать, что на сегодняшний день в Мексике уже представлен широкий пакет законов, регулирующих права детей. В первую очередь речь идет о подписании и ратификации различных международных договоров и конвенций, касающихся защиты прав детей. Кроме того, в Мексике существует отдельная система DIF (Sistema Nacional para el Desarrollo Integral de la Familia), занимающаяся при поддержке Министерства здравоохранения социальными проблемами семей и детей. В сферу деятельности этой организации входит разработка программ по улучшению общего финансового состояния семей, обеспечение медикаментами, улучшение качества образования для детей и так далее²².

Кроме того, существуют законы, которые запрещают физический детский труд²³, применение физического²⁴ и сексуального на-

---

²¹ The rights of children and adolescents in Mexico: a present-day agenda, UNICEF. 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unicef.org/sitan/files/SitAn_Mexico_Eng_Jan_2011.pdf (дата обращения 13 сентября 2019).

²² Acciones y Programas, DIF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gob.mx/difnacional#6088> (дата обращения 13 сентября 2019).

²³ Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos (Mexico Constitution, as amended), art. 4, D.O., Feb. 5, 1917 [Электронный ресурс]. URL: <https://perma.cc/2QAY-UZUV> (дата обращения 15 сентября 2019).

²⁴ Ley para la Protección de los Derechos de Ninas, Niños y Adolescentes (Law on the Protection of the Rights of Children and Adolescents), art. 21, D.O., May 29, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/185.pdf> (дата обращения 15 сентября 2019).

силы к детям²⁵, продажу детей, а также закон, обязывающий родителей защищать детей от любой формы насилия. Для детей, совершивших преступление, существует особая форма рассмотрения дел, а также отдельная система наказаний, более гуманная по своей форме. В целом следует признать, что в 2000-е гг. был сформирован отдельный корпус законов, приоритетно направленный на защиту прав детей. Однако реализация этой программы упирается в целый комплекс препон, которые обусловлены неполным контролем властей над рядом территорий, стигматизирующим статусом нелегальных иммигрантов, а также высоким уровнем коррупции внутри страны²⁶.

Подводя итоги, следует отметить, что в Мексике проблема социального сиротства не утрачивает своей актуальности в силу высокого уровня бедности, наличия организованной преступности, куда вовлекаются несовершеннолетние граждане. На нее влияют активные эмиграционные и иммиграционные процессы, преимущественно нелегального характера. Данная ситуация приводит к постоянному возрастанию количества социальных сирот, которые воспитываются или на улицах, среди таких же подростков, внутри криминальных сообществ, или, в лучшем случае, в приютах, большинство из которых не способны обеспечить базовых потребностей детей. Бюджетное финансирование, выделяемое на защиту прав детей, чрезвычайно скудно и недостаточно для стабильного поддержания существующих социальных приютов или организации новых, которые могли бы обеспечить потребности страны в обустройстве сирот.

Кроме того, на данный момент, к сожалению, сложился возможный тренд превращения социального сиротства в межпоколенческий феномен, который охватывает уже несколько поколений, воспроизводя мощную прослойку маргинального населения. Судя по нынешнему состоянию проблемы социального сиротства, неготовности власти к полноценной реализации государственных программ, видится маловероятной возможность каких-либо кардинальных изменений в ближайшее время.

При этом формально Мексика активно сотрудничает с ЮНИСЕФ и международными организациями по защите прав детей в стра-

---

²⁵ Ley para el Tratamiento de Menores Infractores para el Distrito Federal en Materia Común y para toda la República en Material Federal (Federal Law for the Treatment of Juvenile Offenders, as amended), art. 6, D.O., Dec. 24, 1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aldf.gob.mx/archivo-1e69478d662dbf11346270f06ad0929f.pdf> (дата обращения 16 сентября 2019).

²⁶ Transparency International, Corruption Perception Index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transparency.org/country/MEX> (дата обращения 16 сентября 2019).

не. Кроме того, существует правовая база защиты прав детей, а также организована деятельность отдельной государственной организации по непрерывному семейному развитию, цель которой – помочь социальным сиротам. Правительство не препятствует транспарентному процессу усыновления детей. Но совершенно очевидно, что для реализации благополучного воспитания и развития детей внутри страны, а также ликвидации социального сиротства необходима политическая и экономическая стабилизация, реальная борьба с организованной преступностью и коррупцией на всех уровнях. Остро необходимо увеличение финансирования программ по защите детства. Решение же этих проблем, в свою очередь, в перспективе положительно повлияет как на экономическую, так и на общую ситуацию в стране.

Литература

- Божович 2001 – *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна. 3-е изд. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001. 349 с.
- Кривонос 2003 – *Кривонос А.Н.* Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 92–98.
- Лисина 1997 – *Лисина М.И.* Общение, личность и психика ребенка. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 384 с.
- Матейчик 1980 – *Матейчик З.* Некоторые психологические проблемы воспитания детей в неполной семье // Воспитание детей в неполной семье: Пер. с чеш.; Общ. ред. Н.М. Ершовой. М.: Прогресс, 1980. С. 70–98.
- Прихожан 2007 – *Прихожан А.М.* Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007. 192 с.
- Русская 2000 – *Русская А.Г.* Психология дошкольника, хрестоматия: Учеб. пособие для студентов средних педагогических учебных заведений. М.: Академия, 2000. 408 с.
- McConnell, Brue, Flynn 2014 – *McConnell C., Brue S., Flynn S.* Economics: Principles, Problems, and Policies. 20 ed. McGraw-Hill Education, 2014. 996 p.
- Vulliamy 2010 – *Vulliamy E.* “Amexica: War Along the Borderline”, Bodley Head, 2010. 368 p.

References

- Bozhovich, L.I. (2001), *Problemy formirovaniya lichnosti: Izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Forming the personality. Selected psychological works], ed. by D.I. Fel'dshtein, MPSI, MODEK, Moscow, Voronezh, Russia.
- Krivosov AN. Historical experience of struggle against homelessness. State and law. № 7. 2003, pp. 92–98.

- Lisina, M.I. (1997), *Obschenie, lichnost' i psikhika rebenka* [Communication, personality and psyche of the child], Institut prakticheskoi psichologii, NPO «MODEK», Moscow, Voronezh, Russia.
- Mateichik, Z. (1980), “Some psychological problems of raising children in a single-parent family”, *Vospitanie detei v nepolnoi sem'e*, tr. from Cheh., Progress, Moscow, Russia, pp. 70–98.
- McConnell, C., Brue, S. and Flynn, S. (2014), *Economics: Principles, Problems, and Policies*. McGraw-Hill Education, 20 ed.
- Prikhozhan, A.M. (2007), *Psikhologiya trevozhnosti: doshkol'nyi I shkol'nyi vozrast* [Psychology of anxiety: preschool and school age], 2nd ed., Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Ruzskaya, A.G. (2000), *Psikhologiya doshkol'nika, Khrestomatiya* [Psychology of the preschooler, anthology: a textbook for students of secondary pedagogical educational institutions], Akademiya, Moscow, Russia.
- Vulliamy, E. (2010), *Amexica: War Along the Borderline*, Bodley Head.

Информация об авторе

Дарья А. Пятыгина (Хивинова), младший научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; hivinova.daria@ya.ru

Information about the author

Dar'ya A. Pyatygina (Khivinova), junior research assistant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; hivinova.daria@ya.ru

Вильгельм и Александр фон Гумбольдт в исторической памяти нацистской Германии

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, natw@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности рецепции биографий и наследия братьев Вильгельма и Александра фон Гумбольдт в национал-социалистической Германии. В исторической памяти современной Германии их образы стали одной из основ национального самосознания немцев, а Гумбольдт – форум–платформой, воплощающей связь науки и культуры. В коллективной памяти Третьего рейха братья занимали неординарные позиции. 100-летие со дня кончины В. фон Гумбольдта вызвало всплеск интереса к выдающемуся представителю немецкого народа, однако его образ был переформатирован и вписан в расовые параметры нацизма: подчеркивался его интерес к проблемам немецкой нации, приверженность либеральным идеям объяснялась критикой им абсолютизма, делались попытки притянуть его образ к антисемитской парадигме нацистов. Однако были отдельные ученые, изучавшие его наследие, сохранившие научную объективность. Александру фон Гумбольдту уделялось гораздо меньше внимания: идеологам Третьего рейха претил его космополитизм. Но поскольку он был братом В. фон Гумбольдта и ученым с мировым именем, предать его заслуги забвению было нельзя. В коллективной памяти отпечатался образ естествоиспытателя-путешественника, величие которого Третий рейх не отрицал. Коммеморация тесно связана с формированием идентичности. В конструировании национальной идентичности их образы в национал-социалистической Германии практически не были востребованы.

Ключевые слова: Вильгельм фон Гумбольдт, Александр фон Гумбольдт, национал-социалистическая Германия, историческая память

Для цитирования: Ростиславлева Н.В. Вильгельм и Александр фон Гумбольдт в исторической памяти нацистской Германии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 123–133. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-123-133

Wilhelm and Alexander von Humboldt in the historical memory of Nazi Germany

Natal'ya V. Rostislavleva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ranw@mail.ru

Abstract. The article examines the perception of biographies and heritage of the brothers Wilhelm and Alexander von Humboldt in National Socialist Germany. In the historical memory of modern Germany, their images have become one of the bases of German national identity, and the Humboldt-Forum – a platform for the connection of science and culture. In collective memory of the Third Reich, the brothers held unequal positions. The 100th anniversary of the death of W. von Humboldt caused a surge of interest in him, but his image was reformatted and inscribed in the racial parameters of Nazism: his interest in the issues of the German nation was emphasized, his commitment to liberal ideas was explained by criticism of absolutism, attempts were made to attract his image to Nazi anti-Semitic paradigm. However, there were some researchers of his heritage who retained scientific objectivity. Alexander von Humboldt was paid much less attention: the ideologists of the Third Reich hated his cosmopolitanism. But as he was the brother of W. von Humboldt and a world-famous scientist, it was impossible to forget about his merits. The collective memory kept an image of a traveler naturalist whose greatness the Third Reich did not deny. Commemoration is closely associated to the identity formation. For the construction of national identity in National Socialist Germany their images were practically not required.

Keywords: Wilhelm von Humboldt, Alexander von Humboldt, National Socialist Germany, historical memory

For citation: Rostislavleva, N.V. (2020), “Wilhelm and Alexander von Humboldt in the Historical Memory of Nazi Germany”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 123-133, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-123-133

Братья Вильгельм и Александр фон Гумбольдт являются культовыми фигурами в научной и образовательной жизни современной Германии. Они были выдающимися учеными, обрели известность как в Пруссии, так и далеко за ее пределами. В большей степени это касается Александра, который покори́л мир своим знаменитыми путешествиями по Америке и России и вошел в историю как универсальный ученый и гениальный популяризатор научного знания. Германский фонд поддержки фундаментальных исследований носит его имя. Восстановлением замка Гогенцоллернов и созданием общедоступного музейного пространства занимается Гумбольдт-форум. Это воплощение идеи А. фон Гумбольдта – создать

в Берлине универсальный музей. Гумбольдт-форум олицетворяет единство природы и культуры, он должен стать платформой для диалога ученых и общества. Имя Гумбольдт является в современной Германии ключом для понимания культурного самосознания немцев [Scharer 2018, S. 259]. Именно в уже восстановленном здании замка 14 сентября 2019 г. состоялось торжественное мероприятие в ознаменование 250-летнего юбилея Александра фон Гумбольдта и телемост с Боготой и Новосибирском, теми территориями, где А. фон Гумбольдт побывал во время своих путешествий.

Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) также оставил заметный след в науке: он был основоположником теоретического языкознания, реформатором образования и создателем Берлинского университета, а также дипломатом, известным либеральным политиком и теоретиком либерализма. Его младший брат, Александр фон Гумбольдт (1769–1859), обрел известность как основоположник географии растений, физик, метеоролог, минеролог, зоолог, путешественник, много сделал для становления таких наук, как вулканология, геофизика, океанография, гидрология, психология, экология. Братья довольно сильно отличались друг от друга и по образу жизни, и по складу ума, и по сфере научных интересов. Манфред Гайер в начале XXI в. опубликовал их совместную биографию, где замечает, что Александру плохо давался греческий язык и античная литература, он с ранних лет был нацелен на изучение природы и она была к нему благосклонна, тогда как Вильгельм развивался быстрее, преуспевал в изучении античности, не ждал милостей от природы, но его ум меньше вдохновлялся ею [Geier 2018, S. 30–31]. Однако нередко пути братьев пересекались, так как они оба были друзьями Шиллера и Гете, бывали в Йене и, несмотря на отдельные разногласия, оставались близкими людьми. Так, например, Александр отложил начало своего путешествия по России, чтобы поддержать брата, когда тот потерял любимую жену. Из России он много ему писал и подчеркивал: «Я использую любую возможность, чтобы черкнуть тебе, мой любимый брат, несколько строк», часто называя Вильгельма в письмах «дорогой брат», «любимый брат»¹. Поэтому братья нередко воспринимались как единое целое. Например, в 1949 г. в ГДР их именем был назван Берлинский университет, создателем которого являлся все-таки Вильгельм фон Гумбольдт, а Александр воспринимался как фигура, которая принесла немецкой науке мировую славу. С конца XIX в. и по сей день братья Гумбольдт в различных ипостасях присутствуют

---

¹ *Alexander von Humboldt. Die Russland – Expedition. Von der Newa bis zum Altai.* München, 2019. S. 35, 44, 76.

в исторической памяти германского общества. Их юбилеи никогда не проходили в Германии незамеченными [Ростиславлева 2019]. Рецепция наследия братьев Гумбольдт наряду с научной составляющей часто имела и политический подтекст. Каким было восприятие наследия Вильгельма и Александра Гумбольдт в годы Третьего рейха, когда на первый план выходили националистические и расовые подходы к любому интеллектуальному творчеству?

Идеология Третьего рейха была заточена на мифологизацию и поиск основы идентичности в истории славного прошлого Германии. Репрезентативный пример – миф о битве при Танненберге в годы Первой мировой войны [Нагорная. 2002], которая стала символом воинской славы, а Танненберг – важным местом памяти в раннем Третьем рейхе.

Идентичность выстраивается вокруг великих личностей. Алейда Ассман по этому поводу замечает, что стремление убедить в идентичности – важнейшее измерение культуры памяти [Assman 2014, S. 27]. Выяснить, насколько братья Гумбольдт смогли выполнить или не выполнить эту роль – стать основой конструирования национальной идентичности в годы Третьего рейха – цель данной статьи.

Прошлое является подвижным, отношение общества к нему постоянно меняется. Маркером характера восприятия прошлого являются устойчивые образы и коммеморативные практики, с помощью которых память обретает «материальную» форму. Отбор образов памяти зависит от политической идеологии, с которой общество должно «сверяться». Память фиксируется в образах, текстах, коммеморативных ритуалах и вещественных объектах. Устойчивость образов памяти зависит от власти, которой обладает группа. Поэтому, изучая эти образы, можно уяснить особенность структуры коллективного воображения.

В материальных объектах Германии братья Гумбольдт были запечатлены или в годы Второй империи (Kaiserreich), или уже после Второй мировой войны. Это памятники Александру (автор – Райнхольд Бегас) и Вильгельму (автор – Мартин Пауль Отто) перед зданием Берлинского университета. В Берлине пять мемориальных табличек, которые установлены в Тегеле, где жили и нашли упокоение Вильгельм и Александр фон Гумбольдт, на домах, где родился Александр фон Гумбольдт, где он умер и где читал лекции о космосе. Ни один памятник, ни одна стела в годы нацистской Германии установлены им не были.

Другая составляющая исторической памяти – это юбилеи, которые являются своеобразным маркером национально-политического климата общества. В годы Третьего рейха, в 1935 г., отмеча-

лось 100-летие со дня кончины Вильгельма фон Гумбольдта. Мимо этой даты в нацистской Германии пройти не могли, поскольку с Вильгельмом отождествлялась университетская революция в Германии и достижения в сфере философии языка, успехи на дипломатическом поприще и государственной службе. Он, безусловно, был одним из великих немцев. Как отмечает А. Ассман: «Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная) – вот главный капитал, на котором основывается национальная идея» [Ассман 2014, с. 65]. Но для того чтобы сохранить ореол героя, биографию и научное наследие В. фон Гумбольдта в годы Третьего рейха пришлось серьезно реформатировать. В данной статье рефлексия его лингвистического наследия не затрагивается, но, как отмечает О.А. Радченко, его заслуги были признаны «официальной философией и партийной лингвистикой со значительным количеством оговорок и «нордических» дополнений» [Радченко 2018, с. 67, 69], которые прежде всего были направлены на утверждения мысли, что В. фон Гумбольдт постулировал превосходство немецкого языка над другими.

Накануне этого юбилея В. фон Гумбольдта в нацистской Германии появились работы, которые попытались вписать Вильгельма фон Гумбольдта в контекст расовой теории [Ростиславлева 2009, с. 79–90]. Довольно репрезентативна в этом плане брошюра объемом в семь страниц К. Штауде «Голос крови»². Ее задача не просто показать расовую приемлемость происхождения братьев, найти общие корни с лидерами Третьего рейха. Штауде доказывал, что братья Гумбольдт и один из лидеров Третьего рейха, Герман Геринг, происходят от общего предка – Йохана Шведера, который жил на рубеже XV–XVI вв.³ Автор именно с этим фактом связывал гениальность братьев Гумбольдт.

В антисемитской книге сотрудника Имперского института истории новой Германии В. Грау «Вильгельм фон Гумбольдт и проблема евреев»⁴ мыслитель рассматривался как приверженец прусского классического либерализма, который в Третьем рейхе потерял свои приоритетные позиции, как полагал Грау, из-за влияния евреев. Он писал, что «либерализм забыл, что образование народов связано с кровью, душой, историей и что абстрактный человек не имеет ни народности (*voelkisch*), ни религиозности»⁵. В итоге, во-

---

² *Staupe K.* Die Stimme des Blutes. Stettin, 1934. 8 S.

³ *Ibid.* S. 7.

⁴ *Grau W.* Wilhelm von Humboldt und das Problem der Juden. Hamburg, 1935. 154 S.

⁵ *Ibid.* S. 96.

преки реальности, Грау утверждал, что ученый выступал за ассимиляцию евреев. Таким образом, в коллективную память нацистской Германии проник приемлемый образ Вильгельма фон Гумбольдта, что позволяло в год его столетней кончины оказать ему достойные почести. И они были оказаны.

В музее Бранденбургской марки открылась выставка «Предки духа», посвященная В. фон Гумбольдту как основателю университета Фридриха Вильгельма в Берлине. Более того, на публичном мероприятии в его честь в Райникендорфе директор школы им. Вильгельма фон Гумбольдта В. Блюме «представил Гумбольдта как посредника между Шиллером, Гете и Гитлером» [Радченко 2018, с. 66]. Подобный пассаж был явно рассчитан на вовлечение в водоворот духовной жизни нацистской Германии образованных слоев, для которых он являлся символом высокого развития немецкого образования и науки XIX в.

Продолжалась начатая еще в годы Веймарской республики исследовательская деятельность по изучению наследия Вильгельма фон Гумбольдта. Именно в годы нацистской Германии была опубликована очень серьезная работа о Вильгельме фон Гумбольдте П. Бисвангера⁶, которая актуализировала психологическое понимание личности мыслителя. Автор подчеркивал, что в представлении Вильгельма Гумбольдта огромную роль в развитии человека играло образование, которое развивало жизненные силы личности. В великом реформаторе образования П. Бисвангер видел как теоретика, так и успешного практика. Автор не делал попыток вписывать мыслителя в контекст расовой теории, более того, он продемонстрировал определенный иммунитет перед идеологическими вызовами Третьего рейха, а его книга по сей день имеет статус серьезного научного исследования.

Однако в большинстве посвященных В. фон Гумбольдту работ конца 30-х годов XX в. его образ подвергся серьезному переформатированию. Показательна работа Й. Ранцау «Вильгельм фон Гумбольдт. Путь его духовного развития»⁷, где была поставлена задача – показать наиболее значимые черты мыслителя. Особое одобрение автора вызывал разрыв реформатора образования с рационализмом, подчеркивалось что Гумбольдт понимал ценность человека в согласии с Гердером и Шиллером, т. е. апеллируя к иррациональным чертам немецкого национального характера, которые не вписываются в рационалистические схемы Просвещения.

---

⁶ *Biswanger P.* Wilhelm von Humboldt. Leipzig, 1937. 378 S.

⁷ *Rantau J.A. von.* Wilhelm von Humboldt. Der Weg seiner geistigen Entwicklung. München, 1939. 113 S.

Автор хвалил Гумбольдта за вклад в национальное воспитание, а его приверженность к идеалам свободы связывал с неприятием им абсолютистского режима. Манифест либерализма, работу В. фон Гумбольдта «О пределах государственной деятельности», он назвал чуждой его творчеству и таким образом вписывал великого реформатора в поток идей Третьего рейха⁸. Другой автор эпохи Третьего рейха, К. Грубе, рассматривая в своей книге философию образования Вильгельма фон Гумбольдта, призывал обратить пристальное внимание на связь образования с развитием немецкой сущности⁹. Самая распространенная интерпретация творчества великого реформатора образования в годы нацизма – это «народно-политическая» (voelkisch-politisch). Этот подход присутствовал практически во всех посвященных В. Гумбольдту сочинениях в годы нацистской Германии, подчеркивались его заслуги в формировании нового национал-политического образа человека. Всего в те годы о В. фон Гумбольдте в Германии вышло около двадцати работ и семь изданий источников¹⁰. В основном издавалась переписка В. Гумбольдта с И. Швайгхойзером, К.Г. Кренером, дочерью и женой¹¹. В связи с так называемым спором о шрифте (Schrieffenstreit) – переходе от фактуры к антигве – издавались сочинения В. фон Гумбольдта о роли языка¹². О нем не забывали и во время торжеств, посвященных основанию Третьего рейха. Так, профессор О. Фосслер 30 января 1941 г. выступил в Лейпцигском университете с речью «Гумбольдт и немецкая нация». По его мнению, духовность играет важную роль в

⁸ Ibid. S. 110–111.

⁹ *Grube K. Wilhelm von Humboldts Bildungsphilosophie: Versuch einer Interpretation.* Halle, 1935. 100 S.

¹⁰ Stabikat. de (Staatsbibliothek zu Berlin Preußischer Kulturbesitz, официальный сайт) [Электронный ресурс], URL: http://stabikat.de/DB=1/SET=8/TTL=1/CMD?ACT=SRCHM&MATCFILTER=Y&MATCSET=Y&NOSC AN=Y&PARSE_MNEMONICS=N&PARSE_OPWORDS=N&PARSE_OL DSETS=N&ACT0=SRCH&IKT0=1016&TRM0=wilhelm&ACT1=* &IKT1=1016&TRM1=humboldt&ACT2=* &IKT2=1&TRM2=&ACT3=* &IKT3=2140&TRM3=&SRT=YOP&ADI_JVU=1933-1945&ADI_TAA=ger&ADI_LND=&ADI_MAT=B&ADI_MAT=L&ADI_MAT=M&ADI_MAT=T&ADI_MAT=V &ADI_MAT=G &ADI_MAT=P &ADI_MAT=I &ADI_MAT=S &ADI_MAT=O &ADI_MAT=K &ADI_MAT=E &ADI_MAT=A&ADI_MAT=H&ADI_MAT=W (дата обращения 19 февраля 2020).

¹¹ *Wilhelm von Humboldts Briefe an Johann Gottfried Schweighäuser.* Jena: Frommann, 1934. 82 S.; *Wilhelm und Caroline von Humboldt in ihren Briefen: 1788–1835 / Hrsg. von Anna v. Sydow.* Berlin: Mittler, 1935 [1934]. 378 S.

¹² *Humboldt W. v. Über die Buchstabenschrift und ihren Zusammenhang mit dem Sprachbau.* Berlin, 1938. 46 S.

становлении национального государства, а подлинными героями немецкого духа были Винкельман, Гердер, Шиллер, Гете, Фихте и, конечно, В. фон Гумбольдт¹³. Он особо хвалил Гумбольдта как основателя Берлинского университета (1810), назвал это истинно «немецким делом», а его усилия по созданию на Венском конгрессе единого немецкого государства – вкладом в формирование политической нации немцев¹⁴.

Необходимо отметить, что уже в ФРГ, в работах, приуроченных к 200-летию юбилею Берлинского университета, звучала критика образовательной концепции В. фон Гумбольдта за то, что она косвенно причастна к установлению национал-социализма [Kawohl 1969, S. 186-196]. Уязвимость образовательной концепции В. фон Гумбольдта отмечал Ф. Рингер [Рингер 2008], неоднозначно оценивая реверансы немецкого либерализма государству. Профессор Берлинского университета Гумбольдта Б. Хеннингсен критикует гумбольдтовский принцип одиночества и свободы, когда наука являлась частным делом и оказалась незащищенной перед лицом нацистской идеологии [Хеннингсен 2010].

Александр фон Гумбольдт, который обрел мировую славу своими путешествиями по Америке и России, с присущим ему космополитизмом и умением легко воспринимать чужую культуру был гораздо менее популярной фигурой в годы Третьего рейха. Всего в этот период о нем вышло десять работ, переиздавались его письма и отдельные сочинения¹⁵. Что было в фокусе нацистского общества? Прежде всего – путешествие А. фон Гумбольдта по России, которое вызывало интерес с точки зрения возможности освоения богатства недр российской земли¹⁶. Публиковались сочинения А. фон Гумбольдта о его путешествии в испанскую Америку¹⁷, а также статьи о нем¹⁸. В Латинской Америке

¹³ *Vössler O.* Humboldt und die deutsche Nation. Leipzig, 1941. S. 12.

¹⁴ *Ibid.* S. 23, 29.

¹⁵ См.: Stabikat de (Staatsbibliothek zu Berlin Preußischer Kulturbesitz (дата обращения 21 февраля 2020)).

¹⁶ *Gurlitt D.* Aus Alexander von Humboldts russischer Reise vor 111 Jahren // *Geologische Rundschau*. Vol. 31. Heft 7/8. 1940. S. 495-497.

¹⁷ *Humboldt A. v.* Südamerikanische Reise. Ideen über Ansichten der Natur. Berlin: Safari-Verlag; 1943. 560 S.

¹⁸ *Hase A.* Beiträge zur Geschichte der deutschen biologischen Forschungen in Ibero-amerika seit Alexander von Humboldts Reisen bis 1916 // *Ibero-amerikanisches Archiv*. Vol. 1(8). 1934. S. 34–63; Richert G. Alexander von Humboldts Kunstbeziehungen zu Ibero-amerika // *Ibero-amerikanisches Archiv*. Vol. 15 (3/4). 1941. S. 108-118; Berichtigung: Alexander von Humboldts Kunstbeziehungen zu Ibero-amerika // *Ibero-amerikanisches Archiv*. Vol. 16 (1/2). 1942. S. 108-118.

проживало немало этнических немцев, и, видимо, присущий национал-социализму «зов крови» заставил Третий рейх обратить внимание на эти территории. В. Линден напечатал работу «Александр фон Гумбольдт. Картина природы естественных наук»¹⁹, поскольку полагал, что, только зная прошлое, можно постичь современное развитие науки. В 1942 г. в Лейпциге была издана родословная братьев²⁰, тем самым они вводились в пантеон великих людей Третьего рейха. В нацистской Германии было принято публиковать родословные наиболее знаменитых и правильных с расовой точки зрения немцев. Например, Э. Людендорфа, композитора Х. Пфитцнера, писателя Г. фон Кейзерлинга и др.²¹ Александр фон Гумбольдт плохо вписывался в идейный контекст Третьего рейха, но благодаря заслугам брата и его поистине мировой известности полностью предать забвению имя великого путешественника было нельзя. Безусловно, в исторической памяти Третьего рейха В. и А. фон Гумбольдт присутствовали. К Вильгельму проявляли гораздо больше внимания, но его образ подвергся существенному переформатированию и был вписан в идеологическую конструкцию нацистской Германии. Но национальная идентичность конструировалась скорее на основе культа вождя, все остальные, даже самые великие немцы, например Бисмарк, в процесс конструирования вовлекались слабо, что справедливо и в отношении братьев Гумбольдт.

---

¹⁹ *Linden W.* Alexander von Humboldt; Weltbild der Naturwissenschaft. Hamburg: Hoffmann und Campe [с. 1940] (Другое издание: Hamburg: Hoffmann und Campe, 1942). 93 S.

²⁰ *Massenbach H. v.* Ahnentafel der Brüder Wilhelm und Alexander von Humboldt. Leipzig: Zentralstelle für Dt. Personen- und Familiengeschichte, 1942. 24 S.

²¹ Ahnentafeln berühmter Deutscher. Bd. 5. Ahnentafeln Erich Ludendorff, Annette Freiin von Droste-Hülshoff, Hans Pfitzner, Stephan Ludwig Roth, Graf Hermann v. Keyserling, Prinz Louis Ferdinand von Preußen, Herzog Friedrich Wilhelm v. Braunschweig-Wolfenbüttel, Ludwig Adolf Peter Fürst zu Sayn-Wittgenstein, Kronprinz Rudolf von Österreich, Ludwig II und Otto I Könige von Bayern, August Kekule von Stradonitz, Hugo Wolf, Augustin v. Leysar, Jean Paul (Friedrich Richter), Wilhelm und Alexander von Humboldt, E.T.A. Hoffmann, Max von Schenkendorff, Hermann Sudermann, Theodor Storm, Joseph Freiherr von Eichendorff, Karl von Holtey, Moritz Graf von Strachwitz, Christoph August Tiedge, Nikolaus Lenau, Marie Eugenie delle Grazie, Marie Freiin von Ebner-Eschenbach, Peter Rosegger, Hermann Bahr, Gerhart und Carl Hauptmann. Leipzig: Zentralstelle für Dt. Personen- und Familiengeschichte, 1939–1943. 328 S.

Литература

- Ассман 2014 – *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 324 с.
- Нагорная 2002 – *Нагорная О.С.* Миф Танненберга как символ власти в раннем Третьем рейхе // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии* 2002. С. 64–68 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-tannenberga-kak-simvol-vlasti-v-rannem-tretem-reyhe-1> (дата обращения 11 февраля 2020).
- Радченко 2018 – *Радченко О.А.* Dies incommodi: годовщина смерти В. фон Гумбольдта в национал-социалистической Германии // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. «Гуманитарные науки»*. 2018. Вып. 4. (793). С. 63–81.
- Рингер 2008 – *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 645 с.
- Ростиславлева 2019 – *Ростиславлева Н.В.* Александр фон Гумбольдт в исторической памяти ГДР и СССР // *Международный диалог историков. Россия и Германия: проблемы межкультурного взаимодействия: 1990–2020: Материалы Международной научной конференции (г. Липецк, 24–25 октября 2019)*. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 105–115.
- Ростиславлева 2009 – *Ростиславлева Н.В.* Историографическая рефлексия наследия В. фон Гумбольдта // *Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований»*. 2009. № 4. С. 79–90.
- Хеннингсен 2010 – *Хеннингсен Б.* Одиночество и свобода. Университет Гумбольдта и политика // *Гумбольдтовские чтения*. М.: РГГУ, 2010. С. 8–41.
- Assman 2014 – *Assman A.* Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung. München: Verlag C.H. Beck, 2014. 219 S.
- Geie M. Die Brüder Humboldt. Eine Biographie. Hamburg: Rohwolt Taschenbuch Verlag, 2018. 349 S.
- Kawohl 1969 – Kawohl I. Wilhelm von Humboldt in der Kritik des 20. Jahrhunderts. Düsseldorf: A. Henn Verlag, 1969. S. 186–195.
- Schaper 2018 – *Schaper R.* Alexander von Humboldt. Der Preuße und die neuen Welten. München: Siedler Verlag, 2018. 285 S.

References

- Assman, A. (2014), *Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung*, Verlag C.H. Beck, München, BRD.
- Assman, A. (2014), *Dlinnaya ten' proshlogo. memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long shadows of the past. Memorial culture and historical politics], Novoe literaturnoe obozrenie, Moskva, Russia.
- Geie, M. (2018), *Die Brüder Humboldt. Eine Biographie*, Rohwolt Taschenbuch Verlag, Hamburg, BRD.
- Henningsen, B. (2010), "Loneliness and freedom. Humboldt University and Politics", *Gumbol'dtovskie chteniya* [Humboldt Conference], RGGU, Moscow, pp. 8–41.

- Kawohl, I. (1969), *Wilhelm von Humboldt in der Kritik des 20. Jahrhunderts*, A. Henn Verlag, Düsseldorf, BRD.
- Nagornaya, O.S. (2002), "Tannenberg's myth as a symbol of power in the early Third Reich", *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii* [Magistra Vitae: electronic journal for historical sciences and archeology], pp. 64–68, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-tannenbergak-simvol-vlasti-v-rannem-tretem-reyhe-1> (Accessed 11 February 2020).
- Radchenko, O.A. (2018), "Dies incommodi: W. Von Humboldt's Death Anniversary in the National Socialist Germany", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, vol., no. 4 (793), pp. 63–81.
- Ringer, F. (2008), *Zakat nemetskikh mandarinov. Akademicheskoye soobshchestvo v Germanii, 1890–1933* [The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890–1933], Novoe literaturnoe obozrenie, Moskva, Russia.
- Rostislavleva, N.V. (2019), "Alexander von Humboldt in the Historical Memory of the GDR and the USSR", *Mezhdunarodnyi dialog istorikov. Rossiya i Germaniya: problemy mezhkul'turnogo vzaimodeistviya: 1990–2020: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [International Dialogue of Historians. Russia and Germany. Issue of Intercultural Interaction. 1990–2019. Proceedings of International Scientific Conference, Lipetsk October 24–25, 2019], P.P. Semenov-Tyan-Shanskii LGPU, Lipetsk, Russia, pp. 105-115.
- Rostislavleva, N.V. (2009), "Historiographical reflection upon Wilhelm von Humboldt's legacy", *RGGU Bulletin. "Scientific History. Historiography, Source study, Methods of historical researches" Series*, no. 4, pp. 79–90.
- Schaper, R. (2018), *Alexander von Humboldt. Der Preuße und die neuen Welten*, Siedler Verlag, München, BRD.

Информация об авторе

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ranw@mail.ru

Information about the author

Natal'ya V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ranw@mail.ru

Книжная полка

УДК 398.3(049.32)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-134-140

Рецензия на книгу:

Барышева Е.В. *«В веселом грохоте, в огнях и звонах»:*
советский праздник в социальном конструировании нового общества.
Москва: РГГУ, 2020. 192 с.

Максим А. Гаецкий

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, gaetskim@gmail.com

Аннотация. В данной работе рассмотрена монография историка Е.В. Барышевой, посвященная изучению роли советского праздника в социальном конструировании общества нового типа. Подвергнуто анализу, как исследователь отобразил идеологические, социальные, психологические и культурные аспекты государственного праздника, проследил ретроспективу его развития в 1920–1930-х гг., а также выявил отношение власти к культурно-массовым мероприятиям того времени. Исследованы степень проработки поставленной исследователем проблемы, источниковая база и логика построения научного исследования. Рассмотрен объем архивных и опубликованных данных, взятых Е.В. Барышевой для изучения поставленной проблемы. Изучено, какие, по мнению ученого, цели и задачи преследовала советская власть при проведении масштабных публичных государственных праздников. Выявлено, насколько в данной монографии прослежено становление традиций проведения советских праздничных шествий, митингов и парадов в 1920–1930-х гг., а также процесс институционализации государственного регулирования праздников. Подвержено рассмотрению занимающие отдельное место в работе Е.В. Барышевой изучение праздничной топографии советского города 20–30-х гг. XX в. и отношение населения к советским праздникам. Изучена степень раскрытия ученым реакции общества указанного периода на проводимые государственные праздники.

Ключевые слова: праздник, социальное конструирование, культура, советское общество

Для цитирования: Гаецкий М.А. [Рец.]: Барышева Е.В. *«В веселом грохоте, в огнях и звонах»:* советский праздник в социальном конструировании нового общества // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2020. № 3. С. 134–140. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-134-140

© Гаецкий М.А., 2020

“Political Science. History. International Relations” Series, 2020, no. 3 • ISSN 2073-6339

Book review: Barysheva, E.V. (2020),
“*In a cheerful roar, in fire and ringing*”.
A Soviet holiday in the social construction of a new society,
RGGU, Moscow, Russia

Maksim A. Gaetskii

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, gaetskim@gmail.com

Abstract. The review considers the monograph by E.V. Barysheva on the role of the Soviet holiday culture in construction of a new type of society. It analyzes how the researcher reflected the ideological, social, psychological and cultural aspects of the state holiday, traced a retrospective of its development in the 1920s – 1930s, and also reveal the attitude of the authorities to cultural events of that time. The elaboration degree of the issue posed by the researcher is thoroughly investigated. This review analyzes the content of the archival and published data taken by E.V. Barysheva to study the issue. Moreover, it studies the goals and objectives that, according to the scientist, pursued the Soviet government during large-scale public holidays. It is revealed to what extent the monograph traces the formation of traditions in holding Soviet holiday processions, rallies and parades in 1920–1930, as well as the process of institutionalization of state regulation of holidays.

The author reviews a separate place in the work of E.V. Barysheva related to studying the festive topography of the Soviet city in the 20s – 30s. of the 20th century and the population attitude to the Soviet holidays. The review shows how profoundly the scientist disclosed the reaction of society of a specified period to the public holidays hold.

Keywords: holiday, social construction, culture, Soviet society

For citation: Gaetskii, M.A. (2020), “[Book review]: Barysheva, E.V. (2020), ‘*In a cheerful roar, in fire and ringing*’. *A Soviet holiday in the social construction*, RGGU, Moscow, Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 134-140, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-134-140

Революции – праздник угнетенных и эксплуатируемых.

В.И. Ленин

Тема, которой посвящена рецензируемая монография, уже имеет достаточно прочную историографическую традицию не только в отечественной, но и зарубежной историографии. Феномен массовой советской культуры 1920–1930 гг. приковывал внимание и историков, и социологов, и психологов, и культурологов. Нужно отдать должное тому, что исследователь хорошо знает содержание работ своих предшественников, иногда полемизируя с их позици-

ями, а иногда опираясь на уже сделанные наблюдения и выводы. Продуктивным можно считать использование коммуникативного подхода Г. Лассуэлла, весьма удачно проецируя его модель определения массовой коммуникации в виде пяти вопросов (кто сообщает информацию; что он передает; по каким каналам; кому; с каким эффектом), важных для разработки темы ее исследования¹. Тем интереснее было ознакомиться с работой автора, которая давно и достаточно плодотворно занимается разработкой данной проблемы.

Логика построения монографии отражает авторское видение феномена советского праздника как одного из способов конструирования новой социальной реальности послереволюционных лет. Автор начинает с рассмотрения теоретических аспектов и подходов к пониманию большевистским руководством того, как и из какого материала приходится выстраивать новое качество жизни и новые принципы социального коммуницирования. В условиях стремления к полному слому прежней бытовой парадигмы в России большевикам необходимо было построить новую культуру, способную воспитать человека нового типа, «строителя коммунизма». При этом были очевидны гигантские сложности на пути решения этих задач: неграмотность значительной части населения, ограниченность ресурсов, уровень разрухи и многое другое. Сложность поставленной задачи многократно усиливалась и тем, что решить ее только сверху не представлялось возможным. Требовалось решать ее не только на основе привлечения самых широких народных масс, но и решать через них, учитывая многие противоречивые аспекты их мировосприятия.

В этой связи организация праздничных торжеств становилась мощным инструментом не только воздействия на настроения народным масс, но и вовлечения их в процесс формирования новых ценностных ориентаций.

Вполне обоснованно в монографии уделяется значительное внимание институциональному аспекту конструирования массово-развлекательных мероприятий, подробно, а иногда и детально освещаются механизмы, использовавшиеся для формирования новой социокультурной парадигмы в обществе. Примечательно, что Е.В. Барышева рассматривает отношение к праздникам (в первую очередь праздникам 7 ноября и 1 мая) как со стороны государственного аппарата, так и со стороны различных слоев общества – рабочих, крестьян, городского населения.

---

¹ *Барышева Е.В.* «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: РГГУ, 2020. С. 24. (Далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках.)

Помимо этого, в данной монографии прослежено становление традиций проведения советских праздничных шествий, митингов и парадов от неоднородных и оригинальных выступлений и постановок при участии видных деятелей авангардного искусства в первые послереволюционные годы до проведения культурно-массовых мероприятий по заранее подготовленным сценариям и методическим рекомендациям от государственных органов в 1930-е гг. В наибольшей степени в работе раскрыта практика проведения государственных праздников в Москве. Действительно, во время масштабных празднований 7 ноября и 1 мая внимание всей советской общест-венности было приковано к парадным шествиям на Красной пло-щади. В то же время Е.В. Барышева освещает характер праздни-ков памятных дат и в других крупных индустриальных городах и районах центров.

Очень важным и перспективным в исследовании Е.В. Барыше-вой нам представляется ее стремление анализировать новые совет-ские праздники не только с их демонстрационной стороны. Автор изучает их даже не только как инструмент формирования нового типа социальной памяти и одну из скреп, формирующих целост-ность общества, а и как важное направление в деле формирования нового типа повседневности, радикального обновления повседнев-ного бытования. Это открывало для власти возможности формиро-вать новый уклад жизни людей.

В Советской России ревизии подвергались такие базовые поня-тия, как труд, отдых, праздник, работа. Фразы, прочно закрепившиеся в лексиконе, как, например, «на работу как на праздник», «пятилетку в четыре года» и пр., берут свои начала именно из лозунгов и призывов праздничных шествий. Праздничные ритуалы выступали как канал трансляции ключевых сообщений населению – нужно быть воспитан-ным, атлетически развитым, позитивно относиться к своей работе, не праздно проводить свой досуг и чтить заветы марксизма-ленинизма. Праздники подавались в СМИ как акт единения всех слоев общества, дающий чувство радости, облегчения и гордости. В создании подоб-ного чувства коллективного позитива государство видело не только необходимый послереволюционному обществу образ благополучной и счастливой жизни, но и легитимацию своей власти в глазах народа.

Одновременно праздничные мероприятия органично вписы-вались в общую магистральную линию социальных преобразова-ний. Е.В. Барышева неслучайно выходит за пределы рассмотрения непосредственно сущности государственных праздников Совет-ской России и говорит в целом о том, какими методами советская власть хотела провести изменение всей культуры своих граждан, «правильно» воспитать их, развив их культурный уровень и сохра-

нив их лояльность идеям коммунизма. Культивировалось развитие физических данных и отношение к празднику как к священному труду (характерен пример субботников, приводимый исследователем) (с. 83). Попытка сделать рабочего, подобной машине, укладывается в тренд на биомеханику 1920-х гг., которой в России активно занимался Центральный институт труда под руководством Гастева.

Е.В. Барышева проследила процесс институционализации государственного регулирования праздников. Если в 1918 г. власть привлекала к декорации Москвы известных деятелей «Бубнового вальса» А. Лентулова, А. Куприна, В. Рождественского и многих других передовых представителей искусства того времени, которые могли пользоваться относительной свободой в выборе образов и сцен (которые, как отмечает ученый, не всегда были понятны обывателю [Барышева 2020, с. 72]), то уже с середины 1920-х гг. государство начинает активно регулировать постановку и декорирование праздников.

Создаются регулирующие органы, такие как Общество строителей Международного Красного стадиона, секторы искусств и массовых мероприятий Наркомата просвещения и Культсектора ВЦСПС и проч., которые занимаются подготовкой кадров для проведения парадных шествий в честь праздника и разработкой методических рекомендаций. Если на протяжении 1920-х гг. еще оставалось место для свободного творчества в подготовке государственных праздников, то с укреплением власти И. Сталина митинги и парады стали строго унифицированы. Театральные постановки начала 1920-х гг. были окончательно прекращены, а отступать от инструкций по проведению праздников стало запрещено (с. 58).

Высокий уровень дискуссий внутри государственных органов вокруг правил проведения парадов и демонстраций и способов их совершенствования, который отображает автор монографии, позволяет показать, насколько важны были праздники для советской власти. Даже в тяжелые годы, когда государству приходилось экономить буквально на всем, на проведение праздников выделялись сравнительно большие суммы. Так, Е.В. Барышева приводит пример, что в 1922 г. Политбюро ЦК выделяет на проведение Первой в Москве 10 млрд дублей, и это когда Гражданская война только закончилась (с. 64).

Автор также отметила, что среди прочих задач, которые преследовало государство при проведении праздника, было стремление военизировать общество, подготовить его к грядущей мировой революции и зародить в умах рабочих чувство солидарности с рабочими других стран. Массовые празднества и политкампании, таким образом, являлись средством мобилизации граждан, формированием лояльного власти кадрового резерва. Неслучайно, по мнению учено-

го, грандиозные стройки того времени, такие как, например, строительство Международного Красного стадиона, широко освещались в СМИ и часто фигурировали во время проведения праздников. Подобные стройки выступали еще и как средство идеологической пропаганды, куда шли работать истинные «строители коммунизма».

Образы и лозунги, использовавшиеся при праздничном оформлении, не только отвечали современным запросам власти (изображение крестьян, рабочих, карикатуры на капиталистов и священников), но и выстраивали преемственность с прошлым, чтобы легче быть усвоенными простыми людьми. Как отмечает Е.В. Барышева, в данном случае происходила репрезентация власти с помощью новых символов и атрибутов, создаваемых в начале 1920-х гг. художниками-авангардистами. При этом при создании подобных образов часто брались классические и даже религиозные символы – ангелы, святой Георгий Победоносец.

Отдельное место ученый отводит изучению праздничной топографии советского города. На протяжении всех 30-х гг. в воздухе витали грандиозные идеи радикальной реконструкции столицы, превращения ее в центр прогрессивного человечества. Е.В. Барышева показывает, что ввиду важности государственных праздников Москву хотели перепланировать в главную театральную площадь страны (с. 125). Именно под проведение митингов и демонстраций подстраивалась проектировка города, с этой целью строились монументальные парки, чтобы центр города вмещал в себя многомиллионные толпы радостных и счастливых пролетариев.

Как профессиональный историк, автор очень внимательна к источниковой базе исследования. Можно было бы посвятить особый сюжет тому, насколько репрезентативна созданная ею база источников и как профессионально она работает с ней.

Об отношении населения к советским праздникам автор пишет особо. Она отмечает, что многие участники демонстраций воспринимали их неоднозначно, как и советские праздники в целом. Благодаря использованию архивных данных Е.В. Барышева привлекла к исследованию многочисленные донесения, а также результаты мониторинга общественных настроений ОГПУ, которые внимательно следили за тем, как общество воспринимает проводимые праздничные мероприятия. Это наглядно иллюстрирует, что обязательное участие в демонстрациях в праздничный день выматывало многих рабочих, а плохая организация шествий, неясные цели подобных мероприятий и банальное отсутствие туалетов на пути колонн формировало негативное отношение населения (с. 188).

Вместе с тем автор не говорит о том, что отношение населения к праздникам было в целом отрицательным, приводя также и поло-

жительные высказывания рабочих о важности проведения митингов и шествий. Обращается внимание и на непонимание со стороны рабочих, особенно проживающих в небольших городах, почему государство тратит большие деньги на праздники, но не вкладывается в качественное улучшение жизни населения. Не воспринимали многие и тот образ «счастливой жизни», который транслировался им через описания праздников в газетах и журналах. Подобные настроения автор передает удачно выбранной цитатой одного из рабочих, сохранившейся благодаря записям ОГПУ: «В общем везде хорошо, а жрать нечего» (с. 176).

Эти различия в позициях непосредственных участников праздничных мероприятий, неоднозначность отношения к официальным праздникам выводят нас еще на одну чрезвычайно интересную проблему, с какого времени и насколько официальные государственные праздники входили в реальный быт и бытование советских граждан? Может быть, можно размышлять о том, что они способствовали формированию *двухуровневой* культуры празднования. Один уровень – парады, праздничные шествия, торжественные заседания и концерты, которые были важнейшими элементами празднования и вырабатывали и особую культуру, и стиль поведения, и способы публичной коммуникации. Другой уровень – это то, что происходило после окончания официальных торжеств, то, как проводили эти дни обычные люди в своих семьях, с друзьями, насколько первый уровень празднования проникал в реальную повседневность.

Впрочем, это может быть вопрос для следующего специального исследования автора.

В итоге можно сказать, что в своей монографии Е.В. Барышевой удалось раскрыть феномен советского праздника как механизма социального конструирования нового общества. Автор удачно рассмотрела идеологические, социальные, психологические и культурные аспекты государственного праздника, проследила ретроспективу его развития в 1920–1930-х гг., а также выявила отношение власти и общества к культурно-массовым мероприятиям того времени.

Информация об авторе

Максим А. Гаецкий, магистр исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gaetskim@gmail.com

Information about the author

Maksim A. Gaetskii, master in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; gaetskim@gmail.com

Рецензия на книгу:
Медушевский Н.А. Размышления о политике памяти.
[б.м.]: Издательские решения, 2019. 146 с.

Григорий Д. Галдилов
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ggaldilov@inbox.ru

Аннотация. В рецензии рассматривается книга доктора политических наук, доцента кафедры культуры мира и демократии РГГУ Н.А. Медушевского. Монография объединила в себе шесть авторских работ, посвященных проблематике исторической памяти и ее политической интерпретации.

Ключевые слова: Россия, историческая память, политика, место памяти

Для цитирования: Галдилов Г.Д. Рецензия на книгу: Медушевский Н.А. «Размышления о политике памяти». [б.м.]: Издательские решения, 2019. 146 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». Выпуск № 3. 2020. С. 141–148. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-141-148

Book review: Medushevskii, N.A. (2019),
Thoughts about the politics of memory,
[s. l.]. Izdatel'skie resheniya, Russia

Grigorii D. Galdilov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ggaldilov@inbox.ru

Abstract. The review considers the book by N.A. Medushevskii the doctor of political sciences, associate professor in the department of the peace and democracy culture with RSUH. The monograph combines six works of authorship devoted to the problematic of historical memory and its political interpretation.

Keywords: Russia, historical memory, political sciences, memory place

For citation: Galdilov, G.D. (2020), “[Book review]: Medushevskii, N.A. (2019), ‘Thoughts about the politics of memory’ [s. l.]. Izdatel'skie resheniya, Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. Political Science, History, International Relations Series*, no. 3, pp. 141-148, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-141-148

Введение

Монография Николая Андреевича Медушевского посвящена актуальным вопросам современности – проблемам политики памяти, – остро встающим на повестку дня последнее десятилетие.

Книга являет собой целую систему, выстроенную автором в понимании не только исторической памяти, но и того, как она трансформируется в политическом пространстве. Нельзя однозначно сказать, что является основным предметом работы: им может выступать и трансформация политического, и исторический контекст или, быть может, сама историческая память. В работе присутствует целый комплекс проблем, которые по-своему являются отдельными темами, но в тоже время не могут существовать друг без друга. Именно поэтому, рассматривая данный труд, не стоит брать одну «призму исторического» или применять только «политические методики» анализа. Лишь их синтез позволит взглянуть на данную монографию под нужным углом.

Современному ученому, рассматривающему любые проблемные точки, не следует упускать из виду фактор глобализационного воздействия. Работая в условиях, когда глобальные тенденции противостоят региональным и локальным, политика памяти в руках исследователя может превратиться из объекта изучения в самое настоящее орудие, инструмент, способный повлиять на исторический контекст. И тогда знаменитое изречение Антона Дрекслера уже приобретет иной смысл, который, однако, под влиянием все той же «исторической памяти» будет склоняться в ту или иную сторону.

Неслучайно конец XX в. стал временем, когда политика памяти начала набирать популярность и все чаще вставать на повестку международных дискуссий, далеко выходя за пределы кулуарных обсуждений. А такие формы коммуникации, как радио, телевидение, а затем и интернет, сделали этот вопрос достоянием общестственности. Н.А. Медушевский специально акцентирует внимание на том, что хоть осмысление памяти в обществе стало открытым, тем не менее, с другой стороны, память превратилась в орудие, которое успешно используется крупными общественными и политическими машинами.

Таким образом, сложившись воедино, все эти вопросы встают на повестку дня политических элит, чувствующих, что устои региональных и глобальных интеграций уже не являются монолитными столпами стабильности. Именно под этим воздействием начинают давать трещины и достаточно устойчивые политические системы, например федеративного типа.

Очевидно, что несомненная актуальность поднимаемой исследователем проблемы тесно переплетается с актуальностью культурной, социальной и политической, ведь именно сейчас Европа и, в частности, Россия находятся в ситуации, когда диалог относительно исторической памяти оказывается «*conditio sine qua non*» современной повестки дня.

Политика памяти или политика вызовов

В одной из статей сборника Н.А. Медушевский рассматривает важный вопрос современности: является ли политика памяти актуальным вызовом для регионального развития? В качестве своего научного собеседника автор выбрал знаменитого аргентинского социолога и общественного деятеля Элизабет Джелин [Jelin 2002], которая поставила на мировую повестку дня вопрос развития и укрепления исторической памяти близких друг к другу стран, так называемого Южного Конуса, подвергнувшегося воздействию «*Guerra Sucia*»¹.

Многие годы, даже поколения, в историко-политическом пространстве стоит вопрос: а может ли нация существовать без исторического контекста [Хобсбаум 1998; Хобсбаум 2004]. Конечно же, нации, народы, любые этнические группы, как разобщенные, так и единые, не могут существовать без прошлого, без осмысления себя в том или оном историческом контексте. Как справедливо подмечает Н.А. Медушевский, «самовосприятие отдельного этноса и народа тут же становится ангажированным», а происходит это отчасти из-за того, что общество нуждается в «мифологизации и идеализации прошлого» [Медушевский 2019, с. 3–5]. Современное общество, изучая примеры прошлого, становится еще более продвинутым, и проблемы искажения исторического контекста выходят далеко за пределы региональных образований, становясь проблемой межгосударственной и, что более важно – общенациональной.

Приводя примеры Э. Джелин, автор говорит о том, что «носители памяти» – это главные верификаторы взглядов и убеждений общностей, влияющих на международную повестку. Разумеется, историческая память народа – вещь пассивная, лишь иногда она актуализируется и становится катализатором процессов, которые чаще всего в общественной и научной сферах называют «кризисы». Вспомнить хотя бы коллапс исторической науки рубежа XX–XXI вв. [Логунов 1996]. Именно в этих спорных точках историческая память стано-

---

¹ *Guerra Sucia (исп.)* – Грязная война.

вится консолидирующим моментом, который предоставляет возможность осмыслить все процессы в совокупности.

Собственно, региональные исторические события как объект исследования и моделирования исторической памяти выводятся Н.А. Медушевским на первый план, акцентируя внимание на том, что изучение Э. Джелини вопросов внутренней политики Южного Конуса в отечественной науке может лечь в основу схожих процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Через интерпретацию политики памяти в работах латиноамериканских исследователей, становится возможно рассматривать иные региональные практики, ставшие центром формирования политики памяти между Россией и ее ближайшими соседями.

В данной связи очевидно, что при изменении политической повестки крайне актуальным для региона становится реанимированное восприятие общего прошлого.

Историческая память как инструмент воздействия

Говоря об исторической памяти, не стоит забывать и об еще одном схожем явлении – «мемориальной политике». Н.А. Медушевский специально делает акцент на том, что именно трансформация принципов и структуры политики памяти происходит во всех странах и регионах мира без исключения. Однако если во многих странах западного мира политика памяти приобрела различные очертания, то в России образ официальной модели исторической памяти крайне абстрактен. Именно поэтому ставится вопрос: а проводит ли государство осознанно централизованную политику памяти?

Ответ не так однозначен, хотя стоит совершить оговорку, что трансформация тех или иных событий приобретает в различных слоях абсолютно разный рельеф восприятия. Для более объективной оценки памяти стоит рассматривать состояние общества или его элементов от исходной точки того или иного явления, которое является своего рода катализатором изменений. Здесь важна связь поколений и сохранение информации в ее первоизданном виде, на основе которых и будет конструироваться мемориальная политика. Однако так ли это на самом деле?

Автор точно подмечает, что чем дальше события находятся от наблюдателя, тем больше возрастает уровень искажения первичной картины, что еще больше актуализирует конфликтный потенциал воспоминаний [Медушевский 2019, с. 5–8, 86]. В таких

условиях и возникает плодородная почва для проблемы оценки искажения фактов. Мировая история знает множество примеров коллапса мемориальной политики, в особенности спорных исторических личностей, коими для России являются Петр I, Иван IV Грозный, И.В. Сталин и др. В качестве подтверждения своих слов Н.А. Медушевский подробно рассматривает проблему установки памятника Ивану Грозному в Омске.

Говоря о пересмотре исторических представлений, главное значение приобретает не только сам рассматриваемый прецедент, но также и суть данного феномена. Исходя из этого возникают два важнейших фактора, влияющих на политику памяти, – феномен системности и фактор комплексности, которым в статье уделено особое внимание.

Конечно же, в современном информационном обществе политика памяти – это тренд визуализации истории. Каждому независимому участнику процесса создания памяти хочется верить, что именно его правда является истинной, однако так ли это на самом деле? Возможен ли такой сценарий в принципе? Ответы на эти вопросы найти не так легко, несмотря на их кажущуюся простоту. Возьмем хотя бы такой феномен, как «места памяти», возможно ли говорить однозначно об их правдивости, необходимости, востребованности? Недаром автор подводит читателя к закономерному выводу, что современная отечественная мемориальная политика находится в самом начале своего пути, в связи с этим переработка ценностей и их материального воплощения неизбежна.

«Большая история» в контексте современности

Вопрос создания «большой истории» не раз выходил на повестку исторического знания. Однако этот процесс таит в себе множество подводных камней, которые окажутся на пути у исследователей. Одним из таких порогов неминуемо станет историческая память – символ коллективной идентичности. Будет ли она одинакова для всех этносов, проживающих на огромной, «большой» территории? Ответ очевиден – нет.

Факт принадлежности одного «места памяти» исторической памяти нескольких групп создает опасную конфликтогенную ситуацию, которая тем не менее все же нормальна в сфере политики самоидентификации.

«Когда читаешь рассказы путешественников, кажется, будто на тебя идут все звери земли разом» [Броделб 2007]. Именно с такой

же проблемой может столкнуться исследователь, размышляющий о политике памяти. А множественные споры заставят всех участников неминуемо прийти к одному общему выводу, что любая дискуссия о конфликтах сводится к совокупности тех или иных оценок доказательств того или иного факта.

Именно поэтому Н.А. Медушевский закономерно ставит несколько основополагающих вопросов на повестку дня. Например, почему для России столь важна, но невозможна универсальная национальная история?.. Ответа на этот вопрос вы не найдете в тексте, так как автор оставляет его открытым, для каждого исследователя он будет разным.

Заключение

Формирование политики памяти очень сложная и многоуровневая проблема современности. В середине XX в. историческое пространство было «взорвано» ошеломляющим успехом труда французского историка Эммануэль Ле Руа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)». По всему миру звучали восторженные отклики, его работу даже называли «триумфом искусства историка» [Schlesinger 1976]. Но является ли эта работа раскрывающей феномен политики памяти? Вряд ли, ведь у Ладюри отсутствует самое важное – властный институт, контролирующий или формирующий интеллектуальный контекст, но при этом присутствует важнейший для памяти фактор – «безмолвствующее большинство» – необразованные крестьяне из деревни Монтайю.

Изучая другой труд [Булдаков 1997], который уже на излете XX в. занял одну из знаковых позиций в отечественной историографии, стоит обратить внимание на следующую цитату, которая вполне уверенно чувствует себя и без контекста: «Человеческая память имеет обыкновение подверстывать прошлое к тому или иному масштабному событию. Поэтому важно найти другую – метасобытийную реальность...» [Булдаков 1997, с. 14].

В современном мире политика памяти – это не менее важный фактор формирования исторического контекста, что показывает нам анализ статей Н.А. Медушевского. Необходимо создать новый диалог культур с различной степенью сакрализации мышления, создать почву для социальной дискуссии. Совместить память «безмолвствующего большинства» и найти новую «метасобытийную реальность». Однако следует помнить, что коллективная память –

это всегда память разделенная, которая никогда не сможет быть единой. Этот принцип разделения должен поддерживаться неукошнительно, и, быть может, тогда и возникнет то самое поле для «размышлений о политике памяти».

Литература

- Бродель 2007 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2007. 752 с.
- Булдаков 1997 – *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Росспэн, 1997. 373 с.
- Логунов 1996 – *Логунов А.П.* Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80-х – начала 90-х гг. // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 447–487.
- Медушевский 2019 – *Медушевский Н.А.* Размышления о политике памяти. [б.м.]: Издательские решения, 2019. 146 с.
- Хобсбаум 1998 – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
- Хобсбаум 2004 – *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Изд-во «Независимая газета», 2004. 632 с.
- Jelin 2002 – *Jelin E.* Los trabajos de la memoria. Madrid, 2002. 156 p.
- Schlesinger 1976 – *Schlesinger A.M., Jr.* Review «Montaillou, village Occitan» // The New York Times. 1976.

References

- Medushevskii, N.A.* (2019), *Razmyshleniya o politike pamyati* [Reflections on the memory policy], [s.l.]. Izdatel'skie resheniya, Russia.
- Braudel, F. (2007), *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle*, En 3 vols., Vol. 1: Les structures du quotidien, le possible et l'impossible, Ves' mir, Moscow, Russia.
- Buldakov, V.P. (1997), *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Strife. The nature and consequences of revolutionary violence], Rosspen, Moscow, Russia.
- Logunov, A.P. (1996), “Crisis of historical science or science in the conditions of social crisis. Soviet historiography of the second half of the 80s – early 90s”, *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet historiography], RGGU, Moscow, Russia, pp. 447–487.
- Hobsbawm, E.J. (1998), *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and Nationalism since 1780. Programme. Myth. Reality], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.

- Hobsbawm, E.J. (2004), *Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek* (1914–1991 [Age of Extremes. The short twentieth century (1914–1991)], Izdatel'stvo Nezavisimaya gazeta, Moscow, Russia.
- Jelin, E. (2002), *Los trabajos de la memoria*, Madrid, Spain.
- Schlesinger, A.M. Jr. (1976), Review «Montaillou, village Occitan» // The New York Times. 1976.

Информация об авторе

Григорий Д. Галдилов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ggaldilov@inbox.ru

InformaInformation about the author

Grigorii D. Galdilov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ggaldilov@inbox.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
О.Н. Картамышева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 28.09.2020.

Формат 60×90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 8,4. Усл. печ. л. 9,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 969

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rgggu.ru

www.knigirgggu.ru